

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2017 11 (784)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 11 (784)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 11 (784)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2017

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
С. С. Кунабаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Т. В. Писанова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (Россия)
М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
И. А. Семина, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Языкознание

И. Василюк, канд. филол. наук (Польша)
Е. Е. Голубкова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. М. Жданова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Е. Б. Карневская, канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Ф. Косиченко, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. Б. Кудрявцева, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. В. Порохницкая, д-р филол. наук (МГЛУ)
Л. Ш. Рахимбекова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. А. Уралова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Г. М. Фадеева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Э. А. Харитончик, д-р филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Н. Цветаева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Дж. Ченки, д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
В. Янулевичене, д-р гуманитарных наук, проф. (Литва)

Литературоведение

А. П. Бондарев, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
В. Н. Ганин, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
О. В. Евтушенко, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Е. В. Сомова, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
С. П. Толкачев, д-р филол. наук, проф. (Литературный ин-т им. М. Горького)
С. Н. Травников, д-р филол. наук, проф. (Ин-т рус. яз. им. Пушкина)

Культурология

А. Ю. Евдокимов, академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Е. А. Осьминина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. А. Полетаева, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Р. А. Силантьев, д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
В. А. Тёмкин, канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)

Философские науки

В. А. Васильев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
А. Н. Лоцилин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
Ю. А. Сухарев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Сорокина Т. С.</i> Грамматический концепт как когнитивная схема языковой интерпретации	11
<i>Салькова М. А., Мачина О. А.</i> Расширение инструментария современных лингвистических исследований: корпусный анализ как интенсификация грамматического правила	21
<i>Смурова О. В.</i> Гештальт-функции лингвистического концепта «эпистемическая оценка» (на материале The British National Corpus)	37
<i>Донченко А. Д.</i> Роль метафорических концептов в формировании лексико-семантических и грамматических категорий	48
<i>Попова Е. А.</i> Место сирконстанта в семантической структуре высказывания	59
<i>Романова И. Д.</i> Бизнес-коммуникация и ее жанровая репрезентация	77
<i>Климик В. А.</i> Лингвокреативная орфография как инструмент кооперации автора и читателя	89
<i>Грибанова Т. И., Коршунова Е. Н.</i> Тенденции употребления генитива в современном английском языке	104
<i>Ванько Т. Р.</i> Синтаксис новостных сообщений информационного агентства Bloomberg News	118

<i>Мачина О. А., Горшков Г. И.</i> Межъязыковой перенос при обучении грамматике (на примере позиций наречия в предложении)	127
<i>Лебедева И. С., Павлова Е. Б.</i> Интенсифицирующие наречия в английском языке: диахронный аспект	141
<i>Маркова Ю. Б.</i> Возникновение письменности у древних германцев	153
<i>Анисимова В. Б.</i> Репрезентация концепта «отношение» в английском языке (диахронный аспект)	157

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Бондарев А. П.</i> Французская креативная ментальность: между эмпиризмом и рационализмом	170
<i>Семенец А. В.</i> Женственность как маскарад: преодоление гендерных маркеров в романах А. Картер	181
<i>Смирнова И. Б.</i> К проблемам оценивающего восприятия научного текста (Теория литературы. Текстология. Методология защиты диссертационного исследования)	193

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Касюк А. Я., Силантьев Р. А., Полетаева М. А., Амелёнков А. А.</i> Русскоязычные евреи в экстремистских и террористических организациях исламистского характера	209
<i>Осьминина Е. А.</i> Культура Китая в осмыслении В. С. Соловьева	220

<i>Силантьев Р.А., Полетаева М.А., Лямзин М.А.</i> К практике использования художественных фильмов для профилактики экстремистских и террористических настроений в студенческой среде	229
<i>Тузинэк А.</i> Другой, Свой или Чужой в польской современной гуманитарной мысли	237

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Васильев В.А.</i> К вопросу о компромиссе	245
<i>Рюмина М.Т.</i> «Духовный поворот» в абстрактном искусстве В. В. Кандинского	255

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Sorokina T. S.</i> Grammatical Concept as a Cognitive Schema of Linguistic Interpretation	11
<i>Salkova M. A., Machina O. A.</i> More Tools for Modern Linguistic Research: Corpus-Based Analysis Boosting Grammar Rules	21
<i>Smurova O. V.</i> Geshtalt-Functions of the Linguistic Concept “Epistemic Evaluation”	37
<i>Donchenko A. D.</i> Role of Metaphoric Concepts in the Formation of Lexical-Semantic and Grammatical Categories	48
<i>Popova E. A.</i> Place of Circonstants in the Semantic Structure of an Utterance	59
<i>Romanova I. D.</i> Business Communication and Its Genres	77
<i>Klimik V. A.</i> Linguocreative Orthography as an Instrument of the “Author–Reader” Cooperation	89
<i>Gribanova T. I., Korshunova E. N.</i> Tendencies of Using Genitive in Modern English	104
<i>Vanko T. R.</i> “Bloomberg News” Syntax	118
<i>Machina O. A., Gorshkov G. I.</i> The Influence of Crosslinguistic Transfer on the Second Language Grammar Acquisition (illustrated by the position of adverbials)	127

<i>Lebedeva I. S., Pavlova E. B.</i>	
Intensifying Adverbs in the English Language Viewed Diachronically	141
<i>Markova Y. B.</i>	
Evolution of Old Germanic Writing	153
<i>Anisimova V. B.</i>	
Diachronic Representation of the Concept 'Relation' in English	157

LITERARY STUDIES

<i>Bondarev A. P.</i>	
French Creative Mentality: between Empiricism and Rationalism	170
<i>Semenets A. V.</i>	
Femininity as a Masquerade: Overcoming Gender Markers in A. Carter's Novels	181
<i>Smirnova I. B.</i>	
Problems of Perception of the Scientific Texts (Theory of literature. Textology. Methodology of defending the thesis)	193

CULTUROLOGY

<i>Kasiuk A. Y., Silantyev R. A., Poletaeva M. A., Amelioncov A. A.</i>	
Russian-speaking Jews in Islamic Extremist and Terrorist Organizations	209
<i>Osmirina E. A.</i>	
The Chinese Culture in the Understanding of V. S. Solovyov	220
<i>Silantyev R. A., Poletaeva M. A., Liamzin M. A.</i>	
To the Practice of Using Feature Films for the Prevention of Extremist and Terrorist Sentiments in the Student Environment	229
<i>Tuzinek A.</i>	
Different, Familiar or Alien in the Polish Modern Humanitarian Thought	237

PHILOSOPHY

Vasiliev V. A.

To the Question of Compromise 245

Ryumina M. T.

The "Spiritual Turn" in Abstract Art of V. V. Kandinsky 255

УДК 81.1; 81.37

Т. С. Сорокина

доктор филологических наук, профессор, профессор каф. грамматики и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: sotan1462116gmail.com

ГРАММАТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ КАК КОГНИТИВНАЯ СХЕМА ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье рассматривается проявление селективной (интерпретирующей) функции языка на примере диахронных изменений грамматического концепта «отношение» в английском языке: перераспределение в составе когнитивных схем, разная выделенность компонентов (лексических, морфологических и синтаксических) при гештальтном восприятии структур – репрезентантов концепта, смена прототипов языковой репрезентации концепта.

Ключевые слова: когнитивная схема; селективная функция; концепт; выделенность; прототипы; языковая репрезентация.

T. S. Sorokina

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor of Grammar and History of English, English Language Department, MSLU;
e-mail: sotan1462116gmail.com

GRAMMATICAL CONCEPT AS A COGNITIVE SCHEMA OF LINGUISTIC INTERPRETATION

The article discusses trigger-selection evidenced in diachronic changes of the grammatical concept “relation” in English: redistribution of the constituents of the cognitive schema, salience of the components (lexical, morphological, syntactic) of the gestalt structures, prototypes of linguistic representation.

Key words: cognitive schema; trigger – selection; concept; salience; prototypes; linguistic representation.

Одним из главных методологических принципов когнитивно-го подхода является положение о том, что человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании. Это означает, что человек каждый раз заново формирует смыслы и выбирает средства их репрезентации используя, в том числе, собственный

языковой опыт, а не строит свои высказывания только по готовым моделям [Кубрякова 2004].

Активная роль человека в формировании языковых смыслов свидетельствует об интерпретирующем характере человеческого сознания и, как следствие, языкового сознания, языковой картины мира, системы языка, всех его единиц и категорий, дискурсивной деятельности в ментально-языковом конструировании окружающего мира. В свою очередь это дает основание говорить о третьей ключевой, помимо когнитивной и коммуникативной, интерпретирующей функции языка [Болдырев 2015, Болдырев 2016].

Ментально-языковое конструирование мира человеком в процессе концептуализации и категоризации мира в языке осуществляется с помощью когнитивных моделей (схем). Это прежде всего концепты, категории и пропозиции как общие схемы языковой интерпретации. При этом «селективная функция языковой интерпретации отличается выборочной концептуализацией и репрезентацией и проявляется в языковых обозначениях соответствующих концептов, т. е. в структуре языковой картины мира» [Болдырев 2016, с. 13]. Также в качестве когнитивной схемы языковой интерпретации может выступать структура самого концепта.

Особую роль в интерпретации знаний о мире играют собственно грамматические концепты [Болдырев 2016]. «Как когнитивные схемы языковой интерпретации они интерпретируют знания об объектах и событиях мира, их характеристиках и взаимосвязях с соответствующими законами и принципами языковой коммуникации, представляя их в качестве ... субъектов, объектов, действий, процессов, состояний, отношений» и т. п. [Болдырев 2016, с. 17]. Проиллюстрировать эти положения можно на примере концепта «отношение» в английском языке.

Концепт «отношение» понимается нами как языковой, частично вербализованный, лексически, морфологически и синтаксически репрезентированный концепт; как единица языкового знания, гештальтно передающая способы языкового представления знания о мире [Сорокина 2015]. Содержание концепта «отношение» составляют максимально обобщенные, абстрагированные смыслы (концептуальные характеристики или компоненты концепта), которые представляют собой объединения и обобщения семантических функций,

выделенных путем функционально-семантического анализа (т. е. результат обобщения конкретных лексико-грамматических смыслов). Структурно концепт «отношение» делится на два субконцепта – субконцепт «отношение предмета к предмету (П – П) и субконцепт «отношение действия к предмету» (Д – П), которые могут различаться набором компонентов, их наполнением и репрезентацией. Основными средствами репрезентации являются субстантивное словосочетание для субконцепта П – П и глагольно-объектная структура для субконцепта Д – П. В концепт «отношение» входят максимально обобщенные абстрагированные атрибутивные, объектные и адвербиальные смыслы, по-разному распределенные по его субконцептам. Сочетания этих абстрактных смыслов и составляют когнитивные схемы концепта «отношение» и его субконцептов.

Диахронные изменения репрезентации концепта «отношение» в процессе истории английского языка с древнеанглийского (далее – ДА) по новоанглийский (далее – НА) период в полной мере отражают действие селективной (интерпретирующей) функции языка в следующих аспектах:

- 1) изменение долей разных абстрактных смыслов в когнитивных схемах субконцептов П–П и Д–П;
- 2) изменение в ролевом участии («выделенности») уровней компонентов (лексических, морфологических и синтаксических) при гештальтном восприятии репрезентантов П–П и Д–П;
- 3) изменения в выборе прототипических структур, репрезентирующих данные субконцепты.

1. Исследование показало, что в структуре субконцепта П–П доля атрибутивной семантики остается практически неизменной, в то время как в субконцепте Д–П резко возрастает доля объектной семантики и уменьшается доля адвербиальных смыслов, что в целом не влияет на распределение семантики в структуре концепта «отношение» в целом. Следовательно, концепт как когнитивная схема может сохранять в целом свою структуру, но изменять наполнение компонентов структуры: из двух доминирующих компонентов когнитивной схемы – атрибутивного и объектного, именно объектный компонент выходит на передний план. Иными словами, селективная функция языка проявляется в предпочтительном выборе объектной семантики

для передачи отношений между действием и объектом (за счет падения реализаций обстоятельственных значений), т. е. в данный момент истории когнитивная схема ситуации (состояния, положения дел) превалирует над характеристикой действия. С другой стороны, в субконцепте П–П когнитивная схема отношений между участниками действия (ситуации, положения дел) не только не демонстрирует ограничений с точки зрения селективной функции, но, наоборот, усложняется за счет разнообразия вступающих в отношения объектов. Следовательно, исторические изменения структуры и содержания концепта «отношение» происходят за счет внутренних преобразований субконцептов.

Можно предположить, что наблюдаемое увеличение частотности употребления глагольно-объектных структур (как репрезентантов субконцепта Д–П) в объектных смыслах вызвано, в числе прочих факторов, тем обстоятельством, что круг глаголов, могущих принимать прямое дополнение, чрезвычайно расширился в НА период по сравнению с ДА периодом. Отсюда – рост частотности глагольно-объектной структуры за счет ее беспредложного употребления. Последнее связано, в свою очередь, с исторической перестройкой системы переходности / непереходности в английском языке. Кроме того, замена префиксальных глаголов глаголами с предлогами сопровождалась заметными различиями в их семантике.

Что касается адвербиальных смыслов, входящих в когнитивную схему субконцепта Д–П, в ДА период дат. и вин. падежи существительного выражали целую гамму обстоятельственных значений в глагольно-объектной структуре (пространственных, временных, инструментальных, причинных, целевых и др.). При этом предложное и беспредложное употребление в этой структуре варьировалось. Утрата вин. и дат. падежей шла параллельно с перераспределением функций между чистым падежом и предложным оборотом. К НА периоду семантика обстоятельственных значений переносится с падежной формы на предлог и лексическое значение глагола, образующего ядро глагольно-объектной структуры [Историко-типологическая морфология германских языков, с. 203–204]. Таким образом, новые глаголы и новые предлоги (и переосмысленные старые) как бы «забирают» себе объектную семантику, тем самым уменьшая долю обстоятельственной семантики в субконцепте Д – П.

Для субконцепта П–П сохраняется ведущая роль атрибутивных смыслов, однако заметно усложняется их внутренняя семантика (увеличивается число семантических функций, формирующих эти смыслы) как за счет появления новых существительных в составе субстантивных сочетаний, так и за счет появления новых предлогов и переосмысления старых предлогов.

Такое перераспределение в семантике концепта «отношение» происходит на фоне растущей специализации субконцептов, наметившейся в ДА период: закрепление объектной семантики за субконцептом Д–П и определительной семантики за субконцептом П–П. При этом носителем «нового качества» – большей объективизации концептуального содержания является субконцепт Д–П.

Все вышеизложенное, на наш взгляд, свидетельствует не о простой замене одних форм и структур другими, а о появлении новых способов смыслообразования, т. е. о действии селективной (интерпретирующей) функции языка. Подтверждение этому мы находим у Р. Хогга и Д. Денисона [Hogg, Denison 2006, с. 165]: «The changes in this area are therefore most profitably viewed as consisting in a shift in general methods of meaning-making rather than the replacement of individual forms by others».

2. Поскольку когнитивный подход к исследованию языка предполагает не столько изучение объективных характеристик его единиц и категорий, сколько способов восприятия мира человеком, представленных в языке, мы предполагаем, что грамматические концепты с их когнитивной схемой и ее репрезентацией воспринимаются человеком гештальтно во всей совокупности их лексического, морфологического и синтаксического содержания. Однако роль этих компонентов может по-разному «высвечиваться» в разные периоды исторического развития языка и его носителей.

Как показало исследование, для субконцепта Д–П диахронные изменения лексико-семантической и грамматической подсистем английского языка находят отражение в изменении удельного веса отдельных компонентов при гештальтном восприятии глагольно-объектной структуры: с утратой морфологического компонента, играющего ведущую роль при восприятии глагольно-объектной структуры в ДА период, центральными компонентами для субконцепта Д–А в НА период становятся *синтаксический и лексический компоненты* этой

структуры в их взаимосвязи и взаимозависимости. Удельный вес лексического компонента определяется с учетом всех трех лексических составляющих глагольно-объектной структуры: самого глагола как ведущего члена словосочетания, существительного в роли дополнения, а также предлога (в случае предложного дополнения). При этом усиление лексического компонента происходит главным образом за счет качественно-количественных изменений лексического глагола и в меньшей степени за счет качественно-количественных изменений лексической семантики существительного и предлога.

Что касается передачи отношений «Предмет-Предмет», здесь, в отличие от глагольно-объектной структуры, синтаксические изменения в сфере субстантивного словосочетания не столь разительны. Это связано, прежде всего, с утратой синтагматических средств выражения падежной дифференциации (согласование с существительным местоимений, прилагательных и развивающегося артикля). В ДА период в препозиции выступает существительное в род. падеже (хотя возможна и постпозиция, но редко). Род. падеж был чисто синтаксическим средством связи между существительными: семантика субстантивного словосочетания (диапазон семантических отношений) определялась широкой сочетаемостью различных лексических разрядов имен существительных. В дальнейшем основным средством синтаксической связи в препозитивной группе становится примыкание, а в постпозитивной группе – предложная связь. Начиная со среднеанглийского периода, возникает новый способ выражения препозитивного определения – с помощью существительных в общ. падеже. Одновременно широко распространяется постпозитивное определение, выражаемое предложной группой существительного. Это связано с установлением твердого порядка слов в определительном словосочетании, а также с семантическим сдвигом в значении предлогов: вырабатывается дифференцированное употребление предлогов, появляются новые предлоги, происходит переосмысление старых предлогов.

Отсюда – диахронные изменения структур, репрезентирующих субконцепт П–П, с утратой морфологического компонента (кроме род. падежа) и сравнительно небольшими изменениями в синтаксисе приводят к увеличению удельного веса лексического компонента структуры, главным образом, за счет количественных изменений

лексики обоих существительных и качественно-количественных изменений в системе предлогов. Таким образом, определяющим фактором в гештальтном восприятии структур, репрезентирующих субконцепт П–П, становится *лексический компонент*. Здесь селективная (интерпретирующая) функция языка проявляется в разном использовании имеющихся в распоряжении языка средств для реализации меняющихся когнитивных схем, в преимущественном выборе одних средств за счет других. Это происходит при сохранении адекватности информационного кода английского языка в процессе его истории за счет внутренних ресурсов самого языка, что свидетельствует об адекватности его грамматической кодирующей подсистемы, способной к саморазвитию.

3. Как указано в [Болдырев 2016], интерпретирующий характер конструирования мира в языке может проявляться, в частности, в выборе прототипов и конкретных языковых средств для передачи когнитивных схем.

Исследование показало, что одновременно с изменением языка меняется и набор прототипов языковой репрезентации, т. е. «образцовых» и наиболее частотных языковых средств для передачи соответствующих компонентов концепта «отношение» (и его субконцептов) как когнитивной схемы.

Так, если в ДА период для субконцепта П–П прототипическими структурами при передаче отношений между объектами (участниками ситуации) были:

(род. падеж + беспредложное сущ.) (55 %) – goddess niman;
(дат. падеж + беспредложное сущ.) (17 %) – gode fultomiendun,

то в НА период мы наблюдаем иной выбор структур:

(общ. падеж + сущ. с предлогом *of*) (61 %) – a heart of that fine frame);
(род. падеж + беспредложное сущ.) (13 %) – his brother's son.

Для субконцепта Д–П прототипическими структурами при передаче отношений между действием и объектом действия в ДА период были:

(вин. падеж + беспредложное сущ.) (33 %) – þat hy godes folk warnian;
(дат. падеж + беспредложное сущ.) (11 %) – he sade hwilum þam bioscope;
(дат. падеж + сущ. с предлогом *on*) (11 %) – Ferde on þam ylcan wege,

а в НА это уже структуры:

(общ. падеж + беспредложное сущ.) (43 %) – to employ those soldiers;
(общ. падеж + сущ. с предлогами *in, with, to*) (25 %) – All I could do in these three years; to comfort you with chance; who have smelt to a strong perfume/

Таким образом, в процессе развития английского языка изменяется как наполнение компонентов когнитивной схемы, так и прототипы ее репрезентации.

Приведенные выше данные об изменении репрезентации объектного компонента когнитивной схемы концепта «отношение» в английском языке заставляют обратиться к концептуальной структуре глагола как ядра глагольно-объектного сочетания. Как указывает Е. С. Кубрякова, «...пространство глагольной лексики – это пространство отношений или событий или же действий с определенными участниками деятельности или положения дел» [Кубрякова 2004, с. 203].

Поскольку категория глагола как части речи базируется не на одном, а на нескольких концептах, концептуальная структура глагола включает, помимо процессуальных схем, скрытые, латентные «предметные» и «сирконстантные» значения [Кубрякова 2004, с. 266], что делает его (глагол) универсальным средством кодирования ситуаций и тех частей ситуаций, которые относятся к способам бытия объектов. Отсюда – глаголу как деятельностному компоненту отводится ведущая роль в структурировании ситуаций, он активизирует в сознании говорящих сложные структуры знаний, сложные когнитивные схемы.

Поскольку селективная (интерпретирующая) функция языка проявляется, в частности, в структуре языковой картины мира, рассмотрение диахронных изменений языковой картины мира предполагает учет отражения в языке изменений в восприятии человеком мира и его взаимодействия с окружающей средой, изменения его опыта познания мира, мотивации человеческого поведения и его отношений с обществом, переоценки ценностей и т. п., оказывающих влияние на процесс отбора, сохранения и считывания языковой информации.

Как мы предположили в [Сорокина 2014], изменения в «мире как он есть», отраженные в информации о нем, свидетельствуют об *усложнении ситуаций*, как со стороны деятельностного компонента,

так и участников сцен. Человеку как активному субъекту, организующему свою жизненную сферу сообразно своему опыту познания мира, свойственно стремление пополнить свой микромир, а также упорядочивать его посредством своей деятельности, видоизменяя при этом качественные характеристики составляющих сферу его влияния объектов. Для этого со стороны субъекта необходимы как *разнообразные действия*, направленные на вовлечение объектов в сферу своего влияния, так и сами *разнообразные объекты*.

Если принять, что главной функцией языка считается работа с информацией, и что в эту работу включается как фиксация информации в сознании говорящих, так и целевое предназначение его для передачи информации другим людям [Кубрякова 2004, с. 285], то становится понятно, почему *рост разнообразия ситуаций требует увеличения их удельного веса* в той информации, которую обрабатывает язык. Это в определенной степени объясняет увеличение реализаций объектной семантики, наблюдаемое на материале нашего исследования, и получает косвенное подтверждение в отмечаемом историками языка росте удельного веса беспредложных и предложных глагольно-объектных словосочетаний для языка в целом [Ярцева 1961, с. 185].

Из вышеизложенного можно заключить, что селективная (интерпретирующая) функция человеческого сознания и, как следствие языкового сознания, языковой картины мира наглядно демонстрируется при диахронном подходе к изучению грамматических концептов как когнитивных схем языковой интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев Н. Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов : Тамбовский госуниверситет им. Г. Р. Державина, 2015. Вып. 1. С. 5–13.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Тамбовский госуниверситет им. Г. Р. Державина, 2016. Вып. 4. С. 10–20.
- Историко-типологическая морфология германских языков / Академия наук СССР. Институт языкознания. М. : Наука, 1977. 359 с.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

- Сорокина Т. С.* Гештальт-анализ как исследовательская методика диахронической концептологии // Когнитивно-коммуникативная парадигма в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 9–19. (Вестн. Моск. гос. лингвист. у-та; вып. 26 (686). Сер. Языкознание.)
- Сорокина Т. С.* Концепт «отношение» и языковая картина мира (опыт исторической интерпретации) // Лингвистика и лингводидактика в когнитивно-коммуникативном аспекте: грамматические исследования. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 9–19. (Вестн. Моск. гос. лингвист. у-та; вып. 25 (711). Сер. Языкознание.)
- Ярцева В. Н.* Исторический синтаксис английского языка. М.–Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 308 с.
- Hogg R. and D. Denison.* A History of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 495 p.

УДК 81'3-13

М. А. Салькова, О. А. Мачина

Салькова М. А., кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой грамматики и истории английского языка ФАЯ МГЛУ; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Мачина О. А., кандидат филологических наук, доцент, доцент каф. грамматики и истории английского языка ФАЯ МГЛУ; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

**РАСШИРЕНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ
СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ КАК ИНТЕНСИФИКАЦИЯ
ГРАММАТИЧЕСКОГО ПРАВИЛА**

В статье показано, как данные корпусного анализа, касающиеся одного из базовых высокочастотных грамматических явлений, – употребления генитива в современном английском языке – позволяют осовременить традиционный учебный материал, сделать его доступным и доходчивым. Многоаспектность сведений, получаемых из корпуса, позиционируется как эффективный способ повысить наглядность правила и интерес к профессионально ориентированной учебной деятельности со стороны студентов-лингвистов в целом.

Ключевые слова: корпус; корпусный анализ; грамматическое правило; притяжательный падеж; генитив; поссессив; одушевленные существительные / предметы / объекты.

M. A. Salkova, O. A. Machina

Salkova M. A., Ph. D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English, English Language Department, MSLU; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Machina O. A., Ph. D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English, English Language Department, MSLU; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

**MORE TOOLS FOR MODERN LINGUISTIC RESEARCH:
CORPUS-BASED ANALYSIS BOOSTING GRAMMAR RULES**

The article shows that corpus-based data revealing some relevant properties of the genitive case in English modernizes a traditional classroom interpretation of the phenomenon, making the rule still more understandable and teachable. Multiple aspects of grammatical facts that corpus provides access to make the discussion of grammar easy, effective and enjoyable for professionally trained linguists.

Key words: corpus; corpus-based analysis; grammar rule; the genitive case; the possessive case; animate nouns / things / objects.

Предметом рассмотрения в данной статье стал корпусный анализ, который относительно недавно, но уже достаточно прочно вошел

в инструментарий лингвиста-исследователя¹. Однако, даже понимая его преимущества, грамматисты пока не сумели в полной мере оценить достоинства этой инструментальной опции как надежной поддержки, обеспечивающей интенсификацию и верифицируемость правил, «размываемых» на фоне широкой палитры ежедневно наблюдаемого языкотворчества. В работе возможности корпуса английского языка демонстрируются на примере высоко востребованной грамматической единицы – именного словосочетания, в котором одно из существительных имеет форму притяжательного падежа, или генитива.

Нам видится, что обращение к корпусным данным становится всё более актуальным в современном мире с его выраженной тенденцией к глобализации. В действительности данное явление распространяется не только на политические, экономические и социальные процессы, о которых обычные люди, особенно молодого возраста, составляющие основную массу обучающихся, имеют весьма отвлеченное представление и не отождествляют себя с ними как непосредственные участники. Глобализация, с точки зрения лингвистической науки, это постепенное, но устойчивое формирование общемирового информационного семиотического пространства, в котором значительная роль принадлежит языковой интеракции, когда происходит интенсивное взаимодействие, взаимовлияние и взаимообогащение различных языковых знаковых систем.

В обыденной жизни это проявляется в том, что люди, активно использующие современные информационно-коммуникационные технологии, получают неограниченный доступ к многочисленным и многообразным образцам использования одного и того же явления и привыкают действовать интуитивно, порождая аналогичные структуры. При этом возможные деформации языковой системы приносятся в жертву содержанию общения, т. е. происходят во имя обеспечения условного понимания, носящего в действительности, очень приблизительный, если не сказать ущербный характер. Не следует думать, что за этим утверждением стоит снобизм университетского образования. Безусловно, формирующееся у современного человека умение использовать иностранный язык (главным образом, английский), чтобы

¹ О разнообразии корпусов и их применении в преподавании иностранных языков в языковых вузах см., например, работы отечественных исследователей [Сысоев; Богданова; Рязанова; Чернякова].

общаться на бытовые темы в спокойной повседневной обстановке, вести личную переписку, бронировать номер в гостинице и билеты на самолет и т. д. является сильной стороной лингвистической глобализации. Но есть и другая сторона вопроса, которая касается профессионально ориентированной подготовки педагогов и переводчиков, журналистов, PR-специалистов, т. е. людей, требования к языковым знаниям которых не ограничиваются усредненным уровнем. Для этой группы пользователей вопрос о взаимоотношении нормы и узуса стоит очень остро, решаясь в рабочем процессе однозначно в пользу первого. Особый характер приобретает и знание того, что в языке правильно, нормативно, для современных ученых, независимо от направления научной деятельности. Глобализация науки проявляется, в том числе, в необходимости создавать публикабельные, т. е. качественные в языковом аспекте тексты, соответствующие притязательным требованиям редакционных коллегий международных изданий, формирующих «публичное лицо» той или иной исследовательской отрасли. И это также порождает необходимость изучать, исследовать и проверять, что же остается неизменно корректным и успешно употребляемым в конкретном языке, а что относится к той части жизнедеятельности языка, которая возможна лишь для устранения ощущения языковой беспомощности на входе в иноязычный социум. И здесь неоценимую помощь заинтересованному пользователю может оказать корпусный анализ.

Возникнув как онлайн-собрание аутентичных разножанровых текстов, подвергающихся статистической обработке по запросу пользователя, корпус показывает не только частотность использования искомой языковой единицы, но и контекст ее функционирования, что позволяет сделать вывод о дискурсивной вариативности, понимаемой максимально широко.

Особой популярностью корпусы данных пользуются среди лексикографов (Е. Е. Голубкова), специалистов области лексикологии и стилистики, исследований дискурсивной деятельности (Т. Ю. Голечкова). Но и грамматисту корпус может дать многое. Так, к преимуществам «корпусной грамматики» авторы дескриптивной грамматики нового поколения «Longman Grammar of Spoken and Written English» (далее – LGSWE [Biber et al. 2004]) относят следующие моменты:

– корпус содержит примеры из реальной языковой практики, а не придуманные автором для иллюстрации того или иного явления,

таким образом, устраняется сомнение в аутентичности обсуждаемых образцов конкретного языкового явления;

- корпус предлагает данные о языковой вариативности единицы в зависимости от типа дискурса, что предполагает возможность избирательной ориентации на результат для специалистов в конкретных областях деятельности;

- данные корпуса указывают на частотность использования единицы, что позволяет произвести сортировку образцов в зависимости от уровня языковой подготовки обучающихся;

- корпус представляет контекст использования единицы, т. е. возможность оценить ее в ракурсе дискурсивной модальности;

- корпус содержит лексико-грамматические модели (коллокации), т. е. наиболее используемые в искомой конструкции слова и их характерные сочетания, и таким образом ликвидирует существующую в сознании изучающих язык лауну между лексикой и грамматикой.

В итоге как инструмент корпус обеспечивает возможность в полной мере реализовать «кластерный принцип» отбора материала, который относится к наиболее состоятельным дидактическим приемам отечественной школы подготовки учебных пособий для изучающих иностранный язык.

В настоящее время широко известны основанные на корпусных данных (corpus-based) упомянутая выше LGSWE и «Collins COBUILD English Grammar» [Collins COBUILD English Grammar 2011].

Работа над созданием различных корпусов идет постоянно, они обладают разной степенью доступности, но, в принципе, даже самые незамысловатые способны проверить и скорректировать традиционные, считавшиеся незыблемыми, представления об использовании грамматических единиц в реальной, живой современной речи, рассуждают авторы LGSWE Д. Байбер и С. Конрад [Biber, Conrad].

Соглашаясь с мнением коллег о перспективности корпусного анализа для организации изучения грамматического материала, проиллюстрируем новые возможности грамматического описания на примере притяжательного (родительного) падежа – the Genitive case¹

¹ Хотя в изданиях для студентов-германистов терминологически более корректным является название «генитив», эта транслитерация едва ли

– английского существительного. Англоязычная падежная система в корне отличается от существующей в русском языке и поэтому вызывает немало трудностей у изучающих английский язык носителей русского языка. У этих обучающихся отмечается явная тенденция заменять форму существительного в притяжательном падеже *N's* словосочетанием с предлогом, чаще всего предлогом *of*. Таким образом, употребление частной грамматической структуры распространяется на всю англоязычную речевую практику. В принципе, ничего криминального в таком использовании нет – не только отдельное словосочетание, но и все высказывание является грамматически корректным. В то же время в контекстуальном окружении у предложения обнаруживается семантическая или функциональная (например, темарематическая) недостаточность. Сравним взятую в отдельности пару предложений, где *She is my friend's mother* эквивалентно *She is the mother of my friend*, и эту же пару в диалогическом единстве, где правильным окажется лишь один вариант синтаксической конструкции как адекватно выражающий коммуникативный фокус (рему):

- A. Who is this lady in red?
- B. She is my friend's mother. (*She is the mother of my friend.)

Или:

- A. Whose relative is this lady in red?
- B. She is the mother of my friend. (*She is my friend's mother.)

В этой связи особого упоминания заслуживают ситуации, в которых обучающиеся вынужденно порождают синтаксически шероховатые высказывания. Это происходит в тех случаях, когда составители упражнений предлагают обучающимся упражнения, связанные с взаимной трансформацией синтаксических структур, не очень заботясь о том, что целый ряд итоговых предложений не обладает «жизнеспособностью». В качестве примера сошлемся на одно из упражнений в целом замечательного тренировочного сборника Ю. А. Крутикова и др. [Крутиков и др. 1971], в котором предложения *It was a typical mistake of a student* или *There was silence for a moment*

находит место в учебнике для студентов лингвистических специальностей, а также для школьников. Поэтому, говоря об обязательном правиле, воспользуемся более распространенным термином.

between them программируются как равноправные трансформации конструкций *a student's mistake* и *a moment's silence* (op. cit., упр. 9, стр. 11). В англоязычной лингвистической реальности такие высказывания хотя и являются грамматически приемлемыми, не соответствуют норме англоязычной речи, потому не являются натуральными и подлежат корректировке уже на начальном этапе отработки анализируемого явления.

Правило, которое типично с разной степенью детализации в зависимости от уровня целевой аудитории, предлагается обучающимся как отечественными, так и зарубежными авторами, гласит: притяжательный падеж используется с существительными, обозначающими одушевленные предметы, а также с названиями географических объектов (стран, городов), астрономических объектов, с собирательными существительными, в устойчивых выражениях, в частности относящихся к мерам длины и времени. Иногда упоминается способность целых словосочетаний, относящихся к одному лицу, оформляться с помощью падежной морфемы *-s* (*nobody knows who's idea*), а также возможность использования в притяжательном падеже ряда неопределенных местоимений (типа *somebody, someone* и *one*) [Гордон, Крылова 1986, с. 257–260; Резник и др. 1999, с. 16–18; Swan 1995, с. 376–382].

Несколько более развернуто информация об особенностях форм притяжательного падежа представлена в читаемом студентам лингвистических вузов и факультетов курсе теоретической грамматики¹, где рассматривается разнообразный семантический потенциал генитива: кроме значений принадлежности, субъектности и объектности, здесь также рассматриваются обстоятельственное значение (*a month's leave, an hour's drive*), значение тождества (*an arm's length, a mile's distance*) и назначения (*children's books, men's room*), квалификативное или описательное значение (*father's generation*), причем последнее значение оставляет возможность максимально широкой интерпретации и включения всех сложных для семантического определения единиц. Понятно, что в первых трех значениях могут использоваться только одушевленные существительные, тогда как остальные значения не предполагают такой плотной и избирательной семантической связи между компонентами именного словосочетания *N's+N*.

¹ См., например [Бархударов 2009].

Авторы теоретических грамматик, углубленно рассматривающие обсуждаемую структуру, дополнительно указывают на противопоставление родительного и общего падежа по признаку индивидуализации приписываемой объекту характеристики: «поссесив (*терминология авторов цитируемого издания*) передает индивидуальную характеристику определяемого, тогда как базисная форма обозначает обобщенное свойство, не приписываемое какому-то одному носителю» или, иначе, маркирует значение именной характеристики в противоположность значению обобщенного признака [Иванова и др. 1981, с. 27]. Данное семантическое противопоставление также рассматривается как объяснение того, что форма *N's* используется преимущественно с одушевленными «личными» (т. е. обозначающими конкретное лицо) существительными, в противном случае возникает эффект отрешения признака от его носителя, что демонстрируют классические примеры типа *the Pushkin Fine Arts Museum*. В то же время авторы упомянутых изданий подчёркивают, что в исследованном ими материале присутствовали такие формы *N's*, где *N* – «безусловно неодушевленное» существительное (*the wood's edge, a word's history* [Бархударов 2009, с. 88]), *однако данное явление не находит внятного объяснения. (Сами авторы теоретического описания указывают, что вряд ли возможно говорить о том, что с помощью словосочетания the car's roof описывается индивидуальное свойство предмета* [Иванова и др. 1981, с. 28]; добавим, что здесь, скорее, речь идет о традиционной детали конструкции автомобиля, известного говорящим из предваряющего контекста или обсуждаемой в обобщенном смысле).

Богатый опыт аудиторной работы авторов с различными группами обучающихся, внимательное изучение специальной учебной и научной литературы по грамматике английского языка, а также опыт экспертной деятельности в области методического обеспечения лингвистического образования свидетельствуют о том, что многие позиции классической интерпретации строевых явлений приобретают иное звучание для современных студентов, получая подтверждение (или опровержение) в результате применения наиболее современного инструментария, опосредованного электронными технологиями. По всей вероятности, для современных студентов здесь срабатывает эффект всеохватности знания, транслируемого с помощью современных ИТ: преподаватель, апеллирующий к корпусу, воспринимается не только как специалист в определенной лингвистической сфере, тем

не менее, ограниченный собственными знаниями и опытом, но и как профессионально мобильный человек, открытый наиболее актуальным веяниям в своей специальности, способный подкрепить свои соображения фундаментальными сведениями о реальном состоянии дел в изучаемом языке.

В рамках данного небольшого исследования нашей целью обращения к корпусным данным английского языка было: 1) проверить справедливость вышеописанного правила с помощью статистики на современном материале, а именно, на большом массиве данных, предоставляемых корпусом, определить семантические и дискурсивные предпочтения в использовании существительных в структуре N^2s ; 2) предложить собственную интерпретацию наблюдаемых фактов.

Запрос в British National Corpus (BNC) дал следующие результаты.

Из 100 слов, наиболее частотных в сочетании N^2s , подавляющее большинство (51 %) составили одушевленные существительные, как нарицательные, так и собственные, при этом самым употребительным стало слово *people* (5383 случая использования). Сочетание с данным словом в генитиве зафиксировано в разговорной речи (58 %) и в языке средств массовой информации (33 %) в таких словосочетаниях, как *people's things / attention / requests / wages* и т. д. Иными словами, сочетания с данной словоформой частотны в повседневном дискурсе.

Другие семантические группы слов, используемые в форме генитива, распределяются следующим образом:

- 1) среди названий географических объектов (19 %) наиболее частотны слова *Britain, country, world, London, England, city*;
- 2) в группе собирательных существительных (17 %) наиболее часто встречаются слова *government, company, council, party, group, society*;
- 3) названия периодов времени (6 %) представлены словами *year, week, day, month, night, Saturday*,
- 4) группа неодушевленных предметов (5 %) демонстрирует востребованность слов *school, club, bank, industry, life*;
- 5) среди обозначений астрономических объектов (2 %) зафиксированы слова *sun* и *earth*.

Отметим сразу, что уже на данном небольшом материале прагматическая релевантность сведений, предоставляемых корпусом для изучающих английский язык, усиливается тем, что перечисленные

существительные действительно описывают реалии повседневной жизни, без знаний о которых едва ли возможна минимально состоятельная коммуникация за пределами учебной аудитории.

Далее, на первый взгляд, разделение групп 2 и 4 может показаться достаточно условным в связи с двойственным характером большинства собирательных существительных. Известно, что такие слова могут быть использованы для обозначения неодушевленных объектов и в то же время подразумевать группу людей, объединенную неким институтом. Ориентируясь на постановку вопроса, мы провели семантический анализ приведенных в корпусе примеров, а именно, оценили их на предмет наличия / отсутствия семы «одушевленность» у собирательных существительных. Необходимость в разделении слов на вышеупомянутые группы возникла, когда подтвердилось наблюдение, что у слов, отнесенных нами к названиям предметов, в большинстве случаев, данная сема отсутствует, как в следующих предложениях¹:

1. Narrow, North London, won't allow that because she lives outside the *school's* catchment area (*территория вокруг здания школы*).
2. Does it occur on withdrawal or when the entry is made in the *bank's* books, i.e. when the account is debited? (*учетные записи кредитной организации*).
3. BRAWL: Cobb # Stripped # THIEVES who raided Swansea City football *club's* laundry room stole kit worth 300 (*здание клуба*).

Данные существительные, таким образом, используя в генитиве, предпочтительно используются в своем «не-собирательном» значении, хотя альтернативные примеры разово представлены в корпусе данных, например:

Over tea and food we talked about the *school's* suggestion.

Аналогичные наблюдения сделаны для других существительных, отнесенных нами к собирательным, таких как *firm*, *company*, *university*, например:

1. ...boxing and jogging two miles a day around the Crystal Harmony, the Coca-Cola *company's* flagship in Barcelona harbour.
2. A spokesman from Cambridge University commented' while the *University's* buildings are in reasonable condition for their age...

¹ Здесь и далее приводятся примеры из конкордансов BNC и COCA.

Завершая рассуждение в этой части, обобщим наши соображения следующим образом: несмотря на использование данных слов в «предметном» значении, они всё же демонстрируют свободное образование и устойчивое использование формы генитива. Это может свидетельствовать о том, что тонкие смысловые нюансы лексемы в данном случае вряд ли играют ведущую роль, скорее, срабатывает инерция формообразования, т. е. то, что сама единица (существительное, относимое грамматиками к разряду собирательных) либо используется в притяжательном падеже, либо нет.

Запрос в Corpus of Contemporary American English (COCA) дал аналогичные результаты.

Из 100 наиболее употребительных в данной форме слов ровно 50 % являются одушевленными существительными. Остальные 50 % распределились между следующими группами:

- 1) географические объекты (21 %);
- 2) собирательные существительные (11 %), включающие такие слова, как *family, nation, administration, court* и т. д. (сюда же входят те же существительные, что были представлены этой же группы согласно BNC);
- 3) неодушевленные предметы (8 %) типа *company, agency, ship, area, body* (здесь же присутствуют существительные, которые выделены из британского корпуса);
- 4) названия периодов времени (6 %);
- 5) астрономические объекты (2 %);
- 6) существительные, равно частотные в собирательном и предметном значениях (2 %) – *team* и *league* (оба используются как спортивные термины в предметном значении).

Еще одно любопытное наблюдение. В то время, как все 100 слов, наиболее частотных в данной словоформе, имеют отношение к жизнедеятельности людей, среди них нет таких существительных, как названия животных (по отношению к которым прагматически регламентируемое восприятие строго одушевленных объектов входит в противоречие с лингвистической традицией). Существительное, обозначающее животное (слово *dog*) впервые отмечено в COCA лишь на 152 месте (zic!), и это было единственное название животного из 200 слов. В то же время во второй сотне примеров обнаружены такие строго неодушевленные предметные существительные, как *show,*

system, museum, center, car, program, park, baseball, film, game, book, water, house, например:

1. The *book's* popularity reaches beyond those stuck with extremely tight budgets.
2. This improves the *car's* handling and reduces its total weight by 190 pounds, which increases fuel economy.

Корпус СОСА также позволяет сделать выводы о вариативности в использовании данной грамматической единицы. Во-первых, никакой исторической тенденции в употреблении possessiva пока не прослеживается, поскольку период 25 лет (именно столько времени существует эта база лингвистических данных) является слишком коротким для грамматических изменений даже функционального характера. Во-вторых, присутствует явная дискурсивная вариативность – чаще всего данная конструкция используется в газетном стиле (газеты, журналы). Достаточна высока, но всё же значительно ниже, чем в случае с печатной прессой, частотность генитива в художественной литературе и академических изданиях. Почти вдвое ниже регистрируемая частота использования данной формы в разговорной речи.

На наш взгляд, особенностям действий пишущих для прессы авторов с формой притяжательного падежа можно предложить следующее развернутое объяснение. С одной стороны, мы наблюдаем естественное совмещение качественных характеристик существительных, употребляющихся в притяжательном падеже, с тематической направленностью печатных материалов, где речь идет о происходящем с отдельными людьми и / или их разнообразными по форме и содержанию объединениями, расположенными в разных уголках нашей планеты: налицо преференции в отношении семантики одушевленности и географических реалий, например, типичные заголовки статей в американской прессе или на британском новостном портале BBC.com¹. С другой стороны, востребованность формы притяжательного падежа

¹ Например, *The New York Times* предлагает «*Canada's Strategy on Climate Change: Work With American States*» [NYT 2017] и «*History Is England's Ultimate Defense*» [NYT 2017], в британской прессе аналогично обнаруживаем «*Inside India's traditional school for girls*» [BBC News 2017] или «*Naruhito: Will Japan's crown prince be a 'fresh breeze' for the monarchy?*» [BBC News 2017].

в медийных письменных текстах отвечает задачам более компактного, в буквальном смысле, изложения содержания, позволяет ужимать информацию, обеспечивает потребность в экономичности и фактуальности, характерных для медийного текстового пространства, придает известную динамичность описанию событий, фокусирующихся на объекте в большей степени, чем на его признаке.

В качестве примера воспользуемся текстом, посвященном памятнику знаменитой датской Русалочки, неоднократно становившемуся объектом вандализма. В очередной раз пострадавшая от действий наиболее радикально настроенных представителей групп защитников животных Русалочка, облитая красной краской, словно окровавленный кусок плоти, становится символом протеста против забоя черных китов в районе Фарерских островов, в своем новом облике олицетворяя одновременно палача и жертву. Автор статьи на протяжении достаточно небольшого текстового фрагмента многократно использует конструкции с притяжательным падежом одушевленных и неодушевленных существительных, упоминая свою главную героиню в контексте выразительной зарисовки о судьбе объекта культуры, чья патетическая миссия – напоминать о силе подлинной любви – в современном мире отходит на второй план, в то время как аллюзия к мифологическому прошлому данного персонажа, его жестокости и кровожадности (на фото иллюстрации из упоминаемой в статье книги) возрождается и эксплуатируется людьми в собственных отвлеченных целях¹:

The Vandalized Little Vermaid. By Kelly Grovier, 2 June 2017 Spare a thought for The Little Mermaid. In the 104 years since the Danish-Icelandic sculptor Edvard Eriksen created his bronze statue of a young half-woman half-fish <...> the 1.25m (4.1ft) tall sculpture has been decapitated twice, bludgeoned in the neck..., dismembered, defaced with luminous paint..., and blown off her base by a bomb ... *Eriksen's sculpture* was, from the first, forged in violence. It is inspired by *the Danish writer Hans Christian Andersen's unsettling tale* of a lovestruck mermaid who is so desperate to gain an eternal human soul that she sacrifices to a Sea Witch her tongue, her mellifluous voice and her ability ever to return to her underwater home. The head and face are

¹ В тексте сделаны незначительные купюры в отношении наименее значимых для общего содержания частей текста. Жирный курсив наш. – *Прим. авт.*

those of a ballerina, Ellen Price (who declined to model nude for the sculptor), which have been grafted onto the naked physique of *Eriksen's wife, Eline*. The result is a work of enforced fusion, one that seems forever to hover on a hazy margin between states of being – fact and fantasy, hope and harm, this world and another. The many levels of *The Little Mermaid's disturbed and disturbing identity* were brought to mind this week with the emergence in the news of a fresh image of assault that the statue suffered on the 30 May, this time at the hands of anti-whaling activists. Protesting against the hunting of long-finned pilot whales in the North Atlantic, vandals doused *Copenhagen's unofficial mascot* in red paint and scrawled along the pavement nearby the plea “Danmark [sic] defend the whales of the Faroe Islands”. Beneath the veneer of red paint, *the statue's bronze surface* burns through, giving the work a lustrous haemoglobin glow, as if the mermaid were herself drenched in blood. Under a veil of vandalism, the hybrid creature can be perceived as both the perpetrator and the victim of the violence – an eerie ambiguity that transforms *Eriksen's statue* from a totem of fairytale wonder into something haunting and ominous. In its defaced state, *the statue's gruesome complexion* calls to mind the legend of sirens who lure boatmen to their doom with their seductive song. Long before Andersen enchantingly reinvented the mermaid in the 19th Century, eliciting sympathy from his readers for her tragic fate, a more lethally enticing incarnation of the creature troubled the imagination of readers of a lavish 13th Century bestiary – or illustrated compendium of real and fabled beasts.

Created by a medieval English artist whose name has since faded into the fog of history, the image of a fish-woman sinisterly singing to sailors who try desperately to plug their ears, is among the more intriguing illustrations in the volume. Inauspiciously, the sepia-soaked sky surrounding the mortal figures appears clotted with blood. That one of the grim-faced sailors is clad in blood-red attire and weakly clings to a blood-red oar, does not bode well for their survival. Placed alongside *this week's photo* of the defaced Little Mermaid of Copenhagen, the ancient illustration reveals just how deep the symbol of the mermaid has dived into the cultural imagination [BBC Culture 2017].

Проанализируем наблюдаемые в статье грамматические факты. Всего в ней представлено 9 структур с существительными в форме генитива, пять из которых образованы от одушевленных и четыре – от неодушевленных существительных. В первой группе мы наблюдаем слова, обозначающие имена собственные (4 случая употребления), и словосочетание, контекстуально близкое к одушевленным (*The Little Mermaid*). Таким образом, в процентном отношении здесь

представлено близкое к наблюдаемому в корпусах соотношение 55 % на 45 % в пользу значения одушевленности. Во второй группе дважды использовано существительное *statue*, географическое название *Copenhagen* и существительное с семантикой времени *week*, так что вторая группа демонстрирует дробное соотношение 23 / 11 / 11 % для значений неодушевленности, места и времени, также аппроксимируемое с данными использованных нами корпусов. Отметим, что здесь «продуктивность» неодушевленного существительного *statue*, концептуально связанного со словом *people* идеей воспроизводимости образа человека средствами художественного творчества, связана с тематическими особенностями статьи: если в первой части статьи Русалочка (скульптура, произведение искусства) и ее история заслуживают сочувствия автора, то второй частями текста она уже бездушный идол (статуя, каменное изваяние, болван), воплощение зла, безжалостный губитель душ и сердец.

Обобщим наиболее важные результаты описанной в статье работы. Наше исследование в принципе подтвердило излагаемое в учебнике правило о наличии семантических ограничений на использование формы генитива. В то время как значение одушевленности (по сути, содержательные варианты понятия *people*) является приоритетным критерием для формирования структур с генитивом, неодушевленные существительные ряда семантических групп являются в значительной мере востребованными в рамках модели $N's+N$. Среди последних в порядке уменьшения частотности представлены названия географических объектов, собирательные существительные в групповом значении, существительные с временным значением, собирательные существительные в предметном употреблении, а также названия некоторых наиболее доступных человеческому восприятию астрономических тел. Важно, что соотношение разных групп существительных практически не варьирует по семантическому критерию, однако явно указывает на дискурсивно ориентированный выбор, а именно, связь с определенным семиотическим пространством – языком средств массовой информации.

Представляется, что корпусное исследование полезно для уточнения и детализации имеющихся в распоряжении педагогов и обучающихся правил, интенсификации грамматических описаний за счет их синхронизации с конкретной речевой действительностью, и может

быть использовано как источник информации и примеров для составления учебных материалов нового поколения. При этом необходима дальнейшая разработка научной базы подготовки таких материалов и способность к интерпретации полученной информации, а также умение применить сведения к практической деятельности¹. Это предполагает введение в процесс подготовки современных лингвистов соответствующих заданий – модернизированных и технологизированных версий учебно-исследовательской работы студентов, которая традиционно является частью профессиональной подготовки обучающихся в инязе.

Безусловно, не стоит преувеличивать значимость корпусных данных и воспринимать эту технологию как повод отказаться от традиции изучать иностранный язык, используя хорошую учебную литературу, книги, фильмы, музыку и т. д., поскольку, как и любые сведения о живом и развивающемся явлении, корпусные данные не являются статичными или безупречными². Тем не менее оптимизация педагогической деятельности – однозначное требование момента, положительным результатом которого будет не просто формальное привлечение к работе нового учебного инструмента, но реальная возможность формировать у студентов интерес к культуре иноязычной речи, сочетающей в себе правильность, выразительность и эффективность используемых средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бархударов Л. С.* Очерки по морфологии современного английского языка. М. : Либроком, 2009. 160 с.
- Богданова С. Ю.* Возможности корпусной методологии в решении лингвистических задач. URL : cyberleninka.ru/article/v/vozmozhnosti-korpusnoy-metodologii-v-reshenii-lingvisticheskikh-zadach
- Гордон Е. М., Крылова И. П.* Грамматика современного английского языка (на английском языке). М. : Высшая школа, 1986. 430 с.
- Дерябина И. В.* Характеристики педагогической работы с английским национальным корпусом. URL : cyberleninka.ru/article/v/harakteristiki-pedagogicheskoy-raboty-s-angliyskim-natsionalnym-korpusom

¹ Здесь и далее о педагогических акцентах при обучении студентов работе с корпусами ср. [Чернякова; Дерябина].

² См., например, анализ перспектив так называемых интуитивных и корпусных грамматик [Mukherjee Joybrato].

- Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка : учебник. М. : Высшая школа, 1981. 285 с.
- Крутиков Ю. А., Вульф И. С., Рабинович Х. В.* Упражнения по грамматике современного английского языка. М. : Высшая школа, 1971. 247 с.
- Резник Р. В., Сорокина Т. С., Казарицкая Т. А.* 90 основных правил английской грамматики с упражнениями для школьников и поступающих в вузы. М. : Дрофа, 1999. 304 с.
- Рязанова Е. А.* Использование языкового лингвистического корпуса в формировании грамматических навыков речи в языковом вузе. URL : cyberleninka.ru/article/v/ispolzovanie-yazykovogo-lingvisticheskogo-korpusa-v-formirovanii-grammaticheskikh-navykov-rechi-v-yazykovom-vuze
- Сысоев П. В.* Лингвистический корпус в обучении иностранным языкам. URL : cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-korpus-v-metodike-obucheniya-inostrannym-yazykam
- Чернякова Т. А.* Использование лингвистического корпуса в обучении иностранному языку. URL : cyberleninka.ru/article/v/ispolzovanie-lingvisticheskogo-korpusa-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku
- Biber D., Leech G., Conrad S., Johansson S., Finegan E.* Longman Student Grammar of Spoken and Written English. Longman, 2004. 1232 p.
- Biber D., Conrad S.* Corpus Linguistics and Grammar Teaching. URL : longmanhomeusa.com/content/pl_biber_conrad_monograph5_lo.pdf
- British National Corpus. URL : www.natcorp.ox.ac.uk/
- Collins COBUILD English Grammar [Ed. J. Sinclair]. Harper Collins Publishers, 2011. 544 p.
- Corpus of Contemporary American English. URL : corpus.byu.edu/coca/
- Inside India's Traditional School for girls // BBC News. URL : www.bbc.com/news/world-asia-india-40040986
- Naruhito: Will Japan's crown prince be a 'fresh breeze' for the monarchy? // BBC News. URL : www.bbc.com/news/world-asia-38898500
- The vandalized Little Mermaid // BBC Culture. URL : www.bbc.com/culture/story/20170602-the-vandalised-little-mermaid
- Mukherjee Joybrato.* Corpus linguistics and English reference grammars. URL : www.uni-giessen.de/faculties/f05/engl/ling/staff/professors/jmukherjee/publications/pdfs/mukherjee2006_reference_grammars.pdf
- Swan M.* Practical English Usage. Oxford University Press, 1995. 654 p.
- Canada's Strategy on Climate Change: Work With American States // The New York Times. URL : www.nytimes.com/2017/06/07/world/canada/canadas-strategy-on-climate-change-work-with-american-states.html?ref=collection%2Fsectioncollection%2Fcanada&_r=0
- History Is England's Ultimate Defense // The New York Times. URL : www.nytimes.com/2017/06/09/opinion/london-terrorist-attack-isis.html?ref=collection%2Fspotlightcollection%2Feditorials-and-opeds-about-world-news

УДК 81-119

О. В. Смурова

ст. преподаватель каф. грамматики и истории английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: olsmurova@yandex.ru

ГЕШТАЛЬТ-ФУНКЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА» (на материале The British National Corpus)

Работа написана в рамках когнитивно-функционального подхода к исследованию лингвистических явлений. В статье рассматриваются особенности понятия «гештальт» как одного из ключевых понятий когнитивной лингвистики, проводится дифференциация указанного термина с родственными ему терминами «фрейм», «понятие» и «концепт». Показывается, что концепты имеют гештальтную природу, проявляющуюся как в способе их ментальных и языковых репрезентаций, так и в способе их восприятия. Рассматривая знаки, репрезентирующие концепт ««эпистемическая оценка», как гештальт-структуры, автор выявляет два уровня таких структур. Семантико-прагматические функции, обязательные для ядерных гештальт-структур концепта, автор трактует как гештальт-функции концепта. Основная часть статьи посвящена выявлению гештальт-функций концепта «эпистемическая оценка». В статье используются примеры из Британского национального корпуса.

Ключевые слова: когнитивно-функциональный подход; гештальт-структура; гештальт-функция; модальность; оценка; оценочная ситуация; эпистемическая оценка, языковой концепт.

O. V. Smurova

Ph.D., Senior Lecturer, Chair of Grammar and History of English,
the Faculty of English, MSLU; e-mail: olsmurova@yandex.ru

GESHTALT-FUNCTIONS OF THE LINGUISTIC CONCEPT “EPISTEMIC EVALUATION”

The article follows the framework of the cognitive-functional approach to the study of linguistic phenomena. The most important characteristics of the notion “gestalt” as one of the key notions of cognitive linguistics are considered. The author differentiates the term “gestalt” from related terms “frame”, “notion” and “concept”. It is shown that linguistic concepts have a gestalt nature, manifested both in the way of their mental and language representations, and in the way they are perceived. Considering linguistic signs that represent the concept “epistemic evaluation” as Gestalt-structures of the concept, the author reveals two levels of such structures. Semantic and pragmatic functions that are mandatory for the nuclear Gestalt-structures of the concept the author interprets as Gestalt-functions of the concept.

The main part of the article is devoted to the identification of the Gestalt-functions of "epistemic evaluation" as a linguistic concept. The article uses examples from the British National Corpus.

Key words: cognitive-functional approach; Gestalt-structure; Gestalt-function; modality; attitude; evaluative situation; epistemic evaluation; linguistic concept.

В понятии «гештальт», которое используются в современной лингвистике при когнитивном подходе к описанию лингвистических явлений, объединяются несколько трактовок этого термина:

- гештальт как операционная единица сознания;
- гештальт как способ ментальной репрезентации концепта (форма существования концепта в сознании);
- гештальт как способ восприятия;
- гештальт как способ языковой репрезентации концепта;
- ситуация действительности как эмпирический гештальт.

Трактуя гештальт как операционную единицу сознания, С. В. Чесноков в своей работе «Феноменология диалогов в гештальт-теории, математике, логике» (2009) пишет: «Все феномены сознания объясняются только через гештальты, связи между ними, средства создания (удаления) и актуализации гештальтов» [Чесноков 2009, с. 49]. С трактовкой термина «гештальт» как формы существования концепта в сознании связано понимание гештальта как целостной мыслительной структуры, упорядочивающей в нашем сознании многообразие отдельных явлений [Попова, Стернин 2007, с. 119]. Как считает В. И. Карасик, гештальт «подчеркивает целостность хранимого образа, его несводимость к сумме признаков (мы не можем сказать, что рыба – это чешуя + плавники + жабры + уха + скользкая + в воде и так далее)» [Карасик 2002, с. 106].

С понятием гештальта тесно связано различение *фигуры* и *фона*: гештальт воспринимается как определенная фигура, замкнутое единство, как бы выступающее вперед по сравнению с неструктурированным фоном. Однако при восприятии человек не осознает деления гештальта на фигуру и фон: наше сознание формирует фигуру из фона, опираясь на предыдущий опыт и актуальную потребность. Именно потому, что гештальты при восприятии в обычном случае не членятся, нами не осознается *внутренняя форма концепта*, на что обращает внимание Ю. С. Степанов [Степанов 1997, с. 44]. В этом смысле совершенно справедливо утверждение П. С. Чеснокова, что

«концепт – это единица мышления, обладающая отдельным целостным содержанием и реально не разлагающаяся на более мелкие мысли, то есть элементарная сторона внутреннего слоя» [Чесноков 1967, с. 173]. Концепт воспринимается целостно (гештальтно), несмотря на наличие у него сложной структуры, так как «системно-структурная организация целого определяет и упорядочивает при восприятии свойства и функции образующих частей или элементов» [Воркачев, 2004, с. 24]. Это означает, что не являясь элементарной (т. е. далее «неделимой») единицей мышления, концепт, тем не менее, воспринимается как «смысловая отдельность».

Мы полагаем, что термины «концепт», «понятие», «фрейм» и «гештальт» можно применить к одной и той же единице человеческого сознания, поскольку эти термины характеризуют такую единицу с разных сторон. Так, *концепт* – это хранящаяся в индивидуальной либо коллективной памяти значимая информация, обладающая определенной ценностью, это переживаемая информация. Термин «понятие» «представляет собой сгусток рациональной части концепта, то есть то содержание, которое включает только существенные характеристики объекта и рационально мыслится, а не переживается» [Карасик 2002, с. 107]. *Фрейм* «акцентирует подход к изучению хранимой в памяти информации, выделяет части, т. е. структурирует информацию, конкретизируя ее по мере разворачивания фрейма, это гештальт в его динамике, строении и связи с другими гештальтами» [там же, с. 106]. Наиболее адекватным термином для обозначения ментальных репрезентаций является «гештальт». Это по сути означает, что *любой концепт является гештальтом, который при анализе может быть развернут во фрейм.*

Дж. Лакофф и М. Джонсон в книге «Метафоры, которыми мы живем» вводят понятие эмпирического гештальта, который «обычно служит фоном для понимания того, что воспринимается нами как некоторый аспект гештальта. Следовательно, лицо или объект может быть понято как *участник* гештальта, а действие – как *часть* гештальта. Один гештальт может предполагать наличие другого, а тот, в свою очередь, может предполагать наличие третьего и т. д. В результате обычно возникает исключительно богатая фоновая структура, необходимая для полного понимания любой данной ситуации. Большая часть этой фоновой структуры никогда не осознается, поскольку ее

наличие предполагается в подавляющем большинстве наших повседневных действий и событий» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 202].

Принцип языкового кодирования знаний о многомерном мире состоит в том, что в основе номинации обычно только один релевантный признак предмета или явления, по которому может быть восстановлена вся совокупность признаков обозначаемого. Декодирование признаков «реализуется психологически как *воссоздание гештальта* и лингвистически – как характеристика обозначенного предмета при помощи уточнений и пояснений разного типа» [Карасик 2002, с. 104]. Как отмечает В. И. Карасик, эксперты при профессиональном общении (либо писатели в художественных текстах) способны довольно полно выразить свой гештальт через признаки, тогда как при обычном общении гештальт либо не раскрывается, либо раскрывается в недостаточной полноте.

Таким образом, *гештальтами являются и ментальные, и языковые репрезентации концептов, и референтные им ситуации действительности*, служащие фоном для понимания гештальтной структуры. Это хорошо согласуется с высказанным Р. Лэнкером предположением об общности языкового и когнитивного механизмов в структурировании человеческого опыта [Langacker 1993, с. 36].

Гештальтная природа единиц сознания и единиц языка позволяет утверждать, что анализ языковых репрезентаций концепта даст исследователю возможность сделать выводы как о содержании, так и о структуре концепта. Основанием этому служат характеристики гештальтов, которые Дж. Лакофф приводит в своей работе «Лингвистические гештальты» (1981). К важнейшим из таких характеристик относится способность гештальта проецироваться на другой гештальт, наследующий свойства и отношения первого [Лакофф 1981]. Это означает, что гештальтами являются и такие, на первый взгляд, «развернутые» языковые знаки как высказывания, поскольку в них отображаются эмпирические гештальты – ситуации.

В структуру *оценочной ситуации* входят *субъект, объект, характер (критерии) оценки, основания оценки, оценочная шкала и адресат оценки*. Оценочное высказывание, помимо указанных компонентов оценочной структуры, обязательно содержит *оценочный предикат*¹,

¹ Термин *оценочный предикат* мы понимаем в широком смысле, как «то, что утверждается об объекте оценки».

который отражает результат оценки. В эпистемическом оценочном высказывании говорящий выражает субъективную оценку достоверности ситуации действительности. В эпистемическом высказывании в качестве оснований оценки выступают эпистемические гарантии говорящего. Эпистемически-оценочное высказывание, в котором все компоненты категориальной ситуации были бы представлены эксплицитно, должно было бы иметь следующую структуру:

Я [субъект оценки] сообщаю вам [адресат оценки], что на основании имеющихся у меня знаний об объекте [эпистемические гарантии], я с определенной степенью уверенности [отражение эпистемической шкалы] полагаю [отражение характера оценки], что ситуация Р [объект оценки] маловероятна / возможна / вероятна / достоверна / сомнительна / невозможна [оценочный предикат].

На практике, помимо объекта, который всегда эксплицируется, в эпистемическом высказывании эксплицитно может быть выражен только оценочный предикат, как, например, в высказывании *It might be him*. Иногда говорящий по какой-то причине считает необходимым отражение в высказывании и других компонентов оценочной структуры. Так, в *It might be him, perhaps*, помимо оценочного предиката, эксплицитно отражена эпистемическая шкала (подчеркнуто), а в *I think it might be him* эксплицитно выражены субъект и характер оценки (подчеркнуто). Можно сделать вывод, что в высказывании *It might be him* содержится неявная информация обо всех остальных компонентах оценочной структуры. **Это означает, что как знаки предшествующих уровней языка, репрезентирующие концепт «эпистемическая оценка», так и оценочное высказывание как семантико-синтаксическое целое являются гештальт-структурами концепта «эпистемическая оценка».**

Концепт «эпистемическая оценка», репрезентанты которого отражают оценку достоверности ситуации действительности с точки зрения говорящего, имеет два уровня гештальт-структур: языковой и речевой. На языковом уровне гештальт-структуры концепта представляют собой совокупности лексической, морфологической и синтаксической информации, воспринимаемой как целостность. Тогда как на речевом уровне – это совокупности семантической, прагматической и коммуникативной информации. **Семантико-прагматические функции, обязательные для ядерных гештальт-структур концепта мы**

тракуем как гештальт-функции концепта. В гештальт-функциях отражаются концептуальные характеристики эпистемической оценки как когнитивной категории, связанной с оценкой достоверности ситуации.

К речевым гештальт-структурам концепта «эпистемическая оценка», прежде всего, относятся оценочные предикаты, т. е. те части высказывания, в которых формально реализуется результат оценки. В семантике оценочных предикатов, выраженных модальными глаголами (далее – МГ), в имплицированном виде всегда имеется два компонента, связанных с оценкой: *степень уверенности* говорящего и *обоснованность* суждения (эпистемические гарантии говорящего). Кроме того, все оценочные предикаты как совокупности семантической информации, отражающие ядерные смыслы концепта, должны относиться к одному из трех смысловых кластеров концепта «эпистемическая оценка»: *possibility* (отражает неуверенность говорящего в достоверности ситуации действительности), *certainty* (отражает уверенность говорящего) и *doubt* (отражает сомнение говорящего в достоверности ситуации действительности). Эти компоненты значения связаны с модальным характером эпистемической оценки. Значения модальности в нашем представлении полностью принадлежат области ирреального, поэтому МГ как репрезентант эпистемической оценки должен также содержать компонент значения *ирреальность*.

Как мы показали в [Смурова 2011], лексические репрезентанты эпистемической оценки – модальные слова и модальные усилительные частицы с однозначной семантикой – являются специализированными показателями либо степени уверенности (*surely, undoubtedly, perhaps, possibly*), либо обоснованности (*evidently, obviously*). Синтаксические репрезентанты (модальные фразы и модальные конструкции) занимают промежуточное положение и могут либо выступать как однокомпонентные показатели, либо, как и МГ, совмещать оба компонента значения. Что касается значения «ирреальность», то можно утверждать, что такие репрезентанты, как модальные слова не имеют компонента значения «ирреальность». Это легко заметить из сравнения следующих коротких диалогов:

1. A: Perhaps, he will come at 7.
B: Yes, I agree, he will.

2. A: He might come at 7.
 B: *Yes, I agree, he will.

В примерах (1) и (2) реплики говорящего «А» отражают одинаковую степень его уверенности в достоверности ситуации. Однако реплика говорящего «В» в примере (2) является «коммуникационным браком». В этом примере говорящий «А» дает оценку меры недействительности пропозициональной ситуации (что показывает наличие модального глагола), т. е. высказывание *A* является оценочным. Реплика говорящего «В» в примере (2) означает, что он понимает высказывание *A* как фактивное, точнее, считает пропозицию [*he – come at 7*] фактом и выражает согласие с этим фактом, в то время как для говорящего «А» пропозиция отнюдь не является фактом. Следовательно, реакция говорящего «В» на высказывание *A* в примере (2) является неправильной. Такая же реплика говорящего «В» в примере (1) не содержит никакого противоречия. Это объясняется тем, что в примере (1) высказывание *A*, являясь оценочным, тем не менее, не отражает модальность. Эти примеры демонстрируют, что **модальность и оценочность – это разные сущности, которые могут совмещаться в одном показателе**, а могут и не совмещаться. Так, модальное слово *perhaps*, репрезентируя эпистемическую оценку, не выражает модальность, и в значении этого показателя отсутствует компонент «ирреальность» прототипический для эпистемической оценки как функционально-семантической категории. Очевидно, что эта особенность характерна, по крайней мере, для таких показателей, как модальные слова. Поэтому традиционная характеристика оценочных слов типа *certainly, probably, perhaps* и т. п. как «модальных» наречий или «модальных» слов является неправильной в формально-грамматическом смысле. Мы будем продолжать использовать термин «модальный» для всех оценочных показателей, подчиняясь традиции, однако, разделяя оценочные показатели на две группы: содержащие и не содержащие компонент «ирреальность» в значении.

Оценка по определению субъективна, т. е. *субъективность* является одной из важнейших характеристик любого оценочного высказывания. **Эту характеристику мы трактуем как гештальт-функцию, обязательную для всех без исключения репрезентантов концепта – как ядерных, так и периферических. Высказывания,**

не отражающие субъективность, в нашем понимании оценочными не являются.

В явном виде субъективность выражается в *эксплицитном модусе*, который проявляется на синтаксическом уровне как часть конструкции предложения [1]. Как нами было показано в [Смурова 2012], критерием наличия эксплицитного модуса в эпистемических высказываниях является синтагматически изолированная позиция показателя, которая характерна для лексических и синтаксических репрезентантов эпистемической оценки:

- 3) 'I bet he's been dying for an audience,' Dalziel said to Pascoe [BNC, GUD 3424].
- 4) Perhaps it was your friend Lucy Downes [BNC, HWM 1280].

МГ не являются синтагматически изолированными показателями, а входят в диктальную часть высказывания. Следовательно, в высказываниях, в которых единственный показатель эпистемической оценки представляет собой МГ, эксплицитный модус отсутствует:

- 5) He *must* have done exactly the same thing as I did when the panic hit him [BNC, B17 1356].

Семантико-синтаксическая структура этого высказывания представляет собой свернутую конструкцию, в которой модус включен в объективный компонент высказывания – диктум. В таких высказываниях **субъективный компонент сохраняется, но в имплицитном виде**, т. е. иным становится только способ выражения субъективности. Включение модуса в диктум не приводит к изменению структуры взаимоотношений между субъективной и объективной составляющими высказывания [Балли 1955, с. 54–55], однако модализует пропозицию. Следовательно, высказывания с имплицитным модусом (т. е. с МГ в качестве оценочного предиката) тоже всегда отражают субъективность. Однако значение субъективности является у грамматикализованных показателей эпистемической оценки не столько имплицитным, сколько *импликационным*: хотя эпистемические высказывания с МГ в качестве оценочного предиката воспринимаются адресатом как субъективные, субъективность как компонент значения грамматикализованного показателя не осознается не только адресатом, но и самим говорящим. Значение *субъективности* не находится «в фокусе» эпистемического высказывания, так как любое

такое высказывание в процессе коммуникации прежде всего выполняет прагматическую функцию «оценка ситуации как достоверной, возможной или сомнительной».

В целом, включение модуса в диктум является фактором, усложняющим интерпретацию высказывания, так как представляет собой свернутую структуру, которая не только не так легко «читается», но и теоретически допускает два возможных толкования. Как показал Дж. Лайонз, оценочное высказывание с МГ, сохраняя связь с говорящим, может **объективироваться**, что достигается «посредством **пропозиционализации** содержания модальных глаголов и введения их в сферу никак не квалифицированного «Я-говоря-так» иллюкутивного агента» [Лайонз 2003, с. 348]. В этом случае модальный глагол относится к собственно семантическому аспекту высказывания, а говорящий отражает не свою точку зрения, а общепринятое мнение. Различие между полностью субъективным и *объективированным*¹ высказыванием можно видеть из сравнения двух примеров ниже:

6. I confidently infer that he did exactly the same thing as I did when the panic hit him (*субъективное высказывание*).
7. In the light of what is known, it is necessarily the case that he did exactly the same thing as I did when the panic hit him (*объективированное высказывание*).

Полностью объективированные высказывания представляют собой утверждения, т. е. оценочными не являются². Объективированные высказывания с МГ сохраняют оценочный характер, но у таких высказываний очень слабо выражена субъективность. Дж. Лайонз, обнаруживший существование объективированных эпистемических

¹ Мы используем термин «объективированное» для такого типа высказываний, чтобы подчеркнуть, что субъективный компонент как связь с говорящим присутствует в любом модальном высказывании.

² Объективированные высказывания возможны не только с МГ. Так, например, безличные конструкции с формальным подлежащим *there* (*There + be + N + complement*) эксплицитно объективируют высказывания. При этом, чем более высокую степень уверенности выражает существительное, входящее в конструкцию, тем выше степень объективированности высказывания: существительные, отражающие категорическую уверенность, переводят высказывания из оценочных в утверждения.

высказываний, подчеркивает, что они очень редко встречаются в высказываниях с МГ, но возможность такой трактовки, тем не менее, существует.

Даже объективированное оценочное высказывание всегда сохраняет эгоцентричность как связь с говорящим. Поэтому *эгоцентричность* и *субъективность* феноменологически различны. Субъективность (наряду с обоснованностью, степенью уверенности и ирреальностью) является гештальт-функцией оценочных предикатов, тогда как **эгоцентричность и отражение компонентов оценочной структуры являются обязательными гештальт-функциями оценочного высказывания как семантико-синтаксического целого.**

Из изложенного выше можно сделать следующие выводы:

- 1) гештальт-структуры концепта «эпистемическая оценка» имеют два уровня: языковой и речевой;
- 2) на языковом уровне гештальт-структуры концепта представляют собой совокупности лексической, морфологической и синтаксической информации;
- 3) на речевом уровне гештальт-структуры концепта являются совокупностями семантической, прагматической и коммуникативной информации;
- 4) для всех речевых репрезентантов концепта характерна полифункциональность, а грамматические репрезентанты помимо того характеризуются еще и семантической сложностью;
- 5) к гештальт-функциям концепта «эпистемическая оценка» относятся обоснованность, степень уверенности, ирреальность и субъективность;
- 6) оценочное высказывание как семантико-синтаксическое целое имеет дополнительные гештальт-функции: эгоцентричность и отражение оценочной структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языкознания / пер. с фр. М. : Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
- Воркачев С. Г.* Счастье как лигвокультурный концепт : монография / С. Г. Воркачев. М. : Гнозис, 2004. 389 с.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик : монография. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

- Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика: Введение. М. : Языки славянской культуры, 2003. 400 с.
- Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. №10. М. : Прогресс, 1981. С. 350–368.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. 314 с.
- Смулова О. В.* Средства выражения эксплицитного модуса и его функции в эпистемическом высказывании (на материале The British National Corpus) [Текст] / О. В. Смулова // Грамматические исследования: когнитивно-коммуникативная лингвистика и современная лингводидактика. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 22–44. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 27 (660). Сер. Языкознание.)
- Смулова О. В.* Степень уверенности и обоснованность как компоненты значения эпистемических модальных операторов [Текст] / О. В. Смулова // Когнитивно-функциональное направление в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 67–78. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 27 (663). Сер. Языкознание.)
- Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Чесноков П. В.* Слово и соответствующая ему единица мышления / П. В. Чесноков. М. : Изд-во «Таганрогский государственный педагогический институт», 1967. 173 с.
- Чесноков С. В.* Феноменология диалогов в гештальт теории, математике, логике. М. : URSS, 2009. 160 с.
- Langacker R. W.* Reference Point Constructions / R. W. Langacker // Cognitive Linguistics. 1993. № 4. P. 1–38.

УДК 81'367.622.19=111

А. Д. Донченко

кандидат филологический наук, ст. преподаватель каф. грамматики
и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: anna-gulimova@yandex.ru

РОЛЬ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Статья посвящена исследованию эволюции глубинного уровня лексико-семантической категории времени с точки зрения влияния на нее социокультурных факторов. Показано, что на разных этапах исторического развития лексико-семантической категории времени доминировали различные концептуальные основания. Выявлена общность концептуальных оснований лексико-семантической категории времени и системы грамматических средств выражения времени в английском языке. Данные этимологического и концептуального анализа группы лексем, обозначающих время, свидетельствуют, что смена концептов, образующих глубинный уровень семантики времени, происходила от понятия «свет / тьма» к понятиям пространства и движения и далее к представлению о стихии. При этом каждое новое концептуальное основание, строясь из концептуальных составляющих предыдущего, привносило в их набор новые признаки.

Ключевые слова: концептуальные основания семантики; лексико-семантическая категория времени; концептуальная метафора; грамматические категории глагола; время; аспект; временная соотнесенность действий.

A. D. Donchenko

PhD, Senior Teacher, Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU; e-mail: anna-gulimova@yandex.ru

ROLE OF METAPHORIC CONCEPTS IN THE FORMATION OF LEXICAL-SEMANTIC AND GRAMMATICAL CATEGORIES

The article looks at the specific features of evolution of the deep (conceptual) level of lexical and semantic categorization in its connection with sociocultural processes. It shows that the metaphorical concepts constituting the conceptual basis of the lexical-phraseological category of time in the English language are time-specific and dominate alternately at different stages of the language history. The article reveals that the lexical-phraseological category of time and the system of grammatical means of expressing time in the English language have a common conceptual basis. Etymological and conceptual analysis of a number of lexemes denoting time allows us to conclude that the conceptual structures underlying the

meaning of time proceeded from the ideas of light / darkness, through the concepts of space and movement, to the image of the four elements. The diachronic approach also brings out the peculiarities of the hierarchy in the structure of the conceptual basis of the lexico-semantic category of time.

Key words: conceptual basis of semantics; lexical-semantic category of time; conceptual metaphor; grammatical categories of the verb; tense; aspect; phase

Социокультурные процессы являются одним из признанных факторов исторических изменений языка. Наиболее живо язык реагирует на эти процессы на лексико-семантическом уровне, что проявляется в заимствованиях и изменении значения отдельных лексем, в том числе в расширении или сужении, ухудшении или улучшении значения и т. д. Но способность языка отражать представления об окружающем мире в их динамике проявляется не только на уровне лексической семантики, но и на более глубинном уровне, а именно – в концептуальных основаниях семантики лексических единиц и, следовательно, в концептуальных основаниях их категоризации.

Согласно концепции двухуровневой семантики, предложенной Е. Г. Беляевской, лексическое значение включает в себя два уровня [Беляевская 1992]. Внешний уровень представлен собственно лексической семантикой, которая структурируется концептуальной внутренней формой, составляющей глубинный уровень значения. Эта концептуальная внутренняя форма, или концептуальное основание семантики, прямо или косвенно представлена во всех лексико-семантических вариантах данной лексемы и непосредственно связана с ее исторически первым значением. Поэтому для того, чтобы определить концептуальные основания семантики лексемы или группы лексем (лексико-семантической категории), необходимо обратиться к этимологическому анализу.

Так, например, этимологический анализ единиц, принадлежащих к лексико-семантической категории времени в английском языке, а именно – словных и сверхсловных обозначений времени, показал, что в основе номинации времени в английском языке лежат представления о пространстве, движении, наличии / отсутствии освещенности, а также о четырех стихиях. Например, лексемы *day*, *morning*, *early* восходят к основам, значениями которых были соответственно ‘горение’, ‘мерцание’ и ‘заря’; лексемы *speed*, *time*, *term* произошли от основ со значениями ‘объем’, ‘деление’, ‘граница’; этимологические

значения лексем *stable, instant, moment* связаны с понятиями покоя и движения, а слова *winter, rhythm, lapse* восходят к основам с семантикой воды [OED 2009; Гулимова 2015].

Дальнейшие исследования выявили связь обнаруженных концептуальных оснований семантики словных обозначений времени с концептуальными метафорами времени, отвечающими за формирование и функционирование сверхсловных единиц с временной семантикой. В частности, представления о пространстве и движении как концептуальные основания семантики времени соотносятся с концептуальными метафорами «время – путешествие» и «время – путник», реализуемыми в устойчивых сочетаниях *there is still a long way to go* ‘нам всё еще нужно много времени’ и *time will come when...* ‘придет время, когда’; представления о свете и стихии отражены в концептуальной метафоре «время – огонь», выраженной, например, во фразеологизме *a flash in the pan* ‘мимолетный успех, безрезультатная попытка’.

Несомненно, выделенные метафорические концепты являются основаниями не только для семантики времени, но в антропоцентрической перспективе принадлежат к числу универсальных концептов, обеспечивающих категоризацию окружающего мира. Так, согласно исследованиям Дж. Лакоффа, представления о пространстве, движении и свете служат для осмысления процессов речи, взаимодействий между людьми, природных и социальных явлений (ср. IDEAS ARE OBJECTS; LIFE IS A JOURNEY; HAPPY IS UP, SAD IS DOWN; THE MIND IS A CONTAINER; UNDERSTANDING IS SEEING; IDEAS ARE LIGHT-SOURCES) [Lakoff 2003].

Однако универсальность данных представлений не исключает специфичности их реализации в каждом конкретном случае, а также не означает, что они носят панхронический характер. Во-первых, каждое из концептуальных оснований, будучи базовым для семантики определенной группы лексических единиц, не является при этом неразложимым. Напротив, концептуальные основания семантики представляют собой сложные, иерархически организованные структуры, составленные из концептуальных элементов. Эти элементы и признаки – структурно более простые понятия, выводимые из базовых представлений по инференции, например, «линия», «точка», «объем», «делимость», «размер» и т. д. Специфика семантики каждой конкретной лексемы определяется набором и конфигурацией концептуальных признаков.

Во-вторых, этимологический анализ лексики позволяет предположить, что на разных этапах развития языка доминирующее положение занимает только одно из концептуальных оснований семантики, в то время как остальные находятся в латентной форме и выполняют вспомогательную функцию. Чтобы проверить это предположение, обратимся к результатам этимологического анализа единиц, принадлежащих к лексико-семантической категории времени в английском языке и составляющих ее ядро. Анализу было подвергнуто около 150 корней и префиксов с семантикой времени. При этом исследуемые единицы можно условно разделить на три группы:

- исконно английские единицы, имевшие временное значение на общегерманском этапе развития языка и ранее;
- единицы, заимствованные в английский язык во временном значении;
- единицы, которые приобрели временное значение в английском языке.

Деление при этом действительно условно, поскольку единицы, принадлежащие к разным группам, могут являться этимологически родственными и иметь параллельные пути развития в разных языках.

Концептуальное основание «свет / тьма» и связанное с ним по ассоциации представление о температурных характеристиках («тепло / холод») является основой семантики 23 единиц (13 корней): *night, day, dawn, Lenten, morn, morning, morrow, even, eve, evening, month, epoch, week, summer, ere, early, erst, aurora, vernal, dusk, twilight, vespers, yesterday*¹. Из них 10 корней (*night, day, Lenten*², *morn, even, month, summer, ere, dusk, twilight*) относятся к древнейшим – общепалеоиндоевропейскому и общегерманскому – слоям исконно английской лексики, при этом данные корни уже на доанглийском этапе обладали временными значениями.

¹ Полужирным шрифтом выделены неродственные корни.

² Лексема *Lenten* ‘весна, весенний (Великий) пост’ представляет собой два корня: *long- / leng-* ‘длинный, длиннее’ + **dei-* ‘день’, т. е. буквально обозначает удлинение дня весной. При этом корень **dei-* (значение и.-е. основы – ‘сиять, излучать свет’) не является родственным общегерманскому обозначению дня **dagaz*, производному от и.-е. основы **dhagh-* со значением ‘гореть’.

Лексема *week* также является исконно английской, но первоначально обозначала смену, чередование событий или действий (ср. нем. *Wechsel* ‘смена, обмен’), а временное значение приобрела под влиянием древнеримской системы измерения времени, основанной на смене светил, «господствовавших» в каждый день недели [OED 2009]. Таким образом, исходными для семантики *week* можно считать оба основания: и световое, и пространственное. Кроме того, следует признать, что временное значение у слова *week* также появилось на доанглийском этапе развития языка, так как в немецком языке сохранилось родственное ему существительное *Woche*, также обозначающее неделю.

Лексемы *vernal* ‘весенний’ и *aurora* ‘утренняя заря’ были заимствованы в английский язык во временных значениях сравнительно поздно (около XV–XVI вв.), однако та же и.-е. основа, от которой в латыни произошли слова-источники заимствований, дала начало исконно английским лексемам *ere*, *erst* и *early*.

Наконец, лексемы *vespers* и *epoch* также появились в английском языке в XIV–XVI вв. уже во временных значениях. При этом семантика лексем *epoch* имеет лишь косвенное указание на идею света, так как первоначальное значение древнегреческого слова ἐποχή – ‘остановка’. В частности, это относилось к остановке, положению светила (планеты или звезды) на небосводе во время или в начале какого-либо важного исторического события. Поэтому, строго говоря, ключевым основанием семантики *epoch* являются представления о пространстве и движении, точнее, об исходной точке движения.

Лексема *vespers* ‘вечер, вечерняя служба’ имеет параллели в других германских и негерманских языках, также описывающие световые характеристики вечера (ср. англ. *west* ‘запад’ (т. е. ‘место, где заходит солнце’), рус. *вечер*, лит. *vākara*s ‘вечер’, *ūkanas* ‘мутный, тусклый, мрачный’). Однако в английский язык слово *vespers* было заимствовано исключительно как обозначение церковной службы, которая должна была проходить в строго определенное время, поэтому, хотя семантика света, безусловно, должна быть признана исходной, основанием заимствования и базой временной семантики, на наш взгляд, следует считать идею математической точности измерения, т. е. представление о пространстве.

Общее количество лексем, содержащих указания на пространственное положение или ориентацию в пространстве в качестве

исходного основания, составило свыше 50 единиц, при этом к таким лексемам относятся не только единицы с семантикой времени в корне (*space, speed, span, pace, tempo, tense, time, tide, term, through, first, before, former, old, adult, adolescent, ulterior, ultimate, superior, inferior, prospect, retrospect, prior, previous, prodigy, posterior, ancient, ancestor* и т. д.), но и ряд единиц, временное значение которых локализовано в приставке, в частности в приставках *fore-* (*forefathers, forewarn, forecast*), *pre-* (*pre-colonial, predict*), *ante-* / *anti-* (*anticipate*), *post-* (*post-natal*), *inter-* (*interval, interlude*). При этом только три корня – *time (tide)*, *old* и *fore-* – сохраняют временные значения с общегерманского периода. Лексема *time (tide)* восходит к и.-е. основе со значением ‘делить’, а лексема *old*, наряду с заимствованными около XV в. *adult* и *adolescent*, относится к основе, означавшей ‘вскармливать, расти’, т. е. описывавшей движение вверх (ср. гот. *alan* ‘расти’, нем. *Alter* ‘возраст’, лат. *altus* ‘высокий’).

Время появления временного значения корня и приставки *fore-* ‘перед’ определить трудно, так как эта германская основа (как и романская *pro-*, этимологически родственная ей) является базовым обозначением соположенности. Вероятно, эта основа имела и пространственное, и временное значения на очень ранних этапах.

Остальные лексеммы или были заимствованы из латыни (напрямую или через французский язык) в среднеанглийский период [Ярцева 1985], как, например, *superior, term, pace, space*, или в древнеанглийском языке имели невременные, пространственные значения, а семантику времени приобрели позднее, например, как *span*, обозначавшее меру длины, или как *speed*, имевшее в древнеанглийском значении ‘достаток, процветание, успех’.

Полученные результаты показывают, что представление о свете доминировало как концептуальное основание формирования лексической категории времени на более ранних этапах развития языка, чем представление о пространстве.

Дальнейший этимологический анализ подтверждает данное предположение: из 26 лексем, семантика которых основана на представлении о движении / покое (*stage, constant, stable, stound, instant, moment, epoch, while, alway(s), previous, period, year, hour, ago, bygone, transient, pace, pass, past, proceed, procedure, process, course, current, rhythm, lapse*), к исконно английским относятся только шесть (*stound,*

while, ago, bygone, always, year), а к общегерманским – лишь две из них (*while* и *stound*), при этом *stound* (‘небольшой отрезок времени’) является устаревшим. Остальные 20 лексем были заимствованы большей частью в XIV–XVII вв., т. е. одновременно или немного позже, чем лексика с концептуальным основанием «пространство». Более того, некоторые лексемы, заимствованные первоначально в динамических значениях, например, *current* (‘бер’), *lapse* (‘скольжение вниз’) и *pass* (‘переход’), получили временную семантику позднее, или только в английском языке, или по аналогии с развитием значения французского источника.

Таким образом, хронологическая последовательность вершинных концептуальных оснований семантики времени и, следовательно, соответствующей лексико-семантической категории может быть представлена как «свет / тьма» ⇔ «пространство» ⇔ «движение / покой». Отдельные лексемы, не соотносящиеся на соответствующих этапах с доминирующим основанием, например, *while*, имевшее временную семантику уже на общеиндоевропейском этапе (ср. укр. *хвилина* ‘минута’), подтверждают предположение о существовании остальных оснований в свернутой форме.

На первый взгляд, набор концептуальных элементов и признаков идентичен для всех концептуальных оснований благодаря тесной взаимосвязи между основаниями. В самом деле, пространственные характеристики невозможно осмыслить при отсутствии освещенности, смену света и тьмы можно представить как чередование, т. е. движение отрезков и т. д. Однако хронологическое расположение концептуальных оснований уточняет распределение и значимость концептуальных элементов на каждом этапе развития английской языковой системы.

На основе проведенного этимологического и концептуального анализа мы предполагаем, что каждое «новое» основание, становясь вершинным, вбирает в себя концептуальные признаки предыдущего и добавляет новые, специфичные для него характеристики, не являвшиеся существенными для предыдущего основания. Так, на древнейших этапах развития языка основной характеристикой времени являлось наличие или отсутствие освещенности, т. е. смена природных циклов, обусловленная движением светил. Представление о чередовании периодов света и темноты, имевшееся уже в семантике лексемы *morning* в древнеанглийский период, впоследствии вполне логично

трансформировалось в представление о пространстве с указанием на «отрезок», «границу», «точку», «объем», «круг», «верх / низ» и т. д.

Ускорение социальных процессов, технические и экономические изменения актуализировали содержащуюся в представлении о пространстве идею движения и расширили набор концептуальных признаков понятиями скорости, направления, траектории, повторяемости и т. д.

Представление о стихиях содержалось в семантике времени имплицитно практически на всех этапах развития английского языка: основы, к которым восходят лексемы *while*, *winter* и *rhythm*, содержат указания на воду и бурю, лексемы *time (tide)*, *lapse* и *current* развили вторичные значения с семантикой потока. Однако как самостоятельное четвертое концептуальное основание семантики времени представление о стихии сформировалось уже в Новое время (XVI–XVII вв.). На наш взгляд, большое значение в этом процессе имела десакрализация времени.

Согласно исследованиям концептуальных метафор времени в диахронном плане [Коннова 2007], в период расцвета христианской культуры центральное место в языковой картине времени занимала концептуальная метафора «Время – Божий дар». Постепенно, с развитием экономических отношений, в частности ростовщичества, в сущности, позволявшего продавать время за деньги (проценты), образ Дарителя отошел на второй план и был замещен образами обладателя и ценности дара. Время начало восприниматься как ценный, количественно ограниченный ресурс, подобный драгоценным металлам, деньгам, а также стихиям, обуздав которые можно получить выгоду в виде достатка или удобств. Вероятно, не последнюю роль в этом преобразовании сыграла близость ассоциации денежного потока с потоком воды (ср. *liquidity* ‘ликвидность’, *to be dried up* ‘не иметь средств’) и уже давно имевшегося в языке представления о связи воды и времени.

Образ стихии привнес в семантику времени такие характерные, в первую очередь, для него концептуальные признаки, как враждебность, разрушительность / созидательность, (не)контролируемость, а утрата образа Дарителя привела к одушевлению времени как самостоятельной силы, способной вступить во взаимодействие с человеком.

Интересно отметить, что со временем смены концептуальных оснований семантики времени коррелирует процесс формирования грамматической системы английского глагола. Так, оформление будущего времени как самостоятельной грамматической формы происходило примерно в тот же период, когда на первый план в семантике лексических обозначений времени начали выходить пространственно-динамические понятия.

На наш взгляд, описанное соотношение можно объяснить общностью концептуальных оснований лексико-семантической категории времени и системы грамматических средств обозначения времени, и следовательно, общностью социокультурных факторов, повлиявших на их изменение. В самом деле, условия становления формы будущего времени не только соответствуют условиям смены «светового» основания семантики на пространственное, но и могут дополнить наше представление об этом процессе.

Отсутствие формы будущего времени в древнеанглийском языке можно объяснить тем, что в древнеанглийской картине мира доминировала циклическая модель времени. Такое представление не предполагало существенного отличия будущего от прошлого, потомуки «следовали» путем предков, а для описания возможных «отклонений» от этого пути достаточно было лексических средств, в частности, модальных глаголов.

Под влиянием социальных факторов, в первую очередь с усилением роли христианства в англоязычной и вообще в западной картине мира с начала Средних веков, модель времени из циклической превратилась в линейную [Арутюнова 1999]. Появилось представление о будущем как об отдельном периоде, наполненном событиями, отличающимися от событий прошлого и настоящего, и главное, о том, что человек способен влиять на будущее посредством своей воли. Этим объясняется возникновение формы будущего времени из модальных глаголов со значением долженствования и волеизъявления [Расторгуева 2007].

Появление в системе глагола категории временной соотнесенности действий соответствуют развитию и детализации пространственно-динамических концептуальных оснований, в частности формированию идеи границы и возможности ориентироваться во времени относительно нее. Эта категория описывает событие как предшествующее

или непредшествующее другому событию, которое, в сущности, является ориентиром-границей. Таким образом, модель времени, представленная в совершенных формах глагола, соответствует модели, заложенной в таких лексемах, как, например, *term* и *transience*.

Дифференциация форм аспекта, описывающих действие как законченное или незаконченное, длительное или краткое, повторяющееся или однократное, соотносима по времени с дальнейшим повышением значимости концепта времени в англоязычной картине мира и появлением представления о времени как о движении, которое может прерываться или продолжаться, менять скорость и длительность.

Основные периоды развития лексико-семантической категории времени и грамматических средств обозначения времени не совсем совпадают: появление грамматических форм и категорий глагола обычно относят к более поздним периодам, чем те, которые нам удалось установить для смены концептуальных оснований времени. Однако, на наш взгляд, это объясняется тем, что грамматический строй языка является менее гибкой системой, чем его лексический состав, и всегда медленнее и в меньшей степени реагирует на языковые изменения. Но по этой же причине можно утверждать, что грамматика реагирует только на самые сильные и стабильные факторы и, следовательно, отражает наиболее существенные изменения языковой картины мира.

Таким образом, анализ хронологического соотношения концептуальных оснований семантики времени в английском языке показывает, что лексическая семантика реагирует на социокультурные изменения в обществе как на поверхностном, собственно семантическом уровне, так и на глубинном уровне концептуальной внутренней формы. Эти результаты позволяют уточнить знания об англоязычной картине мира в ее динамическом аспекте и, возможно, спрогнозировать ее дальнейшее развитие. В частности, в настоящее время можно говорить о формировании нового концептуального основания семантики времени, а именно – представления о времени как о социальном или виртуальном явлении.

Следовательно, можно сделать вывод, что метафорические концепты как концептуальные основания лексико-семантической категории времени характеризуются разной степенью активности на разных этапах развития английской языковой системы. Более древние представления о свете и тьме получают осмысление в терминах

пространства и движения, и, далее, в виде схематизированного представления о природных стихиях, что, в свою очередь, создает предпосылки для последующего осмысления времени как социального феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Беляевская Е. Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. 401 с.
- Гулимова А. Д.* Архетипические оппозиции как номинативные основания обозначений времени в английском языке // Когнитивно-функциональное направление в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 79–87. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 27 (633). Сер. Языкознание.)
- Гулимова А. Д.* Группа английских существительных с общим значением «период времени»: концептуальные основания семантики // Грамматические исследования: когнитивно-коммуникативная лингвистика и современная лингводидактика. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 72–84. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 27 (660). Сер. Языкознание.)
- Гулимова А. Д.* Концептуальные основания лексико-семантической категории времени в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 208 с.
- Коннова М. Н.* Концептуальные метафоры времени в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007. 260 с.
- Расторгуева Т. А.* История английского языка : учебник. М. : Астрель, 2007. 248 с.
- Ярцева В. Н.* История английского литературного языка. IX–XV вв. М. : Наука. 1985. 248 с.
- Lakoff G. and Johnson M.* Metaphors We Live By. London : The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
- Online Etymological Dictionary [Электронный ресурс]. URL : www.etymonline.com
- Oxford English Dictionary. Second Edition. CD-ROM (v. 4.0.0.2). Oxford University Press, 2009.
- Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern : A. Francke AG Verlag, 1959. 3 B.

УДК 81'37.111

Е. А. Попова

кандидат филологических наук, ст. преподаватель
каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: katandr25@rambler.ru

МЕСТО СИРКОНСТАНТА В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности сочетаемости предикатов и сирконстантов. Показано, что некоторые семантические типы предикатов регулярно сочетаются с сирконстантными выражениями определенной семантики. Проводится анализ случаев использования сирконстантных выражений в несвойственном для них окружении и возникающих при этом сдвигов в значении соответствующего глагола. Таким образом, показано, что сирконстанты, несмотря на их синтаксическую необязательность, могут оказывать влияние на толкование глагола и интерпретацию высказывания в целом.

Ключевые слова: сирконстант; предикат; семантическая валентность.

Е. А. Попова

Ph. D., Senior teacher, Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU; e-mail: katandr25@rambler.ru

PLACE OF CIRCONSTANTS IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF AN UTTERANCE

The article deals with the combinability of predicates and circonstants. It is claimed that certain semantic types of predicates are regularly combined with circonstants of certain meanings. The article also looks at cases in which adjuncts are found in contexts which are not typical of them and subsequent transfers in the meaning of the accompanying verb. Thus it is shown that circonstants, although syntactically facultative, can influence the interpretation of the verb and the whole utterance.

Key words: circonstant; predicate; semantic valency.

В исследованиях по семантическому синтаксису сирконстанты традиционно рассматривались как необязательные, факультативные, элементы семантической структуры высказывания [Иванова и др. 1981, с. 200; Падучева 2004, с. 72–79; Холодович 1970, с. 13; Carter, McCarthy 2006, с. 492], как предикаты более высокого порядка [Богданов 1977, с. 94–96; Богуславский 1990, с. 145]. Соответственно, в теории сочетание сирконстантов с предикатами определенных семантических типов должно носить случайный характер. Кроме того,

использование сирконстантов не должно влиять на семантику глагола, с которым вместе встречается сирконстант, и на семантику всей конструкции в целом. Однако на практике отмечаются определенные закономерности в совместном употреблении предикатов и сирконстантов.

Так, В. С. Храковский пишет, что глагол *любить* входит в семантический класс состояний (подкласс отношений) и не может иметь актуально-длительных, профетических и потенциальных значений. Соответственно, в его окружение не могут входить сирконстанты, обозначающие временную точку, темп, а также сирконстанты, обозначающие относительно маленькие промежутки времени. С другой стороны, глаголы движения (*идти, бежать*) хорошо сочетаются с сирконстантами, обозначающими время и скорость [Храковский 2014, с. 29; Филипенко 1998, с. 123].

Интересно, что употребление в конструкции отдельных сирконстантов может зависеть не от глагола, а от семантической специфики отдельных актантов. Например, имя объекта в единственном числе свидетельствует о наличии простой ситуации, которая реализуется как одномоментное событие. Имя объекта во множественном числе может говорить о раздельном множестве повторяющихся однотипных ситуаций и, соответственно, позволяет ввести в конструкцию сирконстант *постепенно*.

Характеристики действия типа *с трудом / без труда* не контролируются агенсом, возникают независимо от его воли и не предусмотрены толкованием глагола. Поэтому, если изменить модальную перспективу с индикатива на императив, возникнет семантический запрет на употребление сирконстанта *без труда / с трудом* [Храковский 1998, с. 144–147; Храковский 2014, с. 33].

Есть и такие случаи, когда сирконстанты определенной семантики превращают контролируемое действие, выражаемое императивной формой глагола, в неконтролируемое, которое в принципе не должно совершаться. При этом они, несмотря на то, что являются сирконстантами, относятся к обязательным элементам, определяющим семантическую правильность конструкции. В предложении *Ты случайно брату не позвони!* сирконстант *случайно* указывает на неконтролируемость действия и позволяет использовать агентивный глагол совершенного вида в нетипичной для них превентивной конструкции (ср. с **Не*

позвони брату!). По мнению В. С. Храковского, сирконстант *случайно* является здесь конструкторообразующим элементом [Храковский 2014, с. 27, 34; Храковский 2012, с. 291–292].

В статье предпринимается попытка сопоставить основные семантические типы предикатов и основные типы сирконстантов, выявить их наиболее частотные и наиболее редкие (либо неупотребительные) сочетания, выявить особенности реализации сирконстантов вместе с актантами определенной семантики, а также выявить, как семантика сирконстантов может влиять на семантику всей конструкции.

При анализе языкового материала мы, вслед за В. С. Храковским, сочетаем два подхода: вербоцентрический и конструкционный [Храковский 2014, с. 29–30]. Согласно вербоцентрическому подходу, свойства глагола определяют свойства конструкции в целом. С другой стороны, конструкционный подход подразумевает то, что целостные конструкции могут обладать свойствами, которые не выводятся из свойств составляющих элементов. Например, некоторые сирконстанты могут отключать временной план, выражаемый словоформой вершинного глагола, нейтрализовать некоторые грамматические значения [Храковский 2012, с. 30].

Существует много различных классификаций предикатов, проводимых по различным основаниям [Семантические типы предикатов 1982, с. 6–11]. При этом можно выделить наиболее общее противопоставление предикатов на два больших класса: «качества» или «свойства», с одной стороны, и «явления» – с другой. Качества представляют собой относительно независимую от течения времени характеристику предмета, в то время как явления описывают только некоторый момент или отрезок существования объекта [Семантические типы предикатов 1982, с. 17]. Соответственно, качества / свойства могут включать такие постоянные либо вневременные характеристики субъекта, как привычки, умения, род занятий. Явления при этом делятся на динамические (действия) и статические (состояния, местонахождение) [Семантические типы предикатов 1982, с. 84–85].

Большую известность получила классификация З. Вендлера, подразделявшего все глаголы на четыре класса: глаголы-стативы (*states*), глаголы деятельности (*activities*), совершения (*accomplishments*), достижения (*achievements*). При распределении глаголов по классам учитывались следующие параметры: сочетаемость глаголов

с обстоятельствами времени и возможностью их использования в форме прогрессива. Так, для стативов и достижений характерно отсутствие формы прогрессива. Стативы отличаются от достижений тем, что могут сочетаться с обстоятельством длительности (типа *for two hours*). Совершения отличаются от достижений сочетаемостью с обстоятельствами срока совершения (*in two hours*) [Vendler 1967, с. 101]. Классификация З. Вендлера позволяет объяснить выбор аспектуальной формы, однако не учитывает такие признаки глагола, как агентивность / неагентивность, а также набор семантических валентностей при данном глаголе.

Согласно валентностной классификации, глаголы подразделяются на разные типы в зависимости от количества актанта, которыми они могут управлять: нульвалентные (сюда относятся так называемые AMBIENTные глаголы типа *rain, snow*); одновалентные (кваликативные предикаты типа *be tired, be fine*); двухвалентные (акциональные глаголы, реализуемые вместе с упоминанием агенса и патиенса, например, *break, open*); трехвалентные (включающие в свою семантическую конфигурацию бенефактив (адресат), агенс и патиенс, например, *give, send, show*) [Апресян 1995, с. 25–27; Иванова и др. 1981, с. 241–242; Чейф 1975, с. 125–127]. Отмечается, что некоторые глаголы (*think, know, say*) могут иметь валентность на целую пропозицию (предикатный актанта) [Синтаксическая семантика... 1998].

Таким образом, валентностный подход позволяет рассмотреть сочетаемостные характеристики глаголов. Однако при этом, как правило, не учитываются временные и аспектуальные характеристики глагола, ограничения на его употребление в различных грамматических формах.

Применительно к английскому языку наиболее оптимальной нам представляется классификация А. Г. Елисейевой и О. Н. Селиверстовой [Семантические типы предикатов 1982, с. 158–216], в которой учитывается как сочетаемость предикатов разных групп, так и локализованность их денотатов на временной оси. Поэтому при проведении исследования данную классификацию (с некоторыми изменениями) мы возьмем за основу.

А. Г. Елисейева и О. Н. Селиверстова подразделяют все предикаты на следующие основные группы: предикаты со значением: 1) действия (например, *take, wash, clean*); 2) процесса (*sleep, die*); 3) состояния (*be*

alive, be hungry, be asleep, be ill, be in blossom, be at work); 4) качества (*be intelligent, be long, be short*); 5) класса (*rule, govern*) и связи (*love, hate, respect, depend, belong to, possess, consist of*); 6) нахождения в пространстве (*stay, live, stand, lie, go, arrive*)¹; 7) потенциальности (модальные глаголы и лексико-синтаксические обороты со значением возможности выполнения действия) [Семантические типы предикатов 1982, с. 210–212].

Предикаты действия и процесса различаются по признаку агентивности / неагентивности субъекта. Поскольку действие носит целенаправленный и волитивный характер, предложения с предикатами действия могут употребляться в повелительном наклонении, с модальным глаголом *may* в значении разрешения, могут быть подчинены глаголам *tell, order, permit* (например, *May I use your phone? She told the children to wash their hands*).

Субъекты состояний и качеств являются неактивными. Состояния отличаются от качеств тем, что непосредственно соотносятся с осью времени и могут занимать определенный временной отрезок (*Is he asleep now?*). Качества, напротив, представляют собой параметры объекта, не локализованные непосредственно на оси времени (*He is kind*).

Предикаты класса обозначают классы действий, выражают вневременную характеристику субъекта и, соответственно, не могут занимать определенную точку на оси времени (например, предложения типа *Does he smoke? Does he speak English?*) К предикатам класса также относятся глаголы типа *rule, govern*, представляющие собой обобщения гетерогенных действий.

Предикаты связи обозначают такие отношения между субъектом и объектом, которые не подразумевают прямого воздействия на объект (*depend, belong*) и абстрагированы от реального протекания во времени. В данной группе можно отдельно выделить предикаты эмоциональной связи (*love, hate*).

Предикаты потенциальности характеризуют свои денотаты как имеющие определенную локализацию на оси времени, только если речь идет о реализованных возможностях (ср. *I can translate it* и *I managed to do it yesterday*).

¹ В работах О. Н. Селиверстовой термин «пространство» используется в широком смысле. В число пространственных предикатов также включаются экзистенциальные предикаты.

Поскольку предикаты потенциальности сами являются предикатами более высокого порядка, они требуют к себе особого внимания и в рамках данной работы специально рассматриваться не будут.

Отметим, что некоторые глаголы могут выражать разные значения и относиться к разным классам предикатов в зависимости от контекста, в котором они употребляются. Например, глагол *work* может выражать отдельное действие и иметь определенную временную локализацию (*He is working at his article*), либо обозначать вневременную (постоянную) характеристику субъекта (*He works as assistant manager*). Глагол *burn* может выражать как процесс (*The leaves were burning*), так и действие активного субъекта (*They burnt the old newspapers*). Соответственно, сочетаемостные характеристики данных глаголов также будут меняться.

Что касается сирконстантов, чаще всего в литературе они ассоциируются со следующими типами обстоятельств: времени, места, образа действия, степени, цели, причины, условия, результата, сравнения [Carter, McCarthy 2006, с. 345; Payne 2006, с. 298]. Но следует отметить, что данная классификация обстоятельств не является исчерпывающей и всеобъемлющей. В один и тот же класс могут входить семантически гетерогенные единицы.

Так, сирконстанты места включают местонахождение предмета в пространстве (*in London, at home*), точка начала движения (*from the office*), конечный пункт движения (*to Moscow*), маршрут движения (*across Russia, along the street*). К темпоральным обстоятельствам могут относиться как точка (*at 7 o'clock*), так и продолжительный интервал на временной оси (*for ten years*).

Семантическая разнородность особенно типична для обстоятельств образа действия [Филипенко 2004, с. 652]. М. В. Филипенко, разработавшая подробнейшую классификацию наречий в русском языке, подразделяет все наречия образа действия на две группы в зависимости от того, что характеризуется: человек или предмет. При этом наречия, характеризующие человека, «разбиты на классы «параметр человека», «состояние сознания», «физическое состояние», «физическое качество», «оценка умения», «оценка поступка», «манера поведения» [Филипенко 2004, с. 652–653].

Отметим, что для сирконстантов разных классов характерны разные семантические валентности. Так, сирконстант *постепенно*, как

и многие другие сирконстанты, можно рассматривать как одноместный предикат. Его валентность заполняет та конструкция, в которую он вводится.

В отличие от сирконстанта *постепенно*, сирконстанты *с трудом / без труда* являются двухместными предикатами. Одну их валентность заполняет конструкция, в которую они входят, а другую – наблюдатель-оценщик [Вольф 2009, с. 12, 22–24, 31–32; Храковский 2014, с. 32]. В целом наличие субъекта оценки (часто имплицитного) характерно для сирконстантов степени, выраженных словами-интенсификаторами [Вольф 2009, с. 43–45].

Есть сирконстанты, которые могут входить в разные семантические классы в зависимости от предиката, с которым они сочетаются. Ю. Д. Апресян указывает на неоднозначность таких оценочных наречий, как *хорошо, плохо, неплохо* [Апресян 1995, с. 74–77], которые, с одной стороны, могут обозначать обстоятельство образа действия, с другой – выражать комплетивные отношения.

Такая же неоднозначность, по-видимому, характерна и для некоторых английских оценочных наречий. Например, наречие *badly* используется с различным смыслом в предложениях *He speaks English badly* и *Don't think badly of me*. Если в первом предложении *badly* обозначает качественную характеристику действий субъекта, во втором – выражает отношение субъекта оценки к объекту мысли. Еще одно значение слова *badly* мы видим в предложении *They needed money badly*, где оно служит интенсификатором при глаголе *need*.

М. В. Филипенко считает возможным говорить о наречиях с «плавающей» и фиксированной сферой действия [Филипенко 1998, с. 123–126]. Наречия с «плавающей» сферой действия характеризуют значение различных параметров ситуации либо ситуацию в целом. Их употребление, как правило, не зависит от семантических свойств предиката. Адвербиалы с фиксированной сферой действия описывают какого-либо семантического участника ситуации и имеют гораздо более узкую сочетаемость. Следовательно, их употребление зависит от того, есть ли соответствующий семантический компонент в структуре предиката. Например, наречие *тихо* сочетается с названиями таких действий или состояний, которые могут сопровождаться звуками. Наречие *медленно* сочетается только с названиями таких ситуаций, которые могут протекать с определенной скоростью [Филипенко 1998, с. 123–137].

Таким образом, в статье рассматривается сочетаемость основных типов сирконстантов (времени, места, образа действия, степени, причины, условия, результата) с предикатами действия, процесса, состояния, качества, класса и связи, нахождения в пространстве.

Языковым материалом для анализа в данной работе послужили тексты Британского национального корпуса английского языка [British National Corpus 2007]. Поскольку в рамках статьи провести анализ употребления всех глаголов не представляется возможным, для изучения сочетаемости предикатов и сирконстантов была сделана репрезентативная выборка. Для каждого типа предикатов были выбраны глаголы, обладающие всеми основными характеристиками данного семантического класса и при этом характеризующиеся высокой частотностью. Затем в процессе обработки корпусных данных выявлялись наиболее частотные сочетания данных глаголов с наречиями и именными предложными группами, имеющими обстоятельственное значение.

Эффективным способом изучения сочетаемости языковых единиц является определение их коллокаций в языковом корпусе. Отметим, что в корпусной лингвистике термин «коллокация» используется в несколько упрощенном смысле, по сравнению с традиционной лингвистикой. Коллокации определяются как статистически устойчивые словосочетания, причем такое устойчивое словосочетание может быть как фразеологизированным, так и свободным [Павельева 2016, с. 57].

Одна из проблем, возникающих перед исследователем при изучении коллокаций, – это большое количество сочетаний со служебными словами (артиклями, союзами), которые создают своего рода информационные помехи при подсчетах и затмевают общую картину сочетаемостных характеристик. Для избавления от таких помех при вычислении степени связности частей коллокации в корпусной лингвистике используется так называемый коэффициент взаимной зависимости (далее MI).

Данный показатель отражает притяжение между словами, т. е. вероятность того, что одно слово может появиться в ближайшем окружении другого слова. Чем выше показатель, тем сильнее взаимная аттракция слов. Если коэффициент MI больше 3, коллокация считается высокоустойчивой, если больше 1, то просто устойчивой, если же он примерно равен 0, такое сочетание слов может считаться случайным [Павельева 2016, с. 58]. Таким образом, установка на поиск

сочетаний с коэффициентом MI больше 3 помогает отсекаать случайные результаты.

Несмотря на то, что в современных языковых корпусах все тексты размечены и аннотированы, автоматические подсчеты по частотности того или иного словосочетания не всегда точны. Например, при вычислении частотности сочетаний типа *глагол + наречие* в коллекцию сочетаний попали высказывания с именами собственными *Pengally* [British National Corpus 2007, 1HXG] и *Cully* [British National Corpus 2007, 1 HTG], которые были ошибочно восприняты компьютерной программой как наречия. Кроме того, иногда как коллокации фиксируются пары языковых единиц, находящиеся на границе двух синтагм и не связанные между собой. Поэтому следующим этапом обработки данных был семантический анализ высказываний с сочетаниями соответствующих языковых единиц, при необходимости с обращением к расширенному контексту.

Анализ сочетаемости предикатов действия выявил зависимость коллокаций от конкретных семантических компонентов в значении глагола. В целом глаголы, обозначающие действия, показали регулярную сочетаемость с обстоятельствами, указывающими на продолжительность действия, и обстоятельствами места, например:

Dot with remaining butter and ***bake for about 10 minutes***, or ***until the fish is opaque*** [British National Corpus 2007, 6 CEK].

The company plans to ***build*** a factory ***at a site 700 miles North of Moscow*** in conjunction with the Russian Kamaz engineering company /.../ [British National Corpus 2007, 18 K54].

Для глаголов со значением разрушительного воздействия на объект (типа *damage, destroy*) наиболее частотными оказались сочетания с обстоятельствами степени *seriously, severely, irrevocably, completely*, например¹:

Tobacco can ***seriously damage*** your pocket – as well as your health [British National Corpus 2007, 5 CH5].

In a matter of minutes, the Russians could ***completely destroy*** our entire SAMOS system of spy satellites [British National Corpus 2007, 3CDA].

¹ Здесь и далее жирным курсивом выделены сочетания языковых единиц, подвергаемых анализу.

The affair had to be kept secret, or the scandal within the hospital would ***irrevocably damage*** his career [British National Corpus 2007, 1C8D].

Надо отметить, что сочетания *damage* с наречиями *irrevocably*, *irreparably*, *irreversibly*, в целом менее частотные, имели более высокий индекс MI (5,08, 6,99, 5,45 соответственно).

Значительно менее частотными оказались сочетания с обстоятельствами, указывающими на степень осознанности действия субъектом (*wilfully*, *intentionally*, *unwittingly*, *recklessly*, *carelessly*).

But he must not ***wilfully damage*** or ***destroy*** the thing [British National Corpus 2007, 1 FSS].

The wildlife that we so ***carelessly destroy*** has as much right to be on the planet as us and should be respected /.../ [British National Corpus 2007, 1BN4].

Интересно, что при этом степень взаимной аттракции (MI) интенциональных наречий и глаголов воздействия оказалась выше. Так, хотя сочетание *damage* + *seriously* встретилось в корпусе 44 раза, индекс MI оказался равен 3,56. В то же время сочетание *damage wilfully*, встретившееся только два раза, характеризуется коэффициентом 4,49, а сочетание с *wilfully*, встретившееся в корпусе только один раз, имеет коэффициент 8,93.

По-видимому, интенциональные наречия помогают модифицировать семантические характеристики глагола, указав на степень заинтересованности субъекта в производимом действии и уточнив степень волитивности действия.

В сочетаниях типа *damage* + *seriously* глагол часто имеет валентность не на агенс, а на целую свернутую пропозицию. Например, в *Tobacco can seriously damage your pocket – as well as your health* вред наносит не сам по себе табак, а его курение. При этом интенциональные наречия типа *wilfully*, естественно, могут сочетаться только с одушевленным субъектом.

В некоторых случаях наречия помогают оценить не только сам поступок, но и совершающего его человека, его внутренний мир, например:

‘I will not anthropomorphize these vandals as they are wilfully and ***ignorantly*** trying to ***destroy*** a building that is there for the use of all the community.’ [British National Corpus 2007, 1 K4P].

‘/.../You are obviously determined to believe that I deliberately and ***maliciously*** set out to ***destroy*** you, knowing as I did how much you had already been hurt.’ [British National Corpus 2007, 1 H9V].

Глаголы, обозначающие процессы (*burn, grow (up)*), имеют устойчивую сочетаемость с обстоятельствами, указывающими на характер протекания процесса (*easily, brightly*), а также с обстоятельствами, указывающими на скорость развития процесса (*slowly, swiftly, fast, quickly*), например:

My children never wore cotton clothes, because they ***burn*** so ***easily*** [British National Corpus 2007, FNY1].

A week ago, I watched a store ***burn brightly*** and ***swiftly*** to the ground [British National Corpus 2007, 6 САК].

She wished she were not still so flat, wished the baby would ***grow quickly*** [British National Corpus 2007, 6 C8S].

Предикаты состояния регулярно сочетаются с сирконстантами степени (*quite, perfectly, fully, terribly, intensely, seriously, severely, barely*). Например:

Anne worried that Sarah would be upset, but she assured her that she was ***perfectly happy***, and certainly seemed so [British National Corpus 2007, 35 G16].

Коэффициент взаимной аттракции предикатов состояния и обстоятельств степени на проанализированном материале составил в среднем 4,65.

Также предикаты состояния часто встречаются вместе с обстоятельствами, указывающими на аспект, по которому оценивается состояние субъекта (*spiritually, mentally, physically, psychiatrically, psychologically*). Например:

‘/.../ we ***have been*** not only ***mentally*** and ***physically ill***, we ***have been spiritually sick***’ [British National Corpus, 2007, 2 G3D].

Коэффициент МІ для данного вида сочетаний в среднем составил 5,01.

Предикаты состояния также регулярно сочетаются с временными сирконстантами, указывающими на интервал либо точку на временной оси, в пределах которых фиксируется данное состояние. Например:

Yes and some of them ***are still alive today*** [British National Corpus, 2007, 1 FY5].

Хотя коэффициент взаимного притяжения предикатов состояния и временных обстоятельств ниже (в среднем 3,96), абсолютная частотность высказываний с данным видом сочетаний значительно выше (например, сочетание *(be) alive + today* употребляется в корпусе 85 раз, в то время как сочетание *(be) alive + barely* используется только в 14 случаях). Это объясняется широкой сферой употребления временных обстоятельств и их сочетаемостью с другими типами глаголов.

Некоторые обстоятельства типа *instantly, suddenly* указывают на сдвиг в значении статива. В таких случаях речь идет о переходе субъекта из одного состояния в другое. Например:

Then ***suddenly*** she was wide ***awake***, nerves jangling again, thoughts chaotic [British National Corpus 2007, 2 BMW].

Предикаты свойства регулярно сочетаются с обстоятельствами степени (*highly, extremely, immensely, fabulously, desperately*); средняя величина MI для проанализированных сочетаний составила 5,47. Например:

Thus she may be ***immensely wealthy***, or ***desperately poor***, since these are conditions in which almost all of us in our fantasies can see ourselves [British National Corpus 2007, 10 FFO].

Однако индекс взаимной встречаемости оказался выше у сочетаний с обстоятельствами, указывающими на аспект, по которому производится оценка (в среднем 8,54):

/.../ if I have a good engineer who is ***musically intelligent*** as well as ***technically adept***, then I have a very direct input into the kind of sound I want [British National Corpus 2007, 1 BMC].

Глаголы класса чаще всего сочетаются с обстоятельствами образа действия, дающими оценку деятельности субъекта. Например:

I ***cook well***. I can ***work hard***. I am not afraid. Please take me with you. [British National Corpus, 2007, 20 GWF W].

How can an unprecedented association of nations which come together voluntarily ***govern*** itself ***effectively, responsibly*** and ***responsively***? [British National Corpus 2007, 2 HHW]

Отметим, что наречия, выражающие общую оценку умений субъекта (*effectively, efficiently, successfully*), встречаются в корпусе значительно чаще других, при этом сфера их использования достаточно широка и не привязана к конкретным глаголам или их подгруппам в данном классе. В среднем коэффициент взаимной встречаемости MI равен примерно 3,39. Иная ситуация наблюдается с использованием наречий типа *justly, responsibly, manfully, rationally*, которые не только дают оценку деятельности, но и косвенным образом характеризуют личность субъекта деятельности. Данные наречия характеризуются высокой степенью аттракции к определенным глаголам с общим значением «руководить, управлять» (*rule, govern, run*). Так, для *govern* средний коэффициент сочетаемости с наречиями личностно ориентированной оценки составляет 7,67. Для *rule* коэффициент MI с оценочными наречиями несколько ниже (в среднем 4,58), но его снижение объясняется наличием у данного глагола других значений с иной сочетаемостью, например, «выносить решение», «оказывать влияние» и др., и, соответственно, большим количеством коллокаций (46 против 23 коллокаций с *govern*, т. е. в два раза больше).

Говоря о других типах сирконстантов, в корпусе были зафиксированы случаи сочетаемости глаголов класса с обстоятельствами, указывающими на период, в течение которого продолжается деятельность (*until 1926, for ten years*), например:

.../ the concerns of the Republican-Socialist alliance which, under Azaa's leadership, was to *govern* Spain until September 1933 [British National Corpus 2007, 1 CJ2].

.../ he is the only party leader competent to *govern* this country during the next few years? [British National Corpus 2007, 22 ННХ].

Для глаголов с общим значением «управлять, править» характерно указание на сферу осуществления деятельности (город, страну, регион, штат и т. п.). Однако в данных случаях место, где осуществляется деятельность, является, скорее, объектом воздействия, нежели локативом. Это косвенно подтверждается способом его синтаксической репрезентации (в подавляющем большинстве случаев слово, указывающее на место, используется в функции прямого дополнения). Кроме того, встречаются аналогичные высказывания, где объектом воздействия представлены люди, например:

.../ the Crown in Parliament of the United Kingdom well understood that it could no longer **govern** the King Emperor's non-British, any more than his British **subjects** .../ [British National Corpus, 2007 2028, A69].

Таким образом, можно предположить, что с глаголами типа *rule*, *govern* существительные, обозначающие место (*Somerset*, *Britain*, *Spain*), используются с метонимическим сдвигом значения, обозначая жителей того или иного региона.

Интересные закономерности выявил анализ употребления глаголов связи. Так, из сочетаний глагола *belong* с наречием наиболее частотными оказались наречие *here* (45 случаев), вопросительное наречие *where* (30 случаев). Однако при этом анализ примеров говорит о том, что в данных сочетаниях наречие *here* имеет, скорее, актантный, нежели сирконстантный характер:

I would say that you very much **belong here**. You seem to have an affinity with the place [British National Corpus 2007, 29 H97].

Глагол *depend* часто используется с обстоятельствами степени *largely*, *heavily*, *entirely*. Например:

The Jivaro **depend largely** on agriculture and do not eat many wild plants, though they hunt a lot [British National Corpus 2007, 13 J18].

Отметим, что семантический анализ примеров сочетаемости глагола *depend* показал, что в большинстве случаев актантами при данном глаголе являются свернутые пропозиции. Таким образом, в данных сочетаниях глагол *depend* имеет значение взаимной обусловленности, что приближает его по семантическим свойствам к каузативным глаголам.

Что касается предикатов эмоциональной связи, анализ корпусных данных показывает высокую частотность сирконстантов степени, указывающих на интенсивность данного чувства. Так, глагол *love* регулярно сочетается с наречиями (*so*, *very*) *much*, *dearly*, например:

I **love** Colin **dearly** but we've never even discussed marriage [British National Corpus 2007, 36 CH 6].

.../ please don't leave me... I **love** you **so much**... .../ [British National Corpus 2007, 25 HJD].

При этом для данного глагола нетипично сочетание с обстоятельствами, указывающими на продолжительность действия. Как

показали немногочисленные примеры такого рода, найденные нами в корпусе, в данных случаях имеет место семантический сдвиг в значении глагола *love*:

HARGREAVES: You know if I have a mind to love her, Belville, I will, and I'm half in love with her truly, Belville, the girl is well enough... considering. A man might *love* her for a month or two [British National Corpus 2007, 136 FU4].

Отметим, что в предшествующем контексте (*I have a mind to love her*) глагол *love* используется также с семантическим сдвигом и предстает как волитивное действие при активном субъекте. Судя по всему, говорящий вкладывает в данное слово иной смысл, отличающийся от его общепринятого значения, и не слишком серьезно относится к объекту своих чувств.

Глаголы нахождения в пространстве традиционно подразделяются на статические, обозначающие местонахождение объекта (*lie, stand, sit*), и динамические, обозначающие движение (*go, come, arrive, run, fly, swim*). Сочетаемость пространственных предикатов с сирконстантами, пожалуй, лучше всего изучена в литературе [Апресян 1995; Иванова и др. 1981; Филипенко 1998; Чейф 1975]. Известно, что со статическими глаголами обычно есть указание на место, где находится объект. С динамическими глаголами должно быть указание на отправную точку движения, пункт назначения и (в некоторых случаях) маршрут движения [Иванова и др. 1981, с. 246].

Наш анализ корпусных данных предсказуемо подтверждает высокую сочетаемость пространственных предикатов с обстоятельствами места. При этом разные глаголы проявляют разные сочетаемостные характеристики, что, по-видимому, связано с набором сем, входящих в их значение. Так, для глаголов *come, arrive* наиболее частотным будет указание на конечный пункт движения¹.

Then Cully suggested I should *come here* [British National Corpus 2007, 1 NTG].

При использовании глагола с указанием на исходный пункт движения часто происходит сдвиг значения. При этом речь идет не

¹ Отметим, что глагол *come* имеет много производных фразеологизированных значений, в которых говорится о ментальных процессах (*come to the conclusion, come to terms with something*).

о движении физического объекта из точки А в точку В, а о происхождении того или иного предмета или явления, например:

Yet why should this condition be? *Whence* does it *come*? [British National Corpus 2007, 6 HGS].

Для *run* наиболее характерно указание на скорость (*fast, faster*). Также может быть указан способ передвижения, например:

They ran after me but I could *run much faster without the wedding dress* [British National Corpus 2007, 36 FSB].

Fly, swim сочетаются не только с обстоятельствами, указывающими на направление (*eastwards, westwards*), конечную точку маршрута (*into our nest*), либо исходный пункт (*away from the nest*), но и с обстоятельствами траектории движения (*erratically, in a straight line*):

As the aircraft continued over the wood it started to *fly erratically* /.../ [British National Corpus 2007, 1 CAU].

Оценочные наречия встречаются относительно редко:

Whales don't *fly*, but they do *swim*, and *swim* about as *efficiently* as swallows *fly* [British National Corpus 2007, 1 J52].

При использовании глаголов движения вместе с нетипичными для них сирконстантами также происходит сдвиг значения. Например:

Front projection is combined with a double zoom effect for the so-called Zoptic process (patented by Yugoslavian-born British effects man Zoran Perisic), which enabled Superman to *fly convincingly* in close shots [British National Corpus 2007, 1 FB8].

В этом случае глагол *fly* обозначает не полет, а его имитацию в кино.

Итак, в данной работе был проведен анализ сочетаемости сирконстантов с основными семантическими типами предикатов и роли сирконстантов в актуализации семантической структуры высказывания. На основании выполненного анализа можно сделать следующие выводы.

Сирконстанты могут различаться по сфере сочетаемости. Некоторые обстоятельства (например, *well, fast*) имеют более широкую сферу использования и могут сочетаться с разными семантическими классами предикатов. В языковом корпусе такие обстоятельства будут

значительно более частотными, при этом коэффициент их взаимной встречаемости MI в коллокации с конкретными глаголами будет снижаться.

Другие обстоятельства (например, *irreparably, irrevocably*) имеют относительно фиксированную сферу использования и «привязаны» к определенному тематическому классу глаголов. При этом уровень взаимной аттракции между ними значительно выше.

В ряде случаев в семантическую структуру высказывания может вводиться сирконстант, не свойственный для предиката данного семантического класса. В этом случае происходит модификация значения глагола и всего высказывания в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
- Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. 204 с.
- Богуславский И. М. Внешняя и внутренняя сфера действия некоторых темпоральных обстоятельств // Saloni Z. (red.) *Metody formalne w opisie jezyku slowiańskich* (к 60-летию Ю. Д. Апресяна) Białystok, 1990. С. 137–148.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. Изд. 4-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 280 с.
- Иванова И. П., Буракова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник. М. : Высшая школа, 1981. 285 с.
- Павельева Т. Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов // Вестник ТГУ. 2016. № 3–4 (155-156). URL : cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-kollokatsiy-na-osnove-lingvisticheskikh-korpusov-tekstov.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М. : Наука, 1982. 365 с.
- Синтаксическая семантика конструкций с предикатными актантами / отв. ред. Л. М. Ковалева. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. 287 с.
- Филипенко М. В. Об адвербиалах с плавающей и фиксированной сферой действия (к вопросу об актантах и не-актантах предиката) // Семантика и информатика. Вып. 36. М. : Языки русской культуры ; Русские словари, 1998. С. 120–140. URL : [lpcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/36/36FILIPENK.pdf](http://pcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/36/36FILIPENK.pdf)

- Филипенко М. В.* Наречия в системе «Лексикограф» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог-2004» / Институт проблем информатики РАН. М. : Наука, 2004. С. 650–655. URL : www.dialog-21.ru/media/2508/filipenko.pdf
- Холодович А. А.* К вопросу о доминанте предложения // А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л. : Наука, 1970. С. 293–298.
- Храковский В. С.* Понятие сирконстанта и его статус // Семиотика и информатика. Вып. 36. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 141–153.
- Храковский В. С.* Вербоцентрический подход к конструкциям и / или грамматика конструкций // Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Ваннер, Л. Л. Иомдин, Я. Миличевич, М.-К. Л'Омм, А. Польгер (ред.). Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты : сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука. М. : Языки славянской культуры, 2012. С. 288–300.
- Храковский В. С.* Два подхода к анализу синтаксических конструкций: «лексико-семантический» и «конструкционный» (опыт сопоставления) // Acta linguistica Petropolitana. Т. X, Ч. 2. СПб. : Наука, 2014. С. 25–40.
- Чейф У.* Значение и структура языка / пер. с англ. М.: Прогресс, 1975. 431 с.
- Carter R., McCarthy M.* Cambridge Grammar of English: A Comprehensive Guide: Spoken and Written English Grammar and Usage. Cambridge University Press, 2006. 973 p.
- Payne T. E.* Exploring Language Structure: a Student's Guide. New York : Cambridge University Press, 2006. 367 p.
- The British National Corpus, version 3 (BNC XML Edition).* 2007. Distributed by Bodleian Libraries, University of Oxford on behalf of the BNC Consortium. URL : www.natcorp.ox.ac.uk/
- Vendler Z.* Verbs and times // Vendler Z. Linguistics in philosophy. Ithaca ; N.Y. : Cornell Univ. Press, 1967. P. 97–121.

УДК 316.776.33

И. Д. Романова

аспирант каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: id-vedenina@yandex.ru

БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ ЖАНРОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

В статье рассматривается бизнес-коммуникация и ее жанровая репрезентация. Автор указывает на жанровое многообразие делового общения, его причины, а также на зависимость жанрового представления от цели коммуникации. В современных условиях успешная коммуникация является важной задачей и условием эффективной деятельности. Деловое общение носит регламентированный характер и требует знания и соблюдения жанровых конвенций.

Ключевые слова: деловое общение; бизнес-коммуникация; корпоративный имидж; жанровая репрезентация; жанровое представление; жанровая конвенция.

I. D. Romanova

Postgraduate, Chair of Grammar and History of English, English Language
Department, MSLU; e-mail: id-vedenina@yandex.ru

BUSINESS COMMUNICATION AND ITS GENRES

The article looks into business communication and its genres. The author points to considerable genre variation in business communication and its relation to the communicative aim. In the modern world successful communication is a crucial task and pre-requisite for efficiency, especially in business. Business communication is a largely conventionalized area of communication which requires knowledge and respect for convention.

Key words: business communication; corporate image; genre variation; genre convention.

В настоящее время в связи с динамичным развитием сферы бизнеса успешная коммуникация является важной задачей и условием эффективной деятельности. Сложная структура предприятий, удаленность подразделений компаний друг от друга, серьезная конкуренция, а также нестабильная экономическая ситуация требуют особого подхода и методов решения задач в сфере бизнеса. Бизнес-коммуникация заключается не просто в правильном построении высказываний с точки зрения грамматики и связности текста, это инструмент оказания желаемого воздействия на собеседника в рамках общепринятых норм делового общения. Следовательно, для осуществления речевой

деятельности в сфере бизнеса недостаточно знать особенности взаимодействия лексики и грамматики; необходимо понимать, почему представители конкретных областей бизнеса общаются определенным образом. Для того чтобы достигнуть такого понимания, целесообразно рассматривать бизнес-коммуникацию с точки зрения достижения профессиональных целей в бизнесе. «Деловая коммуникация отличается от простого общения тем, что в процессах ее осуществления ставится цель и конкретные задачи, которые должны быть решены» [Подопригора 2012, с. 49], что означает, что бизнес-коммуникация в узком понимании – это деятельность, которая предполагает достижение определенных интересов и целей в профессиональной бизнес-сфере. «Бизнес-коммуникацию правомерно определить как науку, объектом исследования которой являются аспекты общения людей в деловой сфере и факторы обеспечения эффективности деловых контактов» [Спивак 2002, с. 14].

Одна из важнейших задач делового общения состоит в формировании целостного корпоративного имиджа. Согласно А. Н. Чумикову и М. П. Бончарову, имидж – это заявленная позиция, которая планируется организацией для продвижения в свои целевые группы [Чумиков 2003, с. 78]. Правильный корпоративный имидж повышает рейтинг компании на рынке, а также способствует укреплению внутрикорпоративных отношений. Следовательно, мероприятия по конструированию имиджа играют значительную роль в бизнесе и осуществляются через коммуникацию [Чумиков 2003, с. 78]. Корпоративный имидж помогает компании наиболее эффективно достигать поставленных целей: убеждать партнеров, клиентов и сотрудников применять конкретные действия; предоставлять необходимую информацию о компании, продукции и условиях взаимодействия; побуждать к совершению определенных действий в рамках интересов компании.

В связи с тем, что внешняя коммуникация компании становится всё более сложной, расширяется ее жанровое многообразие: это деловые встречи, совещания и переговоры, консультации и тренинги, бизнес-презентации, пресс-конференции, реклама, видеоконференции, телефонные переговоры, деловая переписка, газетные и журнальные статьи. Жанры внутрикорпоративного общения также довольно разнообразны: это деловая переписка внутри компании, контракты и документы, фиксирующие социально-правовые отношения, бизнес-

планы, телефонные переговоры, видеоконференции, речи руководителей и сотрудников на различных мероприятиях, вступительное слово, поздравительные письма и этикетные тексты.

«Каждый жанр делового общения обладает своими жанровыми конвенциями – типичными устоявшимися представлениями о нормах, правилах и формах взаимодействия между коммуникантами» [Храмченко 2014, с. 39]. Необходимо подчеркнуть, что несмотря на стандартизацию данных представлений, они могут варьироваться в сознании собеседника в зависимости от того, какая роль отведена ему в коммуникации. Важной особенностью является то, что варьируются именно ожидания собеседника о нормах, но не сами нормы. В качестве примера можно рассмотреть набирающее популярность **бизнес-консультирование**, где получатель услуги ожидает, что коммуникация должна обладать необходимой информативностью и одновременно доказывать профессионализм бизнес-тренера. Задача бизнес-тренера – сформировать имидж, соответствующий ожиданиям клиента. Имидж подкрепляется соблюдением этикетных норм и правильным выбором языковых средств и выражений, которые одновременно должны соответствовать своей коммуникативной цели, доминирующим аспектом которой является воздействие на клиента. Таким образом, для успешной коммуникации в рамках определенного жанра делового общения необходимо соответствие жанровым конвенциям, с одной стороны, и ожиданиям каждой из сторон – с другой.

Рассмотрим более подробно популярные жанры делового общения, где особое место занимает **реклама**. Данный жанр отличается упрощением лексической составляющей: сокращается использование технических терминов и убираются аббревиатуры. При этом тексты рекламного сообщения не становятся менее убедительными. Заслуживает внимания высказывание одного из первых работников компании Apple Computers Г. Кавасаки: «Неважно, что и кому вы продаете, – описывайте это простым, всем понятным языком. Какой бы жаргон ни был принят внутри вашей отрасли, помните: среди людей, до которых вам нужно донести суть своей деятельности, гораздо больше неспециалистов» [Кавасаки 2011, с. 56]. Другими словами, для того чтобы совершить успешную коммуникацию в рамках данного жанра, необходимо ориентироваться на аудиторию, для которой предназначено сообщение. В данном виде деловой коммуникации

воздействие на собеседника не предполагает использование сложной лексической и стилистической составляющей. Именно по этой причине рекламные слоганы¹ компаний легки для восприятия и отличаются лаконичностью. Далее представлены примеры удачных рекламных слоганов крупных компаний: *Think different* (Apple); *Just do it* (Nike); *The Ultimate Driving Machine* (BMW); *Every Little Helps* (Tesco). Цель рекламы – позиционирование продукта или услуги, где наиболее эффективным считается использование как можно более личной формы общения с потенциальным клиентом, например: «*Наша операционная система позволит вам быть креативнее и продуктивнее*», – личное позиционирование [Кавасаки 2011, с. 55], которое достигается посредством использования личного местоимения *вам*. Упрощение также характерно для **программных заявлений-миссий**², предназначенных для партнеров и клиентов компаний (внешняя реклама), а также для сотрудников (внутренняя реклама). Согласно М. Мескону, миссия – это глобальная, общая, цель, которая определяет направление движения предприятия [Мескон 2000, с. 184]. Обычно крупные компании имеют две формулировки миссии. Одна из них представляет собой короткое заявление, которое позволяет создать необходимый корпоративный имидж, вторая – описание, сформулированное для внутреннего пользования и подробно раскрывающее цели компании, ее философию и сферу деятельности. В силу большей эффективности коротких программных заявлений, предпочтителен первый вариант. Поскольку одной из целей формулировки внутрикорпоративной миссии является мотивация сотрудников, в последнее время программные заявления крупных компаний, ориентированные на сотрудников, существуют в двух вариантах: классическом описании целей и принципов работы компании и коротком заявлении, похожем на рекламный слоган. При этом на сайтах компаний, как правило, существует и другой, короткий, вариант миссии для внешней

¹Рекламный слоган – лаконичная, легко запоминающаяся фраза, выражающая суть рекламного сообщения [Рекламный слоган Википедия: Свободная энциклопедия].

²Миссия – смысл существования компании с позиции удовлетворения потребностей клиентов, реализации конкурентных преимуществ, мотивации сотрудников фирмы [Миссия Википедия: Свободная энциклопедия].

аудитории, позволяющий лаконично представить цели и принципы компании (внешняя реклама). Сравним:

1. Достичь большего вместе (Северсталь).
2. Быть лидерами в созидании (Северсталь)¹.

Формулировка миссии (1) предназначена для сотрудников компании «Северсталь» и используется внутри компании; (2) раскрывает целевую составляющую компании и направлена на внешнюю аудиторию. Похожего принципа придерживается и компания Starbucks:

3. To inspire and nurture the human spirit – one person, one cup and one neighborhood at a time (Starbucks)² – *формулировка миссии для внешней аудитории.*
4. Rewarding every moment (Starbucks) [Кавасаки 2011, с. 23] – *формулировка внутрикорпоративной миссии.*

Приведем еще несколько примеров внутренних миссий-мотиваций:

5. Authentic athletic performance (Nike) [Кавасаки 2011, с. 23].
6. Values in Action (McDonald's)³.
7. First-Class Business... in a First-Class Way (JP Morgan)⁴.
8. Think (IBM) [Кавасаки 2011, с. 23].

Миссии-мотивации (3) – (8) «направлены на сотрудников компании, помогая им понять, ради чего они работают» [Кавасаки 2011, с. 24]. Отличие миссии от слогана заключается в следующем: слоган воздействует в большей степени на эмоции внешней аудитории, в то время как миссия носит более информативный характер. Однако не у каждой компании миссия представлена коротким сообщением, похожим на слоган и имеющим побудительный характер. Рассмотрим следующий пример:

9. Наша миссия – способствовать обеспечению энергетических потребностей мирового сообщества путем добычи угля с соблюдением

¹ ПАО «Северсталь». URL : www.severstal.com/rus/about/mission/

² Starbucks Corporation. URL : www.starbucks.com/about-us/company-information/mission-statement

³ McDonald's Corporation. URL : www.mcdonalds.com/us/en-us/about-us/values-in-action.html

⁴ JPMorgan Chase & Co. URL : www.jpmorgan.com/global/about

всех требований безопасности и принципов устойчивого развития, а также с учетом интересов всех заинтересованных сторон (СУЭК)¹.

Такая формулировка миссии, очевидно, окажет меньшее воздействие на собеседника, несмотря на более формализованный характер. Причем меньшая эффективность данного программного заявления заключается не столько в длине речевого сообщения, сколько в отсутствии обращения к собеседнику. Данная миссия носит лишь описательный характер. Личное позиционирование делает сообщение более эффективным:

10. **Нас** вдохновляет создавать лучшие в мире технологии по управлению бизнес-процессами (*Terrasoft*)².
11. Способствовать процветанию бизнеса **наших** клиентов и успешному развитию наших сотрудников (*Deloitte*)³.

Компания JPMorgan Chase & Co, один из крупнейших американских банков, помимо короткой побудительной формулировки, похожей на (7), также использует развернутую форму пояснительного характера, раскрывающую цели компании:

12. **We** aim to be the most respected financial services firm in the world, serving corporations and individuals in over 100 countries.

Внешняя миссия может быть сформулирована представителем компании:

13. «The strength of **our** company has allowed **us** to always be there for **our** clients and communities – in good times and in bad times – and this strength enables **us** to continually invest in building our businesses for the future» (*Jamie Dimon, chairman & CEO, JPMorgan Chase & Co*).

Как видно из (12) – (13) личное позиционирование играет ключевую роль в формулировке миссий.

На сегодняшний день **презентации** являются эффективным средством передачи информации в бизнесе. Их используют для рекламы продукции, во время внутрикорпоративных совещаний и при ведении

¹ ОАО «Сибирская угольная энергетическая компания». URL : www.suek.ru/about-us/mission/

² Группа компаний Terrasoft. URL : www.terrasoft.ru/company/principles

³ Deloitte Touche Tohmatsu Limited. URL : www2.deloitte.com/ru/ru/pages/about-deloitte/articles/about-deloitte-russia.html

переговоров. Цель презентации – не только проинформировать аудиторию о деятельности компании, но и вызвать интерес. Следовательно, презентация должна, с одной стороны, иметь правильную композиционную структуру, обладать признаками аргументации и реализовывать функцию речевого и визуального воздействия на собеседника, а также затрагивать интересы адресата, эмоциональные аспекты его жизни – с другой.

14. The best presentations put the audience first. The fastest way to put your audience to sleep is to begin with an “About Us” slide and to spend the first five minutes talking about yourself, your company or your product. Your audience members don’t care about you – they care about themselves (Cory Jim, *Designer and Empowered Presentations CEO*)¹.

Одна из современных тенденций в жанре презентации – включение небольшого рассказа, тематика которого, на первый взгляд, не связана с тематикой презентации. Многие докладчики предпочитают начинать именно с этого. Подобная тактика позволяет установить эмоциональный контакт с аудиторией, что необходимо для последующего осуществления коммуникации в данном жанре. Использование шуток также вносит вклад в создание эмоционального контакта. Например, на Международной выставке потребительской электроники в Лас Вегасе, М. Филдс, CEO и президент компании Форд, выступая в первый раз в качестве главы компании, сделал свою презентацию запоминающейся следующим образом: в начале выступления им была представлена тематика презентации:

15. Ford is passionate about designing products to address very serious problems in major cities around the world such as population density and congestion... (M. Fields, *Ford president and CEO*).

После введения аудитории в курс дела, М. Филдс продолжил презентацию следующим образом: *Who finds it easy to get around Las Vegas during the show?* Данный вопрос, который прозвучал иронично для большого количества людей, присутствующих на выставке, вызвал смех и помог М. Филдсу установить контакт с аудиторией. Далее последовала история:

¹ Forbes («Форбс»): Финансово-экономический журнал. URL : www.forbes.com/sites/carminegallos/2010/12/30/the-best-presentation-of-the-year/#3eba21496bd2

16. It really is a challenge to get around Vegas during the show. But think about this. The Las Vegas metro area has just more than one million people. And with a population density of roughly 1,750 people per square kilometer, it puts Las Vegas at number 120 on the list of the largest cities in the world by population density. During CES, there's an influx of another 150,000 people, most of them are concentrated right here on the strip. We put up with this for a few days. Imagine what people in Mumbai, India, face every day. More than 18 million people live in Mumbai and its population density is 17 times greater than here in Las Vegas¹.

В своем рассказе М. Филдс затронул два вопроса: перенаселенность Лас Вегаса – тема, близкая аудитории, и перенаселенность Мумбаи – новая тема. Такое сравнение помогло не просто сделать презентацию интересной, но и развернуть ее дальнейшую тематику.

Жанровая конвенция **деловых встреч и переговоров** имеет более сложный характер, так как каждый участник данного вида коммуникации заинтересован в воздействии на других, чтобы побудить их совершить определенные действия. Необходимость соблюдения установленных норм, правил и принципов ограничивает выбор вербальных средств. Кроме того, ведение деловых встреч и переговоров предполагает соблюдение статусно-ролевых норм.

Исследования жанров делового общения часто рассматривают их изолированно друг от друга, не принимая во внимание тот факт, что бизнес-коммуникация строится на пересечении жанров, например комбинации жанров устного и письменного общения или заранее подготовленной и спонтанной беседы. Комбинирование жанров обладает большей результативностью. Например, деловая беседа или бизнес-переговоры пройдут более эффективно, если устное общение будет подкреплено соответствующими письменными документами, фиксирующими социально-правовые отношения. **Бизнес-консультирование** также не ограничивается жанром устной беседы с клиентом. Интернет-сайт, где представлена информация о тренере, его достижениях и семинарах является неотъемлемой частью данного жанра делового общения. Сайт помогает позиционировать личность консультанта и конструировать его имидж. Эффективным методом создания имиджа в данном

¹ Forbes («Форбс»): Финансово-экономический журнал. URL : www.forbes.com/sites/carminnegallo/2015/01/09/5-presentation-tips-from-ceo-keynotes-at-ces/#28c680623a7a

случае является короткое мотивирующее высказывание бизнес-тренера, которое открывает диалог с собеседником, тем самым оказывая необходимое влияние на его сознание, например:

17. If you are going to work hard, you may as well get rich. And the faster, the better! (*T. Harv Eker*)¹.
18. Achieve all of your goals faster than you ever thought possible» (*B. Tracy*)².
19. I'm on a mission to reform the debt collection industry in America» (*B. Bartmann*)³.

Другой эффективный метод взаимодействия с аудиторией, который используется на сайтах бизнес-тренеров, – вопросительная форма обращения к ней. Например:

20. What do you want to improve today? (*B. Tracy*)⁴.
21. T. Harv Eker has helped over 1.5 million people move closer to their goal of True Financial Freedom. Are you Next? (*T. Harv Eker*)⁵.

Пресс-конференции руководителей компаний также проходят в рамках разных жанров. Докладчик может заранее продумать ответы на ожидаемые вопросы или даже использовать заготовленную презентацию. Однако умение предоставить необходимую информацию без подготовки, не нарушая установленных жанровых конвенций, является ценным качеством в современном деловом общении, поскольку именно спонтанная речь и живой разговор оказывают наиболее сильное эмоциональное воздействие на собеседника / аудиторию. Устная жанровая составляющая делового общения заметно расширилась за последние годы вследствие важности эмотивного компонента. Набирают популярность бизнес-консультации и тренинги, пресс-конференции, презентации и публичные выступления представителей бизнеса, где результат часто зависит от построения речи: неоднократное повторение простых выразительных фраз, запоминающихся словосочетаний, относящихся к неформальному стилю общения, оказываются эффективными. Однако злоупотребление разговорным

¹ URL : www.harveker.com

² URL: briantracy.com

³ URL: www.billbartmann.com

⁴ URL: www.briantracy.com

⁵ URL: www.harveker.com

стилем общения или неуместное использование шуток может создать впечатление непрофессионализма. В то же время не следует демонстрировать превосходство при общении с аудиторией, это не является показателем профессионализма, который заключается в четком формулировании мыслей и четком ответе на поставленные вопросы. Легкий юмор может присутствовать в высказываниях, но он не должен отвлекать публику от сути деловой беседы¹.

Шагом вперед в сфере бизнеса стало появление **видеоконференций**², которые не только обеспечивают общение, но и уменьшают транспортные расходы, экономят время и повышают производительность труда. Основным условием проведения видеоконференций является использование специальных технологий, необходимых для обеспечения связи: специальное программное обеспечение для ПК, браузеры, мобильные устройства, периферийные устройства. Данный жанр позволяет не только организовать совместную работу сотрудников на расстоянии, но и обучать их. С помощью видеосвязи также проводят совещания и презентации. В современном мире, где командировочные бюджеты компаний затратны, а филиалы расположены в разных точках планеты, видеоконференции набирают всё большую популярность. Они способствуют ускоренному принятию решений, оптимизации бизнес-процессов, позволяют быть ближе к партнерам и заказчикам, а также наладить контакт с сотрудниками из региональных офисов.

В современных условиях ведения бизнеса возникает необходимость в расширении жанрового поля внутрикорпоративной коммуникации. Особенно это актуально для крупных компаний с большим количеством сотрудников. За последние годы изменились стандарты составления **контрактов**, теперь они носят более индивидуальный характер. Современные сотрудники более требовательны и юридически грамотны [Нордстрем 2005, с. 230]. В результате управление персоналом и внутрикорпоративная коммуникация становятся проблемной

¹ «ПСИ-ФАКТОР»: информационный ресурсный центр по научной и практической психологии. URL : psyfactor.org/lib/orator1.htm

² Видеоконференция (от *англ.* videoconference) – область информационной технологии, обеспечивающая одновременно двустороннюю передачу, обработку, преобразование и представление интерактивной информации на расстоянии в режиме реального времени с помощью аппаратно-программных средств вычислительной техники [Видеоконференцсвязь // Википедия : свободная энциклопедия].

стороной ведения бизнеса. «Управление персоналом – это наука как о факторах, определяющих поведение людей и групп, так и о создании и использовании эффективных коммуникаций для осуществления совместного труда организации» [Спивак 2002, с. 295]. Индивидуальный подход при составлении контрактов помогает увеличить производительность труда и снизить уровень недовольства сотрудников [Нордстрем 2005, с. 226]. Важно, чтобы бизнес-контракт не вводил сотрудника в заблуждение, отражал индивидуальные черты, не нарушая жанровых конвенций, был прозрачен и структурирован. Он должен оказывать необходимое профессиональное воздействие и быть наполненным особым прагматическим содержанием, включающим в себя должностное и императивное [Черноусова 2012].

Отдельного внимания заслуживает **деловая переписка** – жанр, в рамках которого осуществляется внутренняя (in-house) и внешняя (out-of-house) коммуникация. В первом случае характерно отклонение от этикетных норм делового общения, вербальные средства коммуникации имеют менее выраженный формальный характер, в переписку включаются элементы разговорного стиля. Бизнес-переписка между компаниями, напротив, максимально соответствует конвенциям, принятым в данном жанре, соблюдение форм вежливости и использование клишированных фраз положительно влияют на результат.

В настоящее время всё большее внимание уделяется **поздравительным** и **торжественным** коммуникативным актам, которые призваны сформировать в сознании людей правильное представление о компании, поддержать доверие к работодателю и соответствовать ожиданиям сотрудников.

Жанровое поле бизнес-коммуникации весьма разнообразно, постоянно расширяется и имеет довольно сложный характер. Интенсивное развитие бизнеса, необходимость быстро принимать правильные решения, не нарушая корпоративную этику, а также сложные экономические условия заставляют постоянно оптимизировать коммуникацию. Регламентированный характер делового общения, требует знания и соблюдения жанровых конвенций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ачкасова В. А., Володина Л. В. Связи с общественностью как социальная инженерия. СПб. : Речь, 2005. 336 с.

- Видеоконференцсвязь // Википедия: Свободная энциклопедия. URL : ru.wikipedia.org/wiki/Видеоконференция
- Кавасаки Г.* Стартап: 11 мастер-классов от Гая Кавасаки / Г. Кавасаки ; пер. с англ. Е. Корюкиной, предисл. Д. Яна. 2-е изд. М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2011. 253 с.
- Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента : учебник : пер. с англ., общ. ред. и вступ. ст. Л. И. Евенко. 3-е изд. М. : Дело, 2000. 704 с.
- Миссия // Википедия: Свободная энциклопедия. URL : ru.wikipedia.org/wiki/Миссия
- Нордстрем К. А., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта / пер. с англ. П. Павловского, предисл. В. Дерманова. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 279 с.
- Подопригора М. Г.* Деловая этика : учеб. пособие. Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2012. 116 с.
- Рекламный слоган // Википедия : свободная энциклопедия. URL : ru.wikipedia.org/wiki/Рекламный_слоган
- Спивак В. А.* Современные бизнес-коммуникации. СПб. : Питер, 2002. 448 с.
- Сухова Н. В.* Семиотика телефонного разговора в деловой коммуникации // Речевая коммуникация в бизнесе / Т. В. Валентей, В. В. Данилина, Ю. А. Корнеева и др. ; под общ. ред. Л. В. Минаевой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 88–101.
- Храмченко Д. С.* Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 448 с.
- Чумиков А. Н, Бочаров М. П.* Связи с общественностью: теория и практика : учебн. пособие. М. : Дело, 2003. 552 с.
- Черноусова Ю. А.* Язык бизнес-контрактов: композиционно-структурные, лексико-семантические и лингво-прагматические особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2012. 26 с. URL : cheloveknauka.com/yazyk-biznes-kontraktov-kompozitsionno-strukturnye-leksiko-semanticheskie-i-lingvo-pragmaticheskie-osobennosti

УДК 811.111'35'003.2

В. А. Климик

преподаватель каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: v.klimik@bk.ru

ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ ОРФОГРАФИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КООПЕРАЦИИ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ

В статье обосновывается интенциональная сторона использования приемов лингвокреативной орфографии в англоязычном художественном тексте. В частности, показывается, что возрастные психологические особенности читательской аудитории обуславливают интерпретируемость приемов шрифтового выделения в современной англоязычной прозе. Делаются выводы о том, что употребление исследуемых приемов в детской литературе раскрывает позицию автора как наставника, в то время как их присутствие в прозе для взрослых отражает тенденцию к равноправному диалогу между автором и читателем.

Ключевые слова: читатель; автор; чтение; адресность; орфография; лингвокреативность; интерпретация.

V. A. Klimik

Teacher, Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU; e-mail: v.klimik@bk.ru

LINGUOCREATIVE ORTHOGRAPHY AS AN INSTRUMENT OF THE "AUTHOR-READER" COOPERATION

The article justifies the intentional and instrumental character of linguocreative orthography in English fiction texts. In particular, it is claimed that age-related psychological features of the reading audience make authors choose relevant techniques of typographic emphasis. To be more precise, in literary texts for children instruments of rendering emphasis reveal the author's position as an advisor, whereas in novels for adults equal partnership between the author and the reader is observed.

Key words: reader; author; reading; address; orthography; linguocreativity; interpretation.

Лингвокреативная орфография как инструмент кооперации автора и читателя

Описание приемов лингвокреативной орфографии¹ предполагает анализ их адекватности характеристикам аудитории-адресата,

¹ Под лингвокреативной орфографией здесь понимается совокупность ситуативно мотивированных творческих неконвенциональных

состоятельности по отношению к коммуникативным задачам произведения и установкам автора, а также требует выявления когнитивного механизма, принципиально обосновывающего их интерпретируемость в рамках познавательного процесса (в данном случае при освоении содержания художественного произведения). В статье предлагается сопоставительный анализ функционирования приемов лингвокреативной орфографии в произведениях англоязычной прозы для детей школьного возраста и взрослых. Проводя сравнение, мы опираемся на возрастные, психологические, психолингвистические, социальные и прочие особенности портрета прототипических читателей, представляющих целевые аудитории художественных произведений, из которых заимствуется исследовательский материал. Несколько точнее, лингвистическим материалом исследования послужили тексты произведений современного англоязычного литературного мейнстрима. В выборку вошли образцы наиболее крупных прозаических форм художественной литературы – повесть для детей (рекомендована для возраста 8–12 лет) и роман, предназначенный для *взрослого* читателя.

Авторы художественной литературы адресуют свои произведения определенному кругу читателей (определенной социальной группе), ориентируясь на многообразные личностные параметры представителей этой группы и их лингвистические возможности. Учет психологического портрета целевой читательской аудитории позволяет писателям сделать текст книги *доступным* для понимания этой аудитории и *интересным* ей [Вальдгард 1931, с. 84,86]. Сказанное означает, что у автора формируется прагматическая установка на выбор наиболее действенных и эффективных способов передачи информации. Читатель, в свою очередь, заинтересован в адекватной интерпретации прочитанного [Шахнарович 2001, с. 683].

Для сопоставительного анализа необходимо выделить релевантные *психологические характеристики* прототипического читателя.

Возрастной период *от 8 до 12 лет* охватывает бóльшую долю младшего школьного возраста (6–11 лет) и нижнюю границу подросткового возраста (11–16 лет) [Мухина 2006, с. 9]. В зарубежной

орфографических решений авторов художественной прозы. С примерами таких решений можно познакомиться в предыдущих публикациях автора, например [Климик 2017].

традиции период 8–12 лет обозначается как *middle childhood* – пора, предшествующая пубертатному возрасту [Kail 2011]. Поскольку новообразования подросткового периода в рамках указанной читательской категории еще нельзя считать окончательно сформированными, в первую очередь речь идет об оформленности психолингвистических характеристик детей *младшего школьного возраста*.

Психологический портрет читателя 8–12 лет

Учение в младшем школьном возрасте становится *ведущей деятельностью*, обеспечивающей формирование и развитие психических процессов и свойств ребенка [Дубровина 2003, с. 266]. Тем не менее игра продолжает увлекать детей, поэтому освоение знаний на этом этапе часто носит *игровой* характер.

В школьном возрасте у детей уже интенсивно развивается абстрактное мышление, хотя в мыслительной деятельности *младшего школьника* продолжают играть роль элементы *наглядно-образного мышления*. Мышление младших школьников неразрывно связано с восприятием [Дубровина 2003, с. 186, 189], поэтому в процессе учения ребенок этого возраста особенно нуждается в *наглядных* средствах представления нового знания, в том числе средствах, материализующих формирующиеся абстрактные представления.

На протяжении младшего школьного возраста идет интенсивное развитие всех свойств внимания. Невнимательность на этом этапе является распространенной причиной сниженной успеваемости, поэтому решающую роль в обучении (и, в частности, *чтении как форме учебно-воспитательного процесса*) играет *организованность внимания*. Отметим, что по этой причине в учебной литературе для школьников широко применяются средства графической разметки текста, существуют устойчивые способы выделения ключевых слов, терминов, правил, суммирующих абзацев и т. п.

Важнейшим фактором побуждения ребенка к какой-либо деятельности является *интерес*. *Успешность* освоения предмета учеником *усиливает интерес* и желание заниматься данной дисциплиной, способствует развитию чувства личного достоинства [Дубровина 2003, с. 264–266, 407–409].

Стиль общения преподавателя с ребенком влияет на успешность познавательной деятельности. Учебный процесс, проходящий в форме

доверительного общения, организует внимание ребенка, заставляет работать его память и мышление, дает свободу познавательной деятельности [Мухина 2006, с. 328].

Решающую роль для развития ребенка играет *взаимодействие со взрослыми* [Мухина 2006, с. 334]. Ребенок-читатель не всегда может увидеть и осознать всю палитру смыслов художественного произведения, поэтому *нуждается в объяснениях и замечаниях* мудрого руководителя, который *помогает ориентироваться в прочитанном* [Тихомирова 2014, с. 101]. С помощью взрослого ребенок может осмыслить гораздо больше того, на что способен самостоятельно. Читателю-ребенку в большей степени, чем взрослому, свойственно *действенное воображение*: он склонен мысленно участвовать в том, о чем читает.

Для детской литературы характерно большое количество *иллюстраций*, благодаря которым общение с книгой увлекает ребенка. Сплошной буквенный текст детям мало интересен. Первые книжки-картинки почти полностью состоят из визуальных образов, но когда у ребенка появляется готовность к восприятию целого текста, рисунки начинают играть лишь вспомогательную роль [Арзамасцева 2005, с. 29–31].

Теперь обратимся к особенностям и потребностям взрослой читательской аудитории.

Психологический портрет взрослого читателя 20–40 лет

У взрослого человека на высоком уровне развито *абстрактно-логическое* мышление. К 20 годам интеллект достигает максимального развития, далее наступает фаза стабилизации. *Текущий* интеллект, включающий такие свойства, как запоминание и восприятие новых связей и отношений между объектами и явлениями, постепенно уменьшается уже с начала зрелого возраста. *Кристаллизованный* интеллект, под которым подразумевается общая осведомленность и объем знаний, повышается в течение жизни. *Критичность мышления* снижается у мужчин после 30 лет, у женщин – после 40 лет. Начиная с 34–35 лет, уровень произвольного внимания начинает снижаться, что, несомненно, играет важную роль в интерпретативных процессах чтения [Ильин 2012].

В ряду характеристик зрелой личности называются следующие: разумная независимость, ощущение внутренней свободы, способность

отличать реальность от вымысла, гибкость и способность к адаптации, толерантность. В возрасте от 25 до 40 лет взрослые демонстрируют повышенную *готовность к переменам*. Имея за плечами накопленный опыт в определенной сфере деятельности, взрослые имеют благоприятную возможность вносить в эту деятельность *новые смыслы*, привычное делать по-другому, по-новому [Ильин 2012].

Наиболее распространенным *мотивом чтения* художественной литературы является *компенсаторный*: взрослый обращается к книге с целью развлечения, релаксации, чтобы внести разнообразие в свою жизнь, уйти от неприятной ситуации [Антонова 2002; Колесникова 2003].

Широкая категория массового читателя включает прослойку *любителей литературы*. В то время как основную массу читателей занимает, прежде всего, содержание произведения (*план факта*), любители литературы ориентированы прежде всего на *план смысла* сочинения, а также обращают внимание на качество издания [Антонова 2002].

Интерпретация результатов

В результате проведенного исследования по графическому признаку выделены следующие группы приемов:

- приемы, использующие возможности *шрифтового выделения*;
- приемы, основанные на *намеренном нарушении нормы* (орфографической, морфолого-синтаксической, пунктуационной);
- приемы выделения фрагментов текста *с помощью пробелов, отступов и пустот*;
- использование разнообразных *изобразительных элементов*, функционирующих как замена вербального текста или дополнение к нему.

В совокупности зарегистрированных приемов лингвокреативной орфографии превалируют приемы группы *шрифтовое выделение*, составляющие более 40% от общего количества. В данную группу входят приемы, где дискурсивная единица диссонирует с остальным текстом при помощи резко выделяющегося шрифта (играют роль тип и величина шрифта) или включенного верхнего регистра (капитализация). Создаваемый контраст фиксируется взглядом, и как следствие, внимание читателя фокусируется на выделенной дискурсивной

единице. Полагаем, что причина широкой востребованности этой группы приемов заключается в простоте и доступности выделения смысловых единиц в печатном тексте, создаваемом при помощи машинного набора.

На примере **наиболее востребованной** группы приемов **шрифтовое выделение** покажем, что авторская стратегия использования лингвокреативной орфографии может быть обусловлена *адресностью* текста. Показатели востребованности отдельных приемов этой группы приведены в таблице.

Общие по группе показатели частотности употребления присутствуют в *близкой пропорции* в текстах для детей (48%) и для взрослого читателя (43,67%). Следовательно, можно считать, что приемы этой группы примерно одинаково востребованы в текстах для детей и для взрослых, хотя различающие эти группы 4, 33% говорят о *более высокой роли визуального ряда в детском чтении*.

Из семи приемов этой группы два из них – **уменьшенный шрифт** и **зачеркивание слова** – не представлены в выборке текстов для взрослых. Это свидетельствует о *большем разнообразии* приемов в арсенале авторов *детской прозы*.

Доминирующее по частотности положение в этой группе занимают приемы **курсив** и **прописной шрифт (заглавные буквы)**. Их востребованность сопоставима в текстах, адресованных детям и взрослым, однако имеются *различия*, которые объясняются особенностями возрастной психологии читателя. Ниже предлагается трактовка этих различий.

Прием **прописной шрифт (заглавные буквы)** почти на 5% больше востребован в детской прозе. Рассмотрим ряд примеров.

- **Повесть для детей** (далее – Д).

WHAT! cried Paddington, in a loud voice [Bond 2003, с. 106].

Набранное заглавными буквами WHAT! передает громкость голоса, и, следовательно, экспрессию, высокую степень изумления персонажа. Ключом к расшифровке этого смысла служат лексические единицы семантического поля LOUDNESS: глагол *cried*, словосочетание *in a loud voice*. Эти единицы связаны с WHAT! *анафорически*. Это означает, что *сначала* ребенку дается возможность *самостоятельно* расшифровать смысл «громкость голоса». Следующие за “WHAT!”

подсказки, с одной стороны, «гарантируют», что смысл будет понят даже в том случае, если у ребенка не получилось догадаться самому; с другой – помогают читателю проверить состоятельность его интерпретации. Таким образом, наличие подсказок, поддерживающих познавательную деятельность ребенка, раскрывает *кооперативную стратегию* автора, который выполняет роль *наставника, руководителя, проводника* в процессе чтения.

- **Роман для взрослого читателя** (далее – **В**).

I open to a blank page and scrawl my now-familiar plea of desperation: "I NEED YOUR HELP" [Gilbert 2006, с. 148].

Высказывание I NEED YOUR HELP связано *катафорическими* отношениями с предшествующей дискурсивной единицей «plea of desperation». Эта единица уже совершенно определенно называет эмоциональное состояние героини – отчаяние. В свою очередь, последующее I NEED YOUR HELP, набранное *большими* буквами, лишь уточняет заявленный образ: это – крайняя степень отчаяния, поскольку девушка уже не рассчитывает на свои силы. Сказанное означает, что основной ролью лингвокреативного приема в данном фрагменте является *обеспечение экспрессии*. Здесь кооперация автора и читателя проявляется в том, что писатель апеллирует к жизненному опыту своей аудитории, стимулирует эмпатию читающего и вовлекает его в процесс речевого творчества. В отличие от рассмотренного выше примера из детской повести, в дальнейшем автор не комментирует использованный прием, что подчеркивает равноправие сторон в диалоге «автор – читатель».

Представляется при этом, что более высокая частотность этого приема в текстах для детей связана со стратегией введения в дискурс детской прозы *элементов визуальной наглядности*, а наличие ключа-комментария означает, что малоопытные чтецы часто нуждаются в прозрачных и явных подсказках, указывающих путь к правильной интерпретации авторского замысла.

Прием *курсив* является *наиболее востребованным* инструментом шрифтового выделения.

- Д. "Every morning?" the bear looked as if it could hardly believe its ears [Bond 2003, с. 12].

Таблица

Востребованность приемов группы «Шрифтовое выделение»

Группа приемов	Прием	Востребованность отдельных приемов в детской литературе, %	Востребованность групп приемов в дет. лит., %	Востребованность отдельных приемов во взрослой литературе, %	Востребованность групп приемов во взр. лит., %
	Курсив	23,00		25,93	
	Прописной шрифт (Заглавные буквы)	19,80		14,87	
	Полужирный шрифт	2,53		1,53	
Шрифтовое выделение	Разрядка (разреженный межбуквенный интервал)	0,60	48,00	1,20	43,67
	Подчеркивание	1,07		0,13	
	Уменьшенный шрифт	0,53		0,00	
	Зачеркивание слова	0,47		0,00	

- В. I have not meditated in four months. I have not even *thought* about meditating in four months. I sit here. My breath quiets [Gilbert 2006, с. 120].

Показатели частотности этого приема сопоставимы в текстах для детей и для взрослых, однако в последних востребованность курсива как средства уточнения смыслов выше почти на 3%. Полагаем, что более высокая востребованность курсива в текстах для взрослых объясняется тем, что автономия зрелой личности человека читающего не предполагает большой потребности в таких «кричащих» визуальных подсказках, как слова из заглавных букв; менее броское выделение с помощью курсива является достаточным, чтобы подчеркнуть особенность, «инаковость» смысла в пределах однородного фона. Кроме того, высокая степень развития абстрактного мышления у взрослого уменьшает необходимость введения элементов наглядности.

Прием *полужирный шрифт* заставляет выделяемую единицу дискурса еще более резко контрастировать на фоне остального текста, так что особенность содержания данного фрагмента текста, его необычность, элемент недоговоренности и непредсказуемости с точки зрения результата становятся значительно заметнее, например:

- Д. “Tickle me with your prickle, would you?” said the Creature. “Then I’ll tickle you with mine...” [Cowell 2004, с. 183].

- В. He picks up the phone book and searches out

Stavros Chas 1204 EisenhwerAv [Updike 1972, с. 81].

Очевидно, тенденция в сторону большей востребованности приема *полужирный шрифт* в текстах для детей (2,53%) по сравнению с текстами для взрослого читателя (1,53%) также объясняется возрастной потребностью ребенка в явных подсказках, в интригующем продолжении, в напряжении внимания для продолжения чтения.

Прием *разрядка* заключается в использовании разреженных интервалов как разделителей букв одного слова. Проиллюстрируем функционирование этого приема.

- Д. “Because it’s better to H U N T him. Tigers are hunted, not caught!” [Trnka 1962, с. 12].

- В. He handed Ruth an index card reading: “*Augusta M.Gott*, capsized, Gulf Stream, 1868. Erasmus Cousins (of BROOKSVILLE, MAINE !)

selected by lot to be eaten. Saved only by sight of rescue sail. E. Cousins had bad stammer rest of life; E. Cousins – NEVER RETURNED TO SEA!” [Gilbert 2001].

Разреженность межбуквенного интервала ухудшает (замедляет) восприятие [Кнабе 2006] выделяемой дискурсивной единицы. В силу этого данный прием мало востребован, причем в текстах для детей его частотность меньше (0,60%), чем в текстах для взрослых (1,20%). Это, очевидно, объясняется тем, что писатель стремится обеспечить более комфортные условия для восприятия текста ребенком – ведь злоупотребление этим приемом не обеспечивало бы гигиену зрения при чтении.

В текстах для взрослых функционирование приема *разрядка* отмечено частотностью, в два раза превышающей частотность его появления в текстах для детей. Поскольку разреженный интервал между буквами делает слово *очень заметным* и в то же время заставляет взгляд дольше на нем фиксироваться, прием *разрядка* используется для того, чтобы *сосредоточить внимание* взрослого читателя на важной детали, дать больше времени на осмысление сюжета, снижает динамичность повествования, создает дополнительный эффект ухудшения работы интеллекта у персонажа в силу травмы или заболевания.

Прием *подчеркивание* более характерен для текстов детской прозы: (1,07%), чем для текстов, адресованных взрослому читателю (0,13%). Эта тенденция вполне оправдана особенностями организации учебного процесса в школе: например, педагог пользуется приемом подчеркивания, выписывая положения нового материала на доске или проверяя работы учеников. Иными словами, для ребенка-читателя прием *подчеркивание* является привычным средством зрительной опоры. В случае со взрослым читателем значение приема *подчеркивание* резко снижается. Поскольку для этого возрастного периода характерна независимость мышления, взрослый читатель не нуждается в эксплицитно-наставническом подходе автора – напротив, такой подход даже способен вызвать разочарование взрослого в произведении, хотя возможен к использованию для повышения «градуса» повествования.

Д. SPIES—SHOULD NOT GET CAUGHT. THAT IS THE ONE ESSENTIAL THING ABOUT SPIES [Fitzhugh 2002, с. 175].

В. “And this is what it roared:

YOU HAVE NO IDEA HOW STRONG MY LOVE IS!!!!!!!” [Gilbert 2006, с. 158].

В последнем случае стоит обратить внимание на глагол *roared*, «работа» которого поддерживается капитализацией, использованием жирного шрифта и подчеркиванием фрагмента прямой речи.

Приемы *уменьшенный шрифт* и *зачеркивание слова* представлены в выборке текстов для детей (0,53 и 0,47% соответственно), однако отсутствуют в выборке текстов для взрослых.

Д. “Squeak,” panted Hiccup faintly, “squeak squeak squeak...”
That wasn’t going to do much good.
And then:
“Dragons...”
And as an afterthought,
“Really nasty ones” [Cowell 2011].

Набранные уменьшенными буквами слова показывают, что персонаж говорит очень тихо, тоненько, еле слышно. Этот смысл дублируется в подсказке *panted faintly* (задыхался, с трудом говорил). Данный пример иллюстрирует, что использование уменьшенного шрифта символизирует процесс и / или результат количественного или качественного снижения (сокращения) какой-либо характеристики. Благодаря наглядному представлению уменьшенными буквами, смысл становится прозрачным и легче усваивается ребенком.

Сравним функционирование приемов *прописной шрифт (заглавные буквы)* и *уменьшенный шрифт*. Оба приема способствуют созданию наглядных образов: например, как уже было показано, заглавные (большие) буквы символизируют значительный размер, рост, высоту голоса, крик; малый размер букв на фоне основного шрифта, напротив, может указывать на тихие, еле слышные звуки, маленький размер, рост. Однако прием *прописной шрифт* (19,80 %) гораздо более часто используется писателями, чем прием *уменьшенный шрифт* (0,53%). Очевидно, такое различие обусловлено учетом физиологических факторов восприятия текста: крупные буквы, контрастирующие с остальным текстом, не требуют зрительного напряжения, напротив, облегчают работу глаз по поиску ключевых

слов. Представляется также, что, тщательно дозируя прием *уменьшенный шрифт*, авторы учитывают некомфортность мелких букв для восприятия глазом: *частое* использование приема *уменьшенный шрифт* усиливало бы зрительное напряжение при чтении, что потенциально способно привести к ухудшению зрения, а также, возможно, спровоцировать потерю интереса к книге.

Прием *зачеркивание слова* можно обнаружить в тексте художественного произведения, хотя частотность его невелика.

Д. NAME: Charlie Small
ADDRESS: Gorilla City, the Jungle, somewhere
AGE: Eight 400 (may be even more) [Small 2007]

Полагаем, что так же, как и в случае с приемом *подчеркивание*, причиной обращения к этому инструменту выделения текста является учет особенностей учебного процесса в школе, а именно, письменной деятельности ученика: ребенок часто зачеркивает написанное, что свидетельствует о продолжении поиска более точных форм выражения мысли, о стремлении быть понятым. В этом смысле прием *зачеркивание слова* не только апеллирует к образу школьного черновика, но и акцентирует *процесс* речетворчества рассказчика. Тем самым у читателя возникает *ощущение живого непосредственного общения* с автором, что способствует созданию доверительного диалога «почти на равных», и, как следствие, выступает фактором повышения мотивации школьника к чтению. В то же время ограниченное использование данного приема связано с его негативной коннотацией: в школьной практике зачеркивание нередко ассоциируется с понятием «неверный», «плохой», «некачественный», «неумелый», «заслуживающий низкой / отрицательной оценки».

Обобщим сказанное. Очевидно, авторские решения по отношению к форме передачи содержания своего произведения носят неслучайный характер. Одним из существенных соображений становится необходимость ориентироваться на целевую аудиторию, для которой пишется тот или иной текст.

Чтение детьми художественной литературы рассматривается как форма учебно-воспитательного процесса. В связи с тем, что у детей младшего школьного возраста в учебном процессе и, в частности, при чтении, решающую роль играет организованность внимания,

у данной аудитории возникает потребность в визуальных средствах, «размечающих» текст аналогично дорожным знакам и «сигнализирующих» о необходимости более внимательно отнестись к какому-либо фрагменту повествования.

Интересное чтение совместно с родителями или педагогами выступает в детском возрасте как способ установления доверительного общения со взрослым. Таким взрослым наставником является и автор произведения, который, словно гид, «ведет» ребенка по тексту, *снимая возможные трудности* восприятия и осмысления сюжета, знакомит детей с элементами речевого творчества. В этой связи чтение правильно подобранных текстов повышает успешность учебной деятельности, поскольку дает ребенку возможность тренировать организацию внимания и память, развивать мышление, речь, воображение. При этом выступает лингвокреативная орфография как инструмент текстообразования, роль которого должна быть объяснена ребенку в процессе родительской или педагогической интеракции.

Декодирование и интерпретация лингвокреативных графико-орфографических решений способствует развитию техники чтения, совершенствованию речевых навыков, стимулирует письменное творчество детей (ведь рисовать получается не у всех, а использование возможностей графики обычно не вызывает затруднений у ребенка). Несомненно также, что приемы лингвокреативной орфографии делают более увлекательным процесс приобщения школьника к норме письменного литературного языка и к формату художественного прозаического произведения.

В возрастном диапазоне 20–40 лет интеллект достигает высокой точки развития, при этом уровень произвольного внимания и способность к запоминанию имеют тенденцию к снижению, что сигнализирует о наличии потребности в лингвокреативной орфографии для компенсации возрастной уязвимости.

Чтение во взрослом возрасте носит характер добровольной деятельности, не предполагает затруднений в технике ее исполнения (отметим, что именно по этой причине объем крупной литературной формы для взрослых намного больше своего коррелята в детской литературе), однако сопровождается затруднениями иного характера, связанными с возрастными изменениями, которые требуют присутствия исследуемых средств в организации повествования.

При общей стабильности психолингвистического фона в возрастном срезе 20–40 лет, компенсаторность в чтении выступает как *готовность к безопасному эксперименту*. В этой связи рассмотренные графико-орфографические средства не только позволяют избежать рутинного чтения и повысить интерес читателя к сюжету, но и обеспечивают своего рода интеллектуальный квест, «перезагрузку» устоявшихся представлений зрелого читателя о письменном коде художественного текста. Таким образом, автор произведения для взрослых читающих берет на себя дополнительную заботу о том, чтобы его произведение было прочитано правильно, и коммуникация оказалось максимально эффективной, что созвучно присутствию лингвокреативной орфографии в детской литературе.

Обосновав важность психологической готовности читательской аудитории к интерпретации приемов лингвокреативной орфографии, их специфику как инструмента воздействия на понимание в рамках описанных возрастных срезов, мы можем предполагать, что исследуемые выразительные средства важны для авторов в том числе потому, что эти единицы принимают участие в обеспечении коммуникативной целостности произведения, где автор стремится передать свое видение описываемых характеров и событий. Мы также считаем, что функционирование лингвокреативной орфографии обеспечивается особенностями когниции, механизмы которой нуждаются в отдельном описании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова С. Г. и др.* Редакторская подготовка изданий : учебник / под общ. ред. д-ра филол. наук С. Г. Антоновой. – М. : Изд-во МГУП, 2002. 468 с.
- Арзамасцева И. Н., Николаева С. А.* Детская литература : учебник для студ. высш. пед. учебн. заведений. 3-е изд, перераб. и доп. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 576 с.
- Вальдгард С. Л.* Очерки психологии чтения. М.–Л. : Изд-во РНБ, 1931. 135 с.
- Дубровина И. В., Данилова Е. Е., Прихожан А. М.* Психология : учебник для студ. сред. пед. учеб. заведений / под ред. И. В. Дубровиной. 2-е изд, стер. М. : Издательский центр «Академия», 2003. 464 с.
- Ильин Е. П.* Психология взрослости. СПб. : Питер, 2012. 469 с.
- Климик В. А.* Приемы альтернативного графического кодирования в англоязычном художественном тексте: свойства и функции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. 2017. № 1. С. 99–107.

- Кнабе Г. А.* Энциклопедия дизайнера печатной продукции. Профессиональная работа. М. : Издательский дом Вильямс, 2006.
- Колесникова И. А.* Основы андрагогики. М. : Академия, 2003. 240 с.
- Мухина В. С.* Возрастная психология. Феноменология развития : учебник для студ. высш. учеб. заведений. 10-е изд, перераб. и доп. М. : Издательский центр «Академия», 2006. 608 с.
- Тихомирова И. И.* Библиотечная педагогика: сущность и специфика, руководство чтением // Библиопсихология. Библиопедагогика. Библиотерапия / отв. ред. Н. Л. Карпова. М. : Русская школьная библиотечная ассоциация, 2014. С. 91–109.
- Шахнарович А. М.* Когнитивные аспекты семантики (в онтогенезе) // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Рязань, 2000. – Опул. в изд.: Шахнарович Александр Маркович. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников / РАН; сост. Н. Н. Шахнарович. М., 2001. 728 с.
- Bond M.* A Bear Called Paddington. London : Harper Collins Publishers Ltd., 2003. 159 p.
- Cowell C.* How to Be a Pirate. NY : Hachette Book Group, 2004. 212 p.
- Cowell C.* How to Steal a Dragon's Sword. NY : Hachette Book Group, 2011. 356 p.
- Fitzhugh L.* Harriet the Spy. NY : Random House Inc., 2002. 300 p.
- Gilbert E.* Eat, Pray, Love. Viking: Penguin Group. NY, 2006. 336 p.
- Gilbert E.* Stern Men. London : Pan Macmillan Ltd., 2001. 289 p.
- Kail R. V.* Children and Their Development. 6th ed. Englewood Cliffs, N.J. : Prentice Hall, 2011. 566 p.
- Small Ch.* The Amazing Adventures of Charlie Small: Gorilla City. London : David Fickling Books, 2007. 144 p.
- Trnka J.* Through the Magic Gate. London : Golden Pleasure Books, 1962. 109 p.
- Updike J.* Rabbit Redux. Greenwich, Conn. : Fawcett Publications, Inc., 1972. 352 p.

УДК 81'366.542 + 811'111

Т. И. Грибанова, Е. Н. Коршунова

Грибанова Т. И., магистр лингвистики, доцент каф. грамматики и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Коршунова Е. Н., доцент каф. грамматики и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЕНИТИВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению специфики употребления грамматического явления генитива в современном английском языке. Анализ проведен со структурно-семантической точки зрения с учетом орфографических и произносительных особенностей генитива. Особое внимание в работе уделяется сопоставлению синонимичных структур (падежных форм, предложных и беспредложных словосочетаний). В результате проведенного исследования установлена взаимосвязь между используемым структурным вариантом и такими параметрами, как значение генитива, способ его образования и принадлежность антецедента к определенной семантической группе.

Ключевые слова: грамматика английского языка; категория падежа; генитив; апостроф; предложные словосочетания.

T. I. Gribanova, E. N. Korshunova

Gribanova T. I., MA, Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English, English Language Department, MSLU; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Korshunova E. N., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English, English Language Department, MSLU; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

TENDENCIES OF USING GENITIVE IN MODERN ENGLISH

The article concerns specific usage of genitive in modern English. The analysis deals with the structural, semantic, spelling and pronunciation peculiarities of the phenomenon in question with a special focus on synonymous structures, including case forms, prepositional and non-prepositional phrases. The study reveals the existing interrelation between a linguistic means chosen and such parameters as the meaning of genitive, the way it is formed and the semantics of the antecedent.

Key words: English grammar; the category of case; genitive; apostrophe; prepositional phrases.

В современном английском языке традиционно признается наличие двух форм падежа имени существительного: общего (*Common*

Case) и родительного (*Genitive / Possessive Case*). Первый представляет собой немаркированную форму, которая употребляется в различных синтаксических функциях, например, подлежащего, предикатива, дополнения, определения и т. д. В свою очередь существительные в родительном падеже употребляются в качестве определения в позиции и также предикатива, представляют собой маркированную форму, т. е. имеют специфическое окончание ('s). Форма родительного падежа сохранилась до настоящего времени, несмотря на тенденцию к упрощению развитой морфологической системы, характерной для языка синтетического строя, каким являлся английский язык ранее. Это свидетельствует о важности той роли, которую играет данная форма в системе основополагающих структурных средств английского языка.

Несмотря на кажущуюся простоту и традиционность использования, можно выделить несколько аспектов, которые порождают постоянные дискуссии и вызывают немало вопросов, а именно: значение генитива, определение круга семантических единиц, способных его образовывать, а также способы образования (орфография, произношение), структурные типы и место в ряду других средств выражения свойственных ему значений.

Неоднозначность рассматриваемого в данной статье явления также находит отражение в вопросе терминологии. Наиболее частотным является термин *притяжательный падеж / possessiv (Possessive)*. Однако он отражает лишь одно, хотя и наиболее важное, из существующих значений – принадлежность. Данный термин наиболее часто используется в учебной и учебно-методической литературе. В то же время в источниках, претендующих на более глубокий лингвистический анализ, употребляется термин *родительный падеж / генитив (Genitive)*, который, с точки зрения авторов, больше соответствует совокупности семантико-синтаксических характеристик данной формы. Далее в тексте статьи будет использоваться термин *генитив*.

Рассмотрим основные значения генитива в современном английском языке [Carter, McCarthy 2011, с. 361; Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 321; Swan 2009, с. 415, 416; Vince 2008, с. 111]¹:

¹ Более подробный перечень значений генитива приводится в [Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 321].

1. Генитив принадлежности (*possessive genitive*): *John's toy = He has a toy.*
2. Субъектный генитив (*subjective genitive*): *the manager's decision = The manager made a decision.*
3. Объектный генитив (*objective genitive*): *John's punishment = They punished John. / John was punished.*
4. Генитив источник происхождения (*genitive of origin*): *England's cheeses = cheeses produced in England.*
5. Описательный генитив (*descriptive genitive*): *a women's college = a college for women, a doctor's degree = a doctorate degree.*
6. Генитив измерения (*genitive of measure*): *ten days' absence = an absence of 10 days.*
7. Генитив, обозначающий целое, часть которого упомянута (*partitive genitive*): *John's leg = a part of John's body.*
8. Определительный генитив (*attributive genitive*): *the victim's courage.*

Описательный генитив в терминологии Р. Кверка [Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995] соответствует классифицирующему генитиву в отечественной традиции [Крылова, Гордон 2009, с. 267]. Выделение определительного генитива вызывает сомнение в силу неоднозначности его интерпретации. Очевидно, что перифраз возможен не только через предикативную модель с прилагательным, но и при помощи различных переходных глаголов (*The victim was courageous / had courage or displayed courage*), что позволяет считать данную модель идентичной генитиву принадлежности.

Большинство авторов, занимающихся изучением генитива, выделяют широкий круг семантических единиц, способных образовывать данную форму. Рассмотрим наиболее типичные семантические группы [Carter, McCarthy 2011, с. 848; Foley, Hall 2016, с. 257; Hewings 1999, с. 106; Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 324; Swan 2009, с. 415; Thomson, Martinet 1998, с. 29].

Одушевленные существительные, включая нарицательные и собственные имена людей: *John Washington's sculpture.*

Собирательные существительные, обозначающие группы людей, особенно обозначения властных структур и различных организаций: *the people's choice, the crew's quarters, the government's economic plans.*

Существительные, обозначающие высших животных и их клички: *the horse's tail, the dog's kennels, the bull's horns, Snap's new collar*.

В случае классифицирующего значения форма генитива не является обязательной и заменяется на предложное словосочетание (*of*-фразу) или на структуру *существительное + существительное*¹.

Географические названия, представленные как именами собственными, так и нарицательными схожей семантики и других мест, связанных со средой обитания человека.

Таблица

	существительное	
	собственное	нарицательное
Мир / Вселенная / планета	<i>the earth's interior / gravity</i>	<i>the world's economy / oldest mountains</i>
континент	<i>Europe's future</i>	<i>the continent's future</i>
страна / штат / регион	<i>America's foreign policy</i>	<i>a country's population</i>
населенный пункт	<i>Hollywood's studios</i>	<i>the city's atmosphere</i>

Иные имена собственные локативного характера и их нарицательные аналоги:

- учебные заведения: *Harvard's Department of Linguistics, the school's history / development plan*;
- отели: *the hotel's entrance*;
- музеи: *the gallery's rotunda*;
- театры, кинотеатры и клубы: *the club's pianist*.

Употребление прилагательных в превосходной степени, порядковых числительных, лимитирующих определений типа *only* перед определяемым словом делает использование генитива предпочтительным. При этом возможна его замена на предложное сочетание с предлогом *in* [Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 325]: *the world's best universities ~ the best universities in the world*.

Указатели времени и временные периоды [Carter, McCarthy 2011, с. 361; Hewings 1999, с.106; Macmillan English Dictionary for advanced students 2002, с. 111; Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 324; Swan 2009, с. 416; Vince 2008, с. 29]:

¹ См. далее в статье.

- минута / час: *a moment's thought, twenty minutes' delay, an hour's bus-ride, two hours' delay*;
- день / ночь: *a day's work / journey, last night's TV programmes*;
- вчера / сегодня / завтра: *today's paper, yesterday's / tomorrow's match*;
- неделя/ месяц / год: *two weeks' holiday, this year's sales, next year's holiday prices, in two years' time*.

Формы генитива для обозначения других видов измерений, как то *расстояние, вес, цена* и пр. становятся всё менее частотными, сохраняясь преимущественно в составе устойчивых словосочетаний [Foley, Hall 2016, с. 257; Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 326; Swan 2009, с. 414; Thomson, Martinet 1998, с. 29]: *a pound's worth of wall nuts / of stamps; three dollars' worth of popcorn / of ice-cream*.

Прочие существительные, связанные с деятельностью человека [Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 324; Swan 2009, с. 415, 416]:

- части тела: *the brain's total wait, the mind's development, the body's needs*;
- литературные и музыкальные произведения: *the play's philosophy, the book's importance, the novel's structure, the plan's importance, the concerto's final movement*;
- сфера деятельности: *television's future, science's influence*;
- события и мероприятия: *the poll's results, the treaty's ratification*;
- средства транспорта: *the train's arrival*.

Выбор варианта выражения значения генитива часто зависит от семантики определяемого существительного: *важность книги – the book's importance*, но *обложка книги (часть от целого) the cover of a book*.

Средства транспорта [Swan 2009, с. 416; Thomson, Martinet 1998, с. 29]:

- плавающие средства: *the ship's bell, the yacht's match*;
- поезда, машины и другие средства передвижения: *the train's arrival*.

Авторы статьи полагают, что подобный выбор частично можно объяснить культурно-историческими факторами. Для такой крупной морской державы, какой является Великобритания, характерна персонафикация объектов, связанных с морем, например: *boat, ship, yacht*

и т. п. Также процесс персонификации затрагивает объекты, лично значимые для человека, например, *car*. Недаром до недавнего времени упомянутые существительные традиционно заменялись на местоимение *she*.

Устойчивые словосочетания [Foley, Hall 2016, с. 257; Vince 2008, с. 111], например: *my life's aim, duty's call, love's spirit, in freedom's name, be at wit's end*.

Словосочетания в качестве группового надежда [Крылова, Гордон 2009, с. 268; Carter, McCarthy 2011, с. 361; Hewings 1999, с.106; Swan, 2009, с. 414]. При этом следует различать структурные типы¹:

- единичный объект (*существительное + определение*): *the director of the company's statement, Henry the Eighth's six wives*;
- несколько объектов (*существительное + существительное*): *Richard and Pat's new car is French* (совместное владение). Сравнить: *Richard's and Pat's new cars are French*. (раздельное владение).

Составные существительные (compound nouns): *my brother-in law's guitar* и *аббревиатуры*: *the PM's secretary, the VIP's escort* [Thomson, Martinet 1998, с. 29].

Неопределенные местоимения на *-one, -body* и пр., выступающие в качестве замены одушевленных существительных [Carter, McCarthy 2011, с. 848; Swan 2009, с. 417, 439]: *It's nobody's fault. The others' rooms are across the hall there. It's easy to lose one's temper*, а также в сочетании с *else*: *There must be someone else's room*.

Рассматривая способы образования генитива, следует отметить, что основным графическим маркером генитива является *'s*, который в ряде случаев может заменяться на апостроф (*'*).

Окончание *'s* присоединяется к форме ед. ч. существительного или местоимения, а также к форме мн. ч. существительных, образованных не по общему правилу (*irregular plurals*): *The police's actions cannot be supported*. Апостроф без окончания (*zero genitive*) употребляется после существительных во мн. ч., образованных по общему правилу (*regular plurals*), а также в некоторых случаях после имен собственных: *the Smiths' new house*.

Произношение обеих форм (ед. и мн. ч.) генитива, образованных по общим правилам, совпадает с произношением существительных

¹ Более подробно о групповом падеже смотри далее в статье.

во мн. ч.: *the boy's / boys' books* [boiz] = **boys** [boiz]. Таким образом, становится очевидно, что различие между формами мн. ч. общего и родительного падежей остается только в письменной речи, в то время как в устной речи единственным смысловозначительным средством является контекст.

Трудность представляет определение критериев, обуславливающих выбор орфографического и произносительного вариантов с именами собственными на -s.

Особо следует выделить *имена авторов и героев классической литературы*. Абсолютное большинство исследователей сходятся во мнении, что для подобных имен собственных на -s основным маркером генитива является апостроф [Hewings 1999, с. 106; Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 320; Thomson, Martinet 1998, с. 29], чтобы избежать повторения звуков или труднопроизносимых сочетаний звуков. При этом строгой произносительной нормы не существует. В более традиционных грамматиках второй половины XX в. одни авторы предлагают ограничиться только графическим обозначением генитива: *Euripides' [di:z] plays, Xerxes' army, Socrares' wife*. Часто комментарии по поводу произносительного варианта отсутствуют: *Pythagoras' Theorem*. В современных изданиях предлагается произносить окончание генитива [Swan 2009, с. 414]: *Socrates' ideas* ['sokræti:zIZ].

При образовании графического варианта генитива *имен собственных (фамилий) исконного происхождения* на -s наблюдаются разночтения. Если ранее предпочтительным считался апостроф, то в современном языке допускаются оба варианта [Carter, McCarthy 2011, с. 848; Swan 2009, с. 414; Thomson, Martinet 1998, с. 29]. При этом более распространенным считается апостроф: *Dickens' novels, Keats' poetry*.

Некоторые авторы связывают существующую вариативность с произношением: выбор зависит от характеристики конечного звука имени. Если слово оканчивается на звонкий согласный [z], возможны оба варианта, тогда как окончание на гласный или глухой согласный [s], требует варианта 's [Hewings 1999, с. 106, 107, 304; Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 320]. Сравним: *Dickens'(s) novels*, но *Lewis's house, Ross's theories* [siz].

К *именам людей (first names)* в письменной форме добавляют и апостроф и окончание [Carter, McCarthy 2011, с. 848]: *Angus's offer*;

St Augustus's church. Что касается произношения, то нормативным всегда считалось озвучивание окончания генитива независимо от написания. При наличии двух вариантов написания таких имен, как *Jesus('s)* и *Moses('s)* звуковой вариант не предполагает озвучивание окончания [Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 321].

Имена собственные (фамилии) во мн.ч. на *-s*, обозначающие всю семью, долгое время образовывали форму генитива подобно нарицательным существительным во мн. ч., т. е. с помощью, апострофа, например, *the Smiths' new house*. Однако в последнее время прослеживается тенденция образования форм по аналогии с *Dickens*, когда на письме допускаются варианты при обязательном произнесении окончания генитива [Vince 2008, с. 111]: *the Jones' house / the Jones's house* [¹ʤəʊnzɪz].

Отметим, что не существует единого подхода в отношении правописания устойчивых словосочетаний, и, как следствие, выбор варианта обуславливается традицией [Carter, McCarthy 2011, с. 849; Longman Dictionary of Contemporary English 2011, с. 68, 1541; Macmillan English Dictionary for advanced students 2002, с. 1252, Thomson, Martinet 1998, с. 29]:

- апостроф + окончание (*'s*): *for God's / Christ's / Heaven's / Pete's sake*;
- апостроф (*'*): *for goodness' / conscience' / sake*¹.

Как упоминалось ранее, для выражения значения генитива употребляются не только одиночные слова, но и составные существительные, аббревиатуры и словосочетания. В некоторых случаях допустимо опущение определяемого слова, во избежание повторения, при этом апостроф в большинстве случаев сохраняется [Carter, McCarthy 2011, 850; Hewings 1999, с. 106; Swan 2009, с. 414]: *That old car of Jo's is unsafe*.

Используя терминологию Крыловой И. П. [Крылова, Гордон 2009, с. 268], структурно формы генитива можно подразделить на зависимые (*dependent genitive*), т. е. генитив с определяемым словом, и независимые (*independent genitive*) – без определяемого слова. В рамках зависимой формы также выделяются групповой (*group genitive*),

¹ for appearances' sake = for the sake of appearance [Macmillan English Dictionary for advanced students 2002, с. 1252].

о котором было сказано выше, и двойной генитив (*double genitive*): *some friends of Jim's* [Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 330]. С точки зрения авторов данной статьи, было бы разумно подразделить случаи группового генитива на словосочетания с одним объектом: *each other's houses* и с двумя или более объектами, где слова в форме генитива выражают (а) совместное: *Lerner's and Lowe's musicals* или (б) раздельное владение: *Schrodnger's and Heisenberg's versions of quantum mechanics had seemed different* [Foley, Hall 2016, с. 256, 257].

Независимый генитив, в свою очередь, можно подразделить на традиционный и контекстуально обусловленный.

К *традиционной* группе относятся случаи, когда главное слово словосочетания опускается, если речь идет о месте проживания, магазине или учреждении бытовых услуг (*place, house, apartment, shop, church*): *the newsagent's, the chemist's, the hairdresser's*. При этом в современном языке усиливается тенденция употребления формы без 's [Swan 2009, с. 415]: *Alice is at the hairdresser'(s).*

К традиционным случаям независимого генитива также можно отнести названия магазинов, фирм и предприятий. При этом твердых правил выбора варианта (с апострофом или нет) не существует, и выбор также может быть обусловлен традицией [Thomson, Martinet 1998, с. 29]. Названия некоторых известных магазинов сохраняют форму генитива, однако апостроф не используется при написании: *Foyles, Harrods*. Сравнить: *He bought his TV at Sainsbury's*. (сеть супермаркетов) и *Are you getting the prescription at Boots?* (сеть продажи фармацевтических продуктов).

В *контекстуально обусловленных* случаях опущение определяемого слова допускается, если оно очевидно из контекста: *'Whose hat is that?' 'Richard's.'* В отличие от традиционного использования, в рассматриваемом случае апостроф обязателен [Carter, McCarthy 2011, с. 849; Hewings 1999, с. 106; Swan 2009, с. 414; Thomson, Martinet 1998, с. 14].

Если в словосочетании указана степень родства, то существительное может употребляться как в форме генитива, так и общего падежа: *an uncle of Mark's*.

Номенклатура средств выражения значения генитива не ограничивается падежной формой в силу ограниченности сферы применения последней с неодушевленными существительными. В современном английском языке наряду с вышеупомянутой формой существуют

следующие средства: предложное словосочетание с *of* (*of-phrase*) и словосочетание *существительное + существительное*.

Сложность для изучающих английский язык как иностранный заключается в том, что в справочной и учебной литературе отсутствуют четкие критерии выбора конкретного средства [Hewings 1999, с. 106; Swan 2009, с. 441]. Проведенный анализ семантико-синтаксических особенностей рассматриваемых средств позволяет авторам предложить основные подходы к их выбору.

Падежная форма генитива преимущественно употребляется с одушевленными существительными (как собственными, так и нарицательными), обозначающими людей и группы [Foley, Hall 2016, с. 258; Hewings 1999, с. 106; Swan 2009, с. 441]: *Carolyn's illness, the children's coats*.

Употребление прилагательных в превосходной степени, порядковых числительных, лимитирующих определений типа *only* перед определяемым словом делает использование генитива предпочтительным. При этом возможный перифраз представляет собой относительное придаточное предложение: *Paganini's last performance ~ the last performance that Paganini gave (субъективный генитив)*¹.

В сочетаниях, обозначающих время, особенно с прилагательными в превосходной степени [Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 325], а также с одиночными временными указателями типа *yesterday* [Hewings 1999, с. 106; Swan 2009, с. 441]: *next year's holiday prices*.

Конструкция *предложное словосочетание с of (of-phrase)* считается предпочтительной с большинством неодушевленных существительных [Swan 2009, с. 415; Thomson, Martinet 1998, с. 29]: *the cover of the book, the walls of the town, the roof of the church, the keys of the car*.

При этом эта структура является обязательной [Hewings 1999, с. 106; Murphy 2006, с. 162]:

- при обозначении фазы процесса: *the beginning / end / middle of ...*;
- местоположения: *the front / back / side of ...*;
- при описании процесса или изменения: *the destruction of the forest*;
- в значении «части целого» со словами: *the top / bottom of ... : the top of the hill*.

¹ Подобная модель также характерна для собирательных существительных типа *government* [Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 325].

Предложное словосочетание употребляется в тех случаях, когда [Foley, Hall 2016, с. 258]:

- существительное в значении генитива имеет длительное определение в постпозиции: *She is the sister of someone I used to go to school with.*
- при указании на точное время события: *It was destroyed in the fire of 1666.*
- с устойчивыми словосочетаниями и титулами: *He is the President of the United States. The Prince of Wales is to visit Iceland.*

В ряде случаев формы генитива ('s) и предложные словосочетания (*of-phrases*) взаимозаменяемы. Так, в случае географических названий допустимы несколько вариантов, которые во многом обусловлены традицией языкового употребления [Carter, McCarthy 2011, с. 361; Foley, Hall 2016, с. 258; Hewings 1999, с. 106; Swan 2009, с. 440; Thomson, Martinet 1998, с. 14]: *Ireland's beauty ~ the beauty of Ireland.* Это также свойственно существительным, обозначающим учреждения и организации: *the company's policy ~ the policy of the company.* В отношении средств передвижения существует мнение, что с такими существительными, как *plane, train, car* и аналогичными названиями, для носителей языка более привычно предложное словосочетание: *the train's heating system ~ the heating system of the train.*

Выбор варианта контекстуально обусловлен: в английском языке наиболее значимая информация располагается в конце словосочетания (*end focus*). При употреблении генитива акцентируется определяемое слово, тогда как в противном случае в центре внимания оказывается предложное словосочетание. Сравним [Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1995, с. 323]: *The explosion damaged the ship's funnel.* и *Having looked at all the funnels, she considered that the most handsome was the funnel of the Orion.*

В современном языке всё более частотным способом выражения отношений генитива становится словосочетание *существительное + существительное* [Murphy 2006, с. 160]: *the water temperature = the temperature of the water; a London doctor = a doctor from London.*

Словосочетание *существительное + существительное* сопоставимо с формой генитива. При этом падежная форма предпочтительна при обозначении:

- пользователя действия: *a baby's bedroom*;
- производителя продукта: *cow's milk*;
- частей тел людей и животных: *a woman's face, a giraffe's neck*.

При этом в большинстве случаев форма генитива употребляется в классифицирующем значении. Структурно данное сочетание сопоставимо с составным существительным и как следствие имеет ударение на первом компоненте (Британский английский): *a 'bird's nest*.

Для существительных, обозначающих животных, выбор оптимального варианта во многом обусловлен языковой традицией. Если речь идет о производителе продукта, то предпочтительной является форма генитива *cow's milk*. Если речь идет о значении части целого, то формы генитива обычно используются при описании живого существа [Carter, McCarthy 2011, с. 361; Hewings 1999, с. 106]: *a / the lamb's liver*, тогда когда речь идет о продукте питания (блюде), представляющим часть тела животного, традиционно используется словосочетание *существительное + существительное* в классифицирующем значении: *chicken breast* (куриная грудка).

При необходимости указать на время или временной период могут использоваться как падежные формы генитива, так и составные существительные *two weeks' holiday = a two-week holiday*. При этом второй вариант становится более частотным и привлекательным как в силу более простой структуры, так и расширения семантики существительных, способных его образовывать (*время, расстояние, деньги, возраст* и т. п.): *a six-mile walk, a ten-pound note, a 14-year-old girl* [Murphy 2006, с. 160–161]. При этом существительное в препозиции употребляется в ед. ч.

Для неодушевленных существительных в классифицирующем значении более типичной является непадежная форма, т. е. словосочетание *существительное + существительное*.

Стоит отметить, что в ряде случаев, как правило в значении принадлежности, такие структуры, как предложные словосочетания и словосочетания *существительное + существительное* считаются взаимозаменяемыми: *the town walls = the walls of a / the town*. Однако замена не всегда возможна, и, в случае сомнения, рекомендуется употреблять предложное словосочетание.

Существует устойчивая тенденция употребления словосочетания *существительное + существительное* при указании на:

- материал / вещество: *rice pudding*;
- объект действия: *a language teacher*;
- место и время совершения действия: *a morning call, hill fog*;
- часть предмета: *the window frame*.

Словосочетание *существительное + существительное* является более частотным при обозначении общеизвестного класса предметов *a grammar book*. В случае конкретизации предпочтение отдается словосочетаниям с различными предлогами: *a book about cats, income tax*, но *a tax on children's clothes*.

В ряде случаев рассматриваемые структуры (*существительное + существительное* и предложное словосочетание) имеют абсолютно разное значение: *a tea cup* (чайная чашка = контейнер) + *a cup of tea* (чашка чая = содержимое контейнера).

Несмотря на то, что в академических грамматиках и в учебных пособиях для иностранных студентов, изучающих английский язык, особенности употребления структур, обозначающих отношения генитива, изложены довольно аморфно, существуют определенные закономерности их функционирования. В данной статье предпринята попытка проанализировать основные тенденции употребления падежных форм генитива и других синонимичных им структур, что позволило авторам сформулировать структурно-семантические принципы, лежащие в основе выбора средств, наиболее адекватных коммуникативной ситуации, что является неременным условием высокого уровня владения коммуникативной компетенцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Крылова И. П., Гордон Е. М.* Грамматика современного английского языка. М. : КДУ, 2009. 448 с.
- Carter R., McCarthy M.* Cambridge Grammar of English. A Comprehensive Guide. Cambridge University Press, 2011. 973 p.
- Foley M. and Hall D.* Longman Advanced Learner's Grammar. Pearson Education Limited, 2016. 384 p.
- Hewings M.* Advanced Grammar in Use. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 340 p.
- Longman Dictionary of Contemporary English.* 5th ed. Pearson Education Limited, 2011. 2082 p
- Macmillan English Dictionary for advanced students.* Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.

- Murphy R.* English Grammar in Use. A self-study reference and practice book for intermediate students of English. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 380 p.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Comprehensive Grammar of the English Language. London and New York : Longman Group (UK) Ltd., 1995. 1779 p.
- Swan M.* Practical English Usage. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2009. 658 p.
- Thomson A. J., Martinet A. V.* A Practical English Grammar. 4th ed. Oxford : Oxford University Press, 1998. 384 p.
- Vince M.* Macmillan English Grammar in Context. Oxford : Macmillan Education, 2008. 240 p.

УДК 070.447

Т. Р. Ванько

кандидат филологических наук, доцент каф. грамматики
и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

СИНТАКСИС НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА *BLOOMBERG NEWS*

В статье рассматривается своеобразие синтаксического строя новостных сообщений международного финансового информационного агентства *Bloomberg News*, являющегося базовым в биржевой деятельности во всем мире. Коммуникативная цель информагентства – лаконично и просто передать новость – отражается в ряде синтаксических особенностей новостных сообщений *Bloomberg News*, что выгодно отличает его от других новостных агентств и делает незаменимым в работе в финансово-биржевой сфере.

Ключевые слова: язык финансовых информационных агентств; *Bloomberg News*; новостные сообщения; синтаксический строй онлайн-новостных сообщений.

T. R. Vanko

Ph.D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

“BLOOMBERG NEWS” SYNTAX

The article focuses on syntactical language peculiarities of Bloomberg News Agency, leader on the business news market. Bloomberg's key aims, accuracy and simplicity, reveal in syntactical structures used and make the style unique.

Key words: Bloomberg News Agency; peculiarities of news agencies style; syntax peculiarities, accuracy, brevity, simplicity of Bloomberg News style.

Центром современной системы средств массовой информации являются информационные агентства, служащие источником информации для профессиональных журналистов и аналитиков. Информационные агентства (британское *Reuters*, американское *Associated Press*, германское *dpa* и др.) продают десятки информационных продуктов, таких как основная и специализированные ленты новостей, ежедневные блоки новостей, еженедельники, включающие обобщающий аналитический материал. Продукты информационных агентств делятся по способу создания и доставки, и по аудиториям [Погорелый 2000]. В зависимости от целевой аудитории

информационные продукты подразделяются на продукты для прессы и продукты для коммерческих организаций. Первые информационные агентства были созданы для распространения именно экономической информации. Лишь позже они стали обслуживать средства массовой информации.

Основными потребителями финансово-экономической информации являются профессиональные участники различных рынков, использующие данные с бирж и внебиржевых рынков как инструмент работы, который позволяет оценить стоимость пакета акций в его портфеле, динамику изменения цен акций, их колебания, выбрать новости о какой-либо компании за определенный период и получать оперативные новости с фондового рынка. Ю. А. Погорелый выделяет три вида потребителей онлайн-системы передачи рыночных новостей: банки, инвестиционные компании и брокерские конторы и торговые компании. Автор указывает на отличительную черту экономической журналистики: скорость и точность.

Сегодня, когда человек тратит чуть более получаса на то, чтобы узнать, что происходит в мире, скорость доставки финансовой информации особенно важна, так как от нее зависит финансовый успех заключаемой сделки. Крупнейшие мировые агентства конкурируют друг с другом в скорости оповещения о происходящем, особенно в экономике. Здесь важны не только содержание, но и скорость передачи новостей, так как они могут поднять или обрушить рынки. Необходимость наискорейшей передачи новостей определила появление «телеграфного» стиля, который в первую очередь отражается в структуре новостных сообщений. Как неоднократно указывалось, новостные тексты строятся по принципу «перевернутой пирамиды»: от первой фразы, концентрирующей основную информацию, к деталям [Добросклонская 2008, с. 79; Комиссаров 1990, с. 97; Погорелый 2000; Погорелый 2012; Пономаренко 2012].

Ю. А. Погорелый подробно описывает жесткую структуру новостных онлайн-сообщений, состоящую из слаглайна (slugline), заголовка или хедлайна (headline), дейтлайна (dateline), короткого лид-абзаца (lead), рассказывающего, что произошло, подробностей в порядке их значимости и бэкграунда (background). Такая клишированная структура онлайн-новостей способствует мгновенному информационному поиску.

Ю. А. Погорелый указывает на отличие экономических новостных сообщений от обычных. Это прежде всего очень структурированный текст и отсутствие длинных полных цитат и деталей. Экономические новости должны понятно, надежно и быстро объяснить, что произошло и что будет, другими словами, куда идут деньги, откуда они исходят и куда приходят, а также кто на этом зарабатывает [Погорелый 2000; Погорелый 2012]. Это отличие обусловлено, по его мнению, аудиторией финансово-экономических новостей, людей, работающих на фондовых рынках, где решения принимаются в режиме реального времени. Указывая на отличительные структурные черты финансово-экономических новостей, Ю. А. Погорелый не изучает подробно их языковое своеобразие.

Некоторые исследователи подробно описывают языковые характеристики новостных сообщений на материале прессы, радио, телевидения, но не касаются характеристики онлайн-информсообщений финансово-экономических информагентств.

Т. Г. Добросклонская выделяет четыре функционально-жанровых типа текстов современной медиаречи, отличающихся по формату, содержанию и языку: новости, информационную аналитику, рекламу и публицистику [Добросклонская 2008, с. 52]. Она считает текст новостей базовым структурообразующим текстом массовой информации, так как новостные тексты наиболее полно реализуют информативную функцию, обладают определенным форматом (устойчивым соотношением формы и содержания текста) в зависимости от вида СМИ и отличительными лингвостилистическими признаками, такими как преобладание определенных структурных типов словосочетаний, большое количество клишированных словосочетаний, использование текстообразующих элементов: фраз-связок, ссылок на источники информации, фраз для введения цитат и, наконец, фиксированная структура. Кроме того, по мнению исследователя, новостным текстам присуща высокая степень культурно-идеологической модальности, которая проявляется на уровне отбора информации и в приводимых оценках и комментариях.

Т. Г. Добросклонская описывает специфику английского новостного текста: большое количество глагольных словосочетаний, распространенность пассивных форм, многоэлементные лексические соединения, двух- или трехкомпонентные синтаксические соединения

с лимитирующими определениями, деперсонифицированность в подаче материала, ссылки на источники и цитаты для создания атмосферы нейтральной объективности [Добросклонская 2008, с. 79–82]. Использование конструкции *there is* и форм *continuous* также, по мнению исследователя, обусловлено стремлением к безличности, нейтральности, намеренным дистанцированием автора от новостного текста. К основным отличительным чертам новостного текста относятся и клишированные словосочетания, ограниченное использование идиом, словосочетания с мировоззренческим оттенком [Добросклонская 2008, с. 100].

Е. Пономаренко, сравнив русские и английские информационные сообщения в прессе, сделала ряд выводов [Пономаренко 2012]. Во-первых, английские информационные сообщения отличаются высокой степенью детализации (например, возраст, одежда, погода и пр. детали). Во-вторых, для английских заголовков характерно использование сложных развернутых повествовательных предложений и низкая частотность вопросительных, отрицательных, восклицательных и повелительных предложений, а также употребление своеобразной «заголовочной грамматики»: отсутствие артиклей, опущение глагольной связки *be* в пассиве и в именном сказуемом, употребление форм настоящего вместо форм прошедшего времени, отсутствие личных форм будущего времени. В-третьих, широкое использование форм пассива, что обусловлено намерением дистанцироваться от описываемых событий или в целях преднамеренной идеологической интерпретации [Montgomery 2008, с. 268–277].

Анализируя тексты новостей в прессе, на радио и телевидении, указанные авторы лишь упоминают о специфике новостных интернет-сообщений, которые характеризуются строгой организацией материала от общего к частному и межтекстовыми связями [Добросклонская 2008, с. 62], однако не описывают их.

Сравним новостные интернет-сообщения ведущего финансово-экономического агентства *Bloomberg News* и онлайн-версии газеты *Financial Times* с целью установления своеобразия синтаксической структуры новостных сообщений публикуемых финансовыми информационными агентствами и обычных информационными агентствами.

Основанное Майклом Блумбергом в 1981 г. в Нью-Йорке информационное агентство *Bloomberg News* специализируется на

освещении новостей финансовых рынков и бизнеса. Основным продуктом агентства – программа «Bloomberg analytical services», предоставляющая доступ к финансовым данным, аналитике и информации о ценных бумагах. Позже были запущены дополнительные программы, включая торговую платформу «Bloomberg Terminal», позволяющую трейдерам напрямую торговать ценными бумагами, систему моментального обмена сообщениями «Bloomberg Messaging Service» и новостную ленту «Bloomberg Newswire». Сегодня *Bloomberg News* является одним из ведущих мировых агентств с фокусом на финансовые новости и выпускает более 5000 статей в день в более, чем 120 странах мира [Company-Bloomberg 2017]. Значимость работы агентства трудно переоценить, оно обеспечивает основным своим пользователям – участникам финансового рынка – конкурентное преимущество: узнать мировые новости первыми и, соответственно, принять выгодные инвестиционные решения, совершить торговые операции с ценными бумагами, разработать своевременные инвестиционные решения и т. д. С развитием глобализации и нарастанием скорости изменения рыночной конъюнктуры, эффективное оперирование последними новостями стало неотъемлемой частью работы участников финансовых рынков. Высокая интенсивность рабочих процессов, быстрота принятия решения, интернациональная среда специалистов финансовых рынков предопределили максимально краткий и понятный формат подачи информации *Bloomberg News*. Основная задача – скорость и эффективность донесения информации, что достигается за счет максимальной оперативности создания контента сотрудниками агентства. Этим обусловлено использование нетипичных лингвистических конструкций в статьях *Bloomberg News*.

В отличие от сравнительно молодого информационного агентства *Bloomberg News* газета *Financial Times* имеет более чем полуторавековую историю. Это одна из лидирующих международных новостных организаций, специализирующаяся на освещении и анализе новостей бизнеса и финансов. Изначально газета создавалась как «друг честных финансистов и брокеров» [About the FT]. Газета *Financial Times* объективно и точно освещает новости финансового сектора и классифицируется как «качественная пресса», ориентированная на «образованную аудиторию» и способствующая формированию мнений

данной части общества. Отличительными признаками качественных изданий являются, наряду с надежностью и достоверностью фактов и экспертных мнений, также преобладание аналитических жанров (статей, рецензий, комментариев, обзоров), взвешенность оценок, контроль за достоверностью информации и спокойный тон публикаций. Читателей качественной прессы интересуют мнения компетентных экспертов [Грабельников 2001, с. 36].

Итак, основная задача специализированного финансового агентства *Bloomberg News* – скорость и эффективность донесения информации, так как это влияет на скорость совершения биржевых операций, а главная задача онлайн-версии финансового издания *Financial Times* – предоставление точной, достоверной информации и экспертных мнений. Принимая во внимание это различие, мы сравнили освещение интернет информагентством *Bloomberg News* и онлайн-версией газеты *Financial Times* одной и той же новости о штрафе, наложенном на Deutsche Bank за участие в мошеннических схемах по выведению из России более чем 10 млрд. долл. США, от 31 января 2017 г. Нашей целью являлось установление функционально обусловленных отличительных синтаксических признаков языка финансового информационного агентства *Bloomberg News*.

Оба интернет-новостных сообщения приблизительно равной длины и имеют схожее построение по принципу «перевернутой пирамиды», при котором суть сообщения содержится в начале, а далее приводятся детали [Добросклонская 2008; Комиссаров 1990; Погорелый 2000; Погорелый 2012]. Однако текст сообщения *Bloomberg News* содержит указание на точное время поступления новости, которое отсутствует в сообщении *Financial Times*. Этот факт, на наш взгляд, обусловлен необходимостью предельной точности при передаче финансово важной информации.

Как показал анализ, при приблизительно равном количестве предложений в текстах обоих сообщений (50 и 47), в тексте *Bloomberg News* в три раза больше простых предложений, чем в тексте *Financial Times*, что свидетельствует о стремлении к компактности и простоте излагаемого текста. Кроме того, *Bloomberg News* выделяет основные тезисы «буллитами», что также позволяет сконцентрировать внимание на основном содержании новости и благоприятствует быстрому восприятию. Например:

DEUTSCHE BANK'S BILL FOR RUSSIA TRADES REACHES \$529MILLION

By Suzi Ring

31 января 2017 г., 9:54GMT+3

- Control failures allowed \$10billion to move out of Russia
- Fine relates to bank's use of mirror trades to change currency

Deutsche Bank AG was fined \$629 million by U. K. and U. S. authorities for compliance failures that saw the bank help wealthy Russians move about \$10billion out of the country using transactions that were likely thinly veiled attempts to cover up financial crime [Ring 2017].

Согласно данным нашего анализа, предложения, используемые в текстах обоих информагентств, в подавляющем большинстве сложноподчиненные. Сложносочиненные предложения встретились в обоих текстах в единичных случаях, что позволяет сделать вывод об их нетипичности. Однако необходимо отметить очевидное отличие сложноподчиненных структур в тексте *Financial Times*. Подавляющее большинство случаев (79%) составили сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными, представляющие собой косвенную речь, где главное предложение содержит глагол-сказуемое типа *say, tell, allege, add, claim*. Использование таких предложений *Bloomberg News* в три раза реже, так как здесь важнее передать содержание косвенной речи, опуская при этом неинформативное главное предложение, содержащее лишь глагол говорения («reporting verb»). Например:

Deutsche said the penalties were “materially reflected” in its litigation reserves [Shotter, Scannell, and Binham 2017].

Представляется, что передача чужой речи в виде косвенной позволяет автору устраниться от высказываемого сообщения, придать ему вид большей точности и объективности [Добросклонская 2008, с. 64].

Еще одной чертой, делающей текст финансового новостного агентства *Bloomberg News* более сжатым и лаконичным, является использование сложноподчиненных предложений только с одним придаточным. На 11 сложноподчиненных предложений зафиксировано 15 придаточных. В то же время в тексте новостного сообщения

Financial Times превалируют сложноподчиненные предложения с двумя и тремя придаточными. В 14 сложноподчиненных предложений встретилось 24 придаточных. Например:

New York's Department of Financial Services, a state banking regulator, said late on Monday that Germany's biggest bank would pay it \$425m, while the UK's Financial Conduct Authority said on Tuesday morning it had fined Deutsche \$163m – or about \$204m – the largest financial penalty it or its predecessor agency has handed out for anti-money-laundering control failings [Shotter, Scannell, and Binham 2017].

Такие сложные иерархические синтаксические построения снижают скорость восприятия материала, что исключается в стиле специализированного финансового информационного агентства *Bloomberg News*, используемого в высокоскоростной биржевой деятельности.

Еще одна отличительная черта, свидетельствующая о простоте и лаконичности стиля *Bloomberg News*, это отсутствие в нашем материале причастных оборотов, которые, однако, дважды встречаются в тексте сообщения *Financial Times*, что усложняет текст, делая его более формальным и, соответственно, затрудняет его восприятие. Ниже приведем пример простого предложения с причастным оборотом из новостного сообщения *Financial Times*:

Deutsche Bank has agreed to pay \$630m to settle US and UK investigations into alleged mirror trades used to launder \$10bn out of Russia, taking a step towards resolving one of its biggest legal headaches [Shotter, Scannell, and Binham 2017].

Итак, сравнительный анализ текстов двух новостных сообщений, посвященных одному и тому же событию, выявил функционально обусловленные отличительные черты синтаксического строя языка финансового информационного агентства *Bloomberg News*, коммуникативной целью которого является быстрота и простота передачи сообщения, так как от них зависит скорость осуществления биржевых операций. Этим объясняется широкое использование простых предложений, «буллитов», сложноподчиненных предложений с упрощенной структурой (т. е. лишь с одним придаточным), незначительное количество сложноподчиненных предложений с косвенной речью и нетипичность причастных оборотов. Все вышеперечисленные свойства делают синтаксический строй языка *Bloomberg News* более

лаконичным и простым, быстрым для восприятия пользователями. И, наоборот, синтаксис новостного сообщения онлайн-газеты *Financial Times* способствует более развернутой подаче информации и аналитическому освещению событий. Здесь редко используются простые предложения, но широко применяются сложноподчиненные предложения усложненной структуры с несколькими придаточными, сложноподчиненные предложения с косвенной речью и причастные обороты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грабельников А. А.* Работа журналиста в прессе : учебное пособие. М. : РИП-холдинг, 2001. 274 с.
- Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008. URL : www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf
- Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990. 253 с.
- Погорелый Ю. А.* Информационное агентство: стиль оперативных сообщений. Под ред. Вороненковой Г. Ф. М., 2000. URL : www.evartist.narod.ru/text19/018.htm
- Погорелый Ю. А.* Как работает информационное агентство. М., 2012. URL : os.colta.ru/media/net/details/35523/page2/
- Пономаренко Е.* Структурные и семантико-стилистические особенности английских и русских информационных сообщений. М., 2012. URL : gisap.eu/ru/node/12575
- About the FT // *Financial Times*. URL : aboutus.ft.com/en-gb/
- Company-Bloomberg*. About Bloomberg. URL : www.bloomberg.com/company/bloomberg-facts/
- Montgomery M.* An Introduction to Language and Society. London–New York : Routledge, 2008. 314 p.
- Ring S.* Deutsche Bank's Bill for Russia Trades Reaches \$629 Million // Bloomberg. 31 января 2017 г. URL : www.bloomberg.com/news/articles/2017-01-31/deutsche-bank-fined-204-million-over-money-laundering-failings
- Shotter J., Scannell K., and Binham C.* Deutsche Bank pays \$630m to settle Russian mirror trades probe // *Financial Times*. January 31, 2017. URL : www.ft.com/content/5bc8008a-e722-11e6-967b-c88452263daf

УДК 81.367.7

О. А. Мачина, Г. И. Горшков

Мачина О. А., доцент каф. грамматики и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ, доцент, кандидат филологических наук; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Горшков Г. И., студент магистратуры МГЛУ; e-mail: catdog875@yandex.ru

МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕНОС ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ (на примере позиций наречия в предложении)

В статье декларируется необходимость учета влияния грамматической системы родного языка на знания о грамматике иностранного языка и экспериментально доказывается факт существования межъязыковой грамматической интерференции на примере синтаксических конструкций, содержащих обстоятельства времени, места, частотности, образа действия, меры и степени, выраженных наречиями.

Ключевые слова: грамматика английского языка; позиция наречий в предложении; межъязыковой перенос; грамматическая интерференция; корпусный анализ.

O. A. Machina, G. I. Gorshkov

Machina O. A., Ph.D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English, English Language Department, MSLU, e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Gorshkov G. I., MA student at MSLU; e-mail: catdog875@yandex.ru

THE INFLUENCE OF CROSSLINGUISTIC TRANSFER ON THE SECOND LANGUAGE GRAMMAR ACQUISITION (illustrated by the position of adverbials)

In this article, we stress the necessity of taking into consideration the influence of the grammatical system of the mother tongue on the ideas of the grammar of a foreign language. The existence of language transfer on the grammatical level is proved experimentally and illustrated with syntactic constructions including adverbials of time, place, frequency, manner, degree and addition / restriction.

Key words: English grammar; adverbial placement; language transfer; corpus analysis.

Теория межъязыкового переноса получила широкое распространение в 50-е гг. прошлого века и развивалась вплоть до 1970-х гг., после чего была незаслуженно забыта. Лишь в 1990-е гг. теория возродилась в США, где были опубликованы основные труды в данной области. Там же написаны и основные лингвокультурологические

пособия, акцентирующие внимание на различиях родной и изучаемой культур, следовательно, и языков – и преодолении этой преграды с целью выработки у обучающихся языковых навыков, имеющихся у носителей языка.

Согласно этой теории, родной и изучаемый языки контактируют в сознании билингва, в результате чего правила и нормы одного языка могут проникнуть в систему знаний о другом языке, способствуя или препятствуя его изучению и создавая, таким образом, условия для положительного или отрицательного языкового переноса (интерференции). Мы полагаем, что именно отрицательный перенос является основной причиной ошибок, допускаемых обучающимися в иноязычной речи. Поэтому учет возможности влияния родного языка обучающихся на формирование системы представлений о нормах иностранного языка необходим для оптимизации учебного процесса.

Существуют различные теории о том, как и почему происходит межязыковой перенос и интерференция, в частности. Считается, например, что причина отрицательного переноса заключается в неправильной (недостаточной или избыточной) идентификации элементов и их функций в контактирующих языках [Алимов 2004].

Классификации переноса обычно основываются на языковых уровнях. Так, например, выделяются фонетическая, грамматическая (морфосинтаксическая), лексико-семантическая интерференции. Кроме того, выделяется интерференция на орфографическом, стилистическом и текстовом уровнях. Некоторые исследователи также выделяют внутриязыковую интерференцию – перенос, основанный на принципе аналогии [Алимов 2004]. К этому виду можно отнести такие ошибки, как попытка проспрягать глаголы *to stroke* или *to raise* как неправильные (на основе их схожести с глаголами *to strike* и *to rise* соответственно) или распространение конструкции сложное дополнение на глаголы *to see*, *to hear*, *to think* и т. д. во всех их значениях и во всех сочетаниях (например, *I heard him love to sing или *I think him to study well). В этой связи стоит упомянуть классификацию типов механизмов грамматического межязыкового переноса, разработанную Н. М. Поповой. Соответственно данной классификации перенос может проявляться в следующих видах:

- Недодифференциация – неразличение или смешение явлений иностранного языка, которые в родном языке не различаются

или не имеют соответствий (например, в некоторых значениях русский предлог *в* соответствует двум английским предлогам: *to* и *in*).

- Сверхдифференциация – сверхразличение признаков явлений иностранного языка под влиянием соответствующих категорий родного языка (например, приписывание английскому глаголу категории вида).
- Плюс-сегментация – увеличение сегментов иностранного языка под влиянием соответствующей модели родного языка (например, **I haven't seen nobody.*).
- Минус-сегментация – сокращение сегментов иностранного языка под влиянием соответствующей модели родного языка, в которой часть элементов отсутствует (например, **I not go to school*).
- Репласация – анормативное размещение элементов предложения иностранного языка под влиянием родного языка (например, **I go to the theatre a month twice*).
- Субституция – подмена в иностранном языке одного элемента другим при применении правил согласования и управления из-за отождествления грамматических единиц (например, **If I will do...*).
- Полное изменение модели предложения [Попова 1993].

Грамматические ошибки, вызываемые интерференцией на синтаксическом уровне, к которым мы относим ошибки в порядке слов, происходят под влиянием следующих факторов:

1. Различия в базовом порядке слов.
2. Бóльшая свобода порядка слов в одном из языков.

Базовый порядок слов и в русском, и в английском утвердительных предложениях одинаков: подлежащее – сказуемое – дополнение (SVO), но в русском языке порядок слов свободнее, чем в английском. Например, стилистически нейтральное утвердительное предложение, состоящее из трех слов (подлежащее, сказуемое и дополнение) в английском языке будет иметь только один вариант порядка слов, в то время как в русском допустимы все шесть математически возможных вариантов.

3. Уровень владения иностранным языком и опыт его использования. Чем выше уровень владения языком, тем меньше ошибок допускает ученик.

4. Чрезмерное обобщение (“overgeneralising”) лингвистического материала. Мы считаем, что это одна из главных причин репласации: увидев обстоятельство времени в начальной или срединной позиции, обучающийся может подумать, что такое употребление является нейтральным со стилистической и дискурсивной точек зрения, и сделать вывод о том, что эта позиция является базовой. К тому же начальная позиция является типичной для русских обстоятельств времени, и русскоязычные обучающиеся, согласно принципу экономии языковых усилий, начинают использовать ту же модель в английском языке на постоянной основе.

5. Ряд психологических и социокультурных факторов, оказывающих влияние на билингвизм, изучение языка, и, следовательно, возникновение межъязыковой интерференции, в частности способность разделять два языка, относительный уровень владения языками, способ изучения языков, отношение к языкам в целом, стереотипное отношение сообщества к каждому из языков, отношение к культуре каждого из языковых сообществ, (не)терпимость сообщества к смешению кодов и языковым ошибкам и т. д. [Вайнрайх 1979].

В данном исследовании мы ставим цель – изучить механизм репласации при постановке обстоятельств в англоязычной речи носителей русского языка. Таким образом на данном примере мы рассмотрим интерференцию, возникающую на синтаксическом уровне, и проверим справедливость вышеуказанных положений. Следует отметить, что в английском языке единого свода правил и закономерностей, которым говорящий мог бы руководствоваться при выборе позиции обстоятельства, не существует. Многие учебники не содержат информации по этому вопросу, данные грамматик противоречивы. Можно найти расхождения не только между пособиями, созданными отечественными и британскими авторами, но и между учебниками, написанными исследователями из одной страны. Так, информация в Оксфордской практической грамматике может отличаться от данных практической грамматики, выпущенной Кембриджем. Различия вызваны и разными методами исследования, и разной степенью обобщенности изложенных закономерностей.

В связи с этим стала очевидна необходимость получения объективных данных о постановке английских обстоятельств. Для достижения этой цели мы провели корпусный анализ 22 обстоятельств,

выраженных наречиями (анализировалось по 50 примеров с каждым наречием из Британского Национального Корпуса). Метод корпусного анализа обладает рядом преимуществ, например обеспечивает большую объективность результатов и позволяет экономить время на анализе источников, так как все необходимые действия сводятся к анализу и интерпретации полученных данных. Кроме того, корпусный анализ не ограничен стилистически: лингвистический корпус включает тексты из широкого спектра жанров.

С помощью указанного метода нам удалось подтвердить некоторые фундаментальные закономерности использования обстоятельств в английском языке, как-то:

1. Большинство обстоятельств предпочитает *конечную* позицию в предложении [Biber et al. 2003]. Например:

This happened to me today, it will happen to you tomorrow.

Данное правило может нарушаться в следующих случаях: (а) текст принадлежит к стилю, обладающему рядом особенностей в порядке слов (например, публицистический); (б) обстоятельство используется при сопоставлении или (в) устанавливает сцену действия; (г) обстоятельство состоит из малого количества слогов [Biber et al. 2003; Hewings 2005]:

- a. Princess Margaret, Patron of the Halle Concerts Society, tomorrow attends a performance by the Halle Orchestra at Henbury Hall, Macclesfield.
- б. Tomorrow, she promised – not of course that Ven was likely to want to accompany her anywhere for a third day in a row – but tomorrow she would insist on going sightseeing on her own.
- в. Tomorrow, the fourth anniversary of the fatwa falls.
- г. At that instant, his paralysis vanished and he moved quickly towards the glass door.

2. Правило МРТ (manner – place – time) устанавливает **очередность следования обстоятельств** в конечной позиции: образ действия – место – время [Biber et al. 2003]. Например:

We haven't as yet, erm the problem is I don't normally deal with the subcommittee, the person that's that should be dealing with it is not here today, so I've been unable to track down a copy of this letter.

Данное правило может нарушаться в следующих случаях: (а) наиболее длинные обстоятельства предпочитают позицию в конце предложения; (б) обстоятельство употребляется в целях эмфазы; (в) присутствует плотная семантическая связь обстоятельства с другими членами предложения [Biber et al. 2003], например:

- a. I think a minister has the right to take his pleasure once a week in a football stadium.
- б. So he'll find me tomorrow, *there*, by the Madonna?
- в. I came across from Oban – made a run for it, with the weather worsening all the time, but got here *safely* and made straight for our bay.

Более точное обстоятельство времени предшествует более общему (это правило не используется в словосочетаниях типа *tomorrow morning* и т. п.) [Каушанская и др. 1963], например:

Then why don't you come down to the marina at five tomorrow morning.

3. Обстоятельства частотности предпочитают срединную позицию [Каушанская и др. 1963], например:

'I'd never laugh at this,' said Lucy.

4. Обстоятельства меры и степени употребляются перед определяемым словом, например:

The police were quite definite about that.

5. Вводные слова, в английской грамматической традиции причисляемые к обстоятельствам (stance adverbials), предпочитают срединную позицию [Biber et al. 2003], например:

I should probably convert the other half into flats.

6. Некоторые союзы и вводные слова, в английской традиции причисляемые к обстоятельствам (linking adverbials), обычно используются: а) в начальной позиции, хотя некоторые из них; б) занимают срединную позицию в отдельных стилях (научном и публицистическом) [Biber et al. 2003; Hewings 2005], например:

a. However, all is not lost!

б. In Italy and France, however, these super-irons are commonplace and account for 50 per cent of annual sales.

7. Обстоятельства образа действия обычно ставятся: (а) после первого вспомогательного глагола, если таковых два, при этом постановка после второго вспомогательного глагола также возможна, но стилистически и функционально ограничена: (б) подобное использование встречается только в художественных текстах и только в страдательных конструкциях [Каушанская и др. 1963; Murphy 2005]. Например:

- a. The sphere of influence has suddenly been increased and another 300 000 people are likely to be attracted towards Hull.
- б. Had been suddenly called away to the funeral of a close relative?

8. Обстоятельство *now* может занимать любую позицию в предложении [Каушанская и др. 1963], хотя функция слова меняется в зависимости от положения. Например, в начальной позиции это обстоятельство используется: (а) для противопоставления или (б) для изображения сцены действия или смены темы, срединная же (в) и конечная (г) позиции чаще всего используются, если *now* является избыточным в смысловом аспекте и необходимо для ритмически удобного оформления предложения (хотя употребление *now* в конечной позиции для противопоставления также возможно). Например:

- a. We thought all our problems were over when we finally got the rig set up, but now we've got to examine a deluge of fresh rock!
- б. Bruno had taken his wallet; now he snorted.
- в. I am now writing to confirm that we would like to film at Jodrell Bank on the afternoon of Wednesday 14 June.
- г. Politically there is more freedom now but life has got tougher and though we had much help from the West, it is still difficult.

В то же время с помощью корпусного анализа нам удалось обнаружить и случаи, в описании которых современные грамматики допускают неточности:

1. Обстоятельства частотности используются более свободно, нежели изложено в учебных пособиях. К примеру, наречие *often* может быть использовано в конечной позиции не только в связке с интенсификаторами *quite* или *very* [Thomson, Martinet 1986], но и независимо, например:

If the account is well run, you should not need to see the management supervisor often, but, to be serious, a valuable contribution may well be made to your business through his or her wider experience...

В случаях, связанных с эмфатическим употреблением обстоятельств, могут нарушаться практически любые правила, например: (а) правило о срединной постановке обстоятельств частотности или (б) правило о постановке обстоятельства после первого вспомогательного глагола:

- a. Three, five, and when you've worked these square roots out, they always come out the opposites sides, it's always plus or minus, always, always, always.
- б. I had wagered a purse that I would beat him at bowls and Drake never could resist gold.

Обстоятельства *occasionally* (а), *generally* (б) и, особенно, *sometimes* (в) используются не только в середине или конце предложения, как утверждается в подавляющем большинстве грамматик [Каушанская и др. 1963], но и в начальной позиции, например:

- a. Occasionally she has behaved like this when I am with her, and my mother out.
- б. Generally, when things fall apart and get desperate I just go out into the garden, anchor myself to the earth.
- в. Sometimes Zamaron entertained the artists at his home.

В то же время слова *always*, *never*, *hardly ever* практически всегда занимают в предложении срединную позицию. Данный факт можно объяснить тем, что последние выражают практически абсолютную частотность или ее отсутствие, в то время как *occasionally*, *generally* и *sometimes* выражают среднюю степень частотности и предполагают возможность их использования для выражения противопоставления. И действительно, если внимательно изучить примеры постановки *sometimes* в начальной позиции, можно обнаружить, что в большинстве случаев обстоятельство используется для этой цели, и часто ему предшествуют союзы *but* или *however*, например:

But sometimes Donald comes to see me.

2. Утверждается, что многие обстоятельства меры и степени (например, *completely*, *enormously*, *greatly*, *entirely*, *slightly*) могут

использоваться как в срединной позиции перед глаголом, к которому они относятся, так и в конце предложения [Hewings 2005]. Однако эти данные нуждаются в уточнении. Во-первых, каждое из этих обстоятельств демонстрирует свои уникальные закономерности в использовании. Например, *completely* используется перед глаголом в два раза чаще, чем в конце предложения, а *greatly* – в семь раз. Обстоятельство *slightly*, наоборот, предпочитает конечную позицию, в которой используется более чем в половине случаев. Во-вторых, все вышеуказанные обстоятельства могут быть использованы в еще одной, не упомянутой в грамматиках позиции: в середине предложения, но после глагола, например:

It helps publishers enormously in judging the merits of your song.

Такая постановка типична для обстоятельств *enormously* (наравне с конечной) и *entirely* (наравне с препозицией глаголу).

3. Обстоятельство *then*, согласно современным грамматикам, может занимать любую позицию в предложении [Каушанская и др.]. Тем не менее в реальном дискурсе использование *then* не так свободно. Использование обстоятельства в конечной позиции ограничено разговорным стилем и более краткими предложениями (а), в то время как начальная постановка, часто связанная с использованием наречия для перечислений, встречается в 66% всех случаев (б). В этой функции *then* может использоваться и в середине предложения, связывая однородные члены (в), например:

a. How many tapes have you got to do then?

б. In 1969 he had been made assistant secretary to the Diocesan Schools Commission, becoming principal secretary three years later, he also became a member of the Finance Commission, and then in 1972 Bishop Wheeler appointed him his personal private secretary at Bishop's House.

в. It was enough to fish for an hour and then go home.

4. Особое внимание стоит обратить на наречие *only*. Проблемы с его типичной позицией заключаются в том, что в британской лингвистической литературе уже более двухсот лет ведутся дискуссии на тему того, как же должно использоваться данное обстоятельство. Одни источники указывают на необходимость постановки *only* непосредственно

перед словом, к которому оно относится (а), другие же говорят о том, что стоит придерживаться узуального употребления, а именно – постановки перед смысловым глаголом (б) [Modifier Placement]. Например:

- a. But during the 1990s the workforce is expected to grow by only 0.5–0.7% a year.
- б. We can only conclude that it was chiefly in the enthusiasm with which the British talked about it all.

Осложняет ситуацию и тот факт, что в некоторых случаях *only* используется в конечной позиции, например:

Fragments A and D contain ‘Let’ verses only, Fragment B contains only ‘For’ verses after verse 295...

Корпусный анализ показал, что в случаях, где возможны все варианты постановки, употребление перед сказуемым встречается наиболее часто, хотя использование перед словом, к которому наречие относится, тоже возможно.

Данная актуальная информация об употреблении английских обстоятельств позволяет сравнить правила их постановки с закономерностями использования их русских эквивалентов. В целом, важно отметить, что в русском языке обстоятельства предпочитают постановку в начале предложения или, по крайней мере, перед сказуемым. Если говорить о более конкретных различиях, необходимо отметить то, что:

1. В английском языке обстоятельства *alone, before, either, ever since, lately* и *yet* (в одном из своих значений) используются практически исключительно в конечной позиции, в то время как их русские эквиваленты обычно употребляются в начале или середине предложения [Качалова, Израилевич 1957; Thomson, Martinet 1986], например:

I’ve been here before. – Я здесь раньше был.

I haven’t met her ever since. – С тех пор я ее не видел.

2. Обстоятельство *enough* используется после определения, к которому оно относится, в то время как русские эквиваленты – перед таковым, например: *young enough* – довольно молодой;

3. Обстоятельство *hardly ever* может занимать только срединную позицию, тогда как русские эквиваленты могут встречаться и в начале высказывания, например:

He hardly ever meant it. – Едва ли он так думал на самом деле.

4. обстоятельство *only* может занимать самые разные позиции в предложении, в то время как его русские эквиваленты обычно находятся в непосредственной близости к слову, к которому они относятся (в пре- или постпозиции), например:

I only speak two languages. / I speak only two languages.
Я знаю только два языка.

5. В русском и английском языках действуют разные правила следования обстоятельств: в английском языке, согласно правилу МРТ, обстоятельства времени предшествуют обстоятельствам места. В русском языке ситуация иная, тем более что русские обстоятельства времени и места стремятся попасть в разные концы предложения, например:

We'll go there tomorrow. – *Завтра мы пойдём туда.*

6. Обычно английское обстоятельство не отрывает глагол от дополнения (а), в русском языке обстоятельство ставится между ними (б), если только на последнем не делается акцент, как в (в) [Качалова, Израилевич 1957; Murphy 2005; Thomson, Martinet 1986], например:

- а. He put his things on the table.
- б. Он положил на стол **вещи**.
- в. Он положил **вещи** не в шкаф, а на стол.

7. Наконец, в русском и английском языках различается понимание инверсии. В английском она подразумевает, помимо смещения акцентуемого элемента в начало предложения, перемену мест между подлежащим и сказуемым (а). В русском языке не только меняются местами главные члены: переворачивается всё предложение (б) [Русская грамматика, т. 2. 1980; Viber et al. 2003]. Например:

- а. Here comes John.
- б. *Рубашку задом наперед надел!*

Выявление данных различий позволяет проверить на практике актуальность потенциальной интерференции. С этой целью нами было проведено анкетирование, в котором приняли участие 30 учеников 8-го, 10-го и 11-го классов московских школ и 30 студентов II, III и IV курсов Московского государственного лингвистического университета. Тест состоял из двух заданий, каждое из которых

включало 15 предложений. В первом задании респонденты должны были выбрать правильную позицию для данного обстоятельства в предложении, во втором – выполнить перевод 15 предложений с русского на английский.

Анализ ответов учащихся помог, во-первых, выявить, какие именно обстоятельства вызывают наибольшие трудности у школьников и студентов, и, во-вторых, узнать, есть ли другие факторы, не упоминаемые в теоретических работах и все-таки имеющие шанс вызвать межъязыковую интерференцию.

Что касается первого задания, оказалось, что наибольшие проблемы вызывают (а) некоторые обстоятельства времени (особенно *ever since*, у школьников также *hardly ever* и *lately*), (б) некоторые обстоятельства степени (в основном обстоятельство *only*, которое использовалось не самым типичным образом – перед определяемым словом – у школьников также обстоятельства *alone* и *either*), (в) в длинных предложениях обучающиеся забывали о предпочтительности использования обстоятельств после первого вспомогательного глагола, (г) в некоторых предложениях часто нарушалось правило МРТ. У школьников также проблемы вызывали (д) высказывания с инверсией. Например:

- а. Я никогда не говорила об этом, но с тех пор я чувствовала себя очень плохо. – *I have never spoken about it, but ever since I felt myself really bad¹.
- б. Только за один год он посетил более 60 городов. – *Alone in one year he has visited over sixty cities.
- в. Обычно к ноябрю уже было решено, кто будет выступать на собрании. – *Usually in November it has already been decided who will speak at the meeting.
- г. Они медленно ехали по городу. – *They slowly went through the town.
- д. Все знают об этом, и он тоже. – *Everyone knows about it, and he so.

Результаты теста также помогли нам определить некоторые факторы, влияющие на интерференцию. Во-первых, определенную разницу

¹ Здесь и далее приводятся наиболее типичные ошибочные ответы респондентов (помечены *).

между результатами школьников и студентов обуславливает разный опыт использования языка и разный период его изучения. Во-вторых, большую роль сыграл и тот факт, упоминалось ли в классе типичное употребление того или иного обстоятельства. Например, меньше всего ошибок школьники допустили в использовании слов *yet* и *enough* – одних из немногих обстоятельств, чья позиция обговаривается на уроках английского языка в школах. В то же время редко используемые на уроке наречия *ever since* или *hardly ever* действительно оказались для школьников проблемой. Наконец, на результаты респондентов повлиял и тип задания: часто результаты перевода были значительно хуже результатов первого задания, что неудивительно, поскольку при переводе контакт с родным языком становится намного сильнее, что увеличивает его влияние на иностранную речь. По некоторым переведенным предложениям можно видеть, что многие ученики, имеющие довольно низкий уровень владения иностранным языком, фактически используют иностранные слова для построения, с грамматической точки зрения, русских предложений. Например, предложение *На улице немного людей*. иногда переводилось как **In the street a few people*. или **Little people in the street*. Будучи абсолютно неверными с точки зрения английской грамматики, предложения дословно переводятся обратно на русский язык, зеркально отражая исходное предложение.

В заключение можно сказать, что правила постановки обстоятельств в английском языке описаны неисчерпывающе, что говорит о необходимости дополнительной проверки данных, изложенных в справочной литературе. Кроме того, этот анализ должен охватывать как можно больше отдельных слов, так как, как мы видели, каждое обстоятельство характеризуется своими особенностями использования. Многие же из обстоятельств времени, меры и степени, чья обычная постановка не вызывает сомнений, употребляются отлично от русских эквивалентов, что выливается в ошибки, которые могут быть объяснены и предотвращены с помощью теории межъязыковой интерференции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алимов В. В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 40 с.

- Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
- Каушанская В. Л., Ковнер Р. Л., Кожевникова О. Н., Прокофьева Е. В., Райнес З. М., Сквирская С. Е., Цырлина Ф. Я. A Grammar of the English Language. Л. : Учпедгиз, 1963. 320 с.
- Качалова К. Н., Израилевич Е. Е. Практическая грамматика английского языка. М. : Внешторгиздат, 1957. 720 с.
- Попова Н. М. Интерференция при многоязычии (адвербиальные способы выражения итеративности) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 143 с.
- Русская грамматика. Т. 2 [под ред. Н. Ю. Шведовой]. М. : Наука, 1980. 710 с.
- Biber D., Conrad S., Leech G. Longman Student Grammar of Spoken and Written English. Pearson Education Limited, 2003. 487 p.
- British National Corpus. URL : www.natcorp.ox.ac.uk/
- Hewings M. Advanced Grammar in Use. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 294 p.
- Modifier Placement / Capital Community College. URL : grammar.ccc.commnet.edu/grammar/modifiers.htm
- Murphy R. English Grammar in Use. Singapore : Cambridge University Press, 2005. 379 p.
- Thomson A. J., Martinet A. V. A Practical English Grammar. Hong Kong : Oxford University Press, 1986. 332 p.

УДК 81-112

И. С. Лебедева, Е. Б. Павлова

Лебедева И. С., кандидат филологических наук, доцент каф. грамматики и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Павлова Е. Б., кандидат филологических наук, доцент каф. грамматики и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: lena.pavlova@live.ru

ИНТЕНСИФИЦИРУЮЩИЕ НАРЕЧИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ

В статье прослеживается развитие и становление системы интенсифицирующих наречий в истории английского языка. Рассматриваются наиболее частотные и продуктивные интенсифицирующие наречия для каждого периода: древнеанглийский (V–XI вв.), среднеанглийский (1066–XV вв.), ранний новоанглийский (1475–1660). В работе приводится большое количество примеров для каждого исторического периода, что облегчает понимание исследуемого материала. Для среднего и раннего новоанглийского периодов анализу подвергаются работы Дж. Чосера и В. Шекспира, которые являются эталонными произведениями для соответствующих исторических этапов развития языка. Особое внимание в статье уделяется процессам делексикализации и грамматикализации рассматриваемых форм, а также анализируются случаи, в которых интенсифицирующие наречия не полностью утрачивают свое лексическое значение.

Ключевые слова: интенсификатор; грамматикализация; делексикализация; интенсифицирующее наречие, диахронный аспект.

I. S. Lebedeva, E. B. Pavlova

Lebedeva I. S., Ph.D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU; e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Pavlova E. B., Ph.D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU; e-mail: lena.pavlova@live.ru

INTENSIFYING ADVERBS IN THE ENGLISH LANGUAGE VIEWED DIACHRONICALLY

The article looks into the evolvement of the system of intensifying adverbs in the history of the English language. The most common adverbs performing the intensifying function are viewed diachronically throughout different historical periods of English: Old English (V–XI centuries), Middle English (1066–XV century), Early New English (1475–1660). Abundant authentic examples which illustrate the use of intensifiers in each historical period are provided to improve understanding. G. Chaucer's and W. Shakespeare's works are analysed as classic examples of literature of Middle and

Early New English respectively. Considerable attention is given to the processes of delexicalization and grammaticalization. Delexicalized intensifying adverbs are viewed separately.

Key words: intensifier; grammaticalisation; delexicalisation; intensifying adverb; diachronic approach.

На протяжении тысячелетий система английских интенсифицирующих наречий постоянно менялась. На первый взгляд может показаться, что всем привычный *very* существовал в языке всегда. Но это не так. *Very* – относительно новый элемент в системе интенсифицирующих наречий.

Ранние примеры использования интенсифицирующих наречий относятся к **древнеанглийскому периоду** (ОЕ), где в основном используется *swīpe* / *swȳpe* / *swȳðe* / *swīðe*:

Hē sǣde þeah þæt þæt lande sīe **swīpe** lanȝ norþ þðnan (*very long*);

For-ðæm hīe habbað **swīpe** æpele bān (*very excellent, noble*);

Hē wæs **swȳðe** spēdiȝ man on þæm æhtum þe heora spēda on bēoð
(*very prosperous, rich*);

Westseaxna lȝnd **swīpe** be þæm sūðstæēe mid stælherȝum (*very near*);

Þā ēac **swīðe** unēðelīce āseten (*very difficult*);

þæt þæt weorc is **swīðe** plēolīc (*very dangerous*);

Swīpe ȝedyrstig wære þū þā! (*very bold*);

Far nū **swīpe** hraðe and seȝe þinum rēpan hlāforde (*very quick*);

And æfter þām **swīðe** raðe wæs Brihtnōð (*very quickly, soon*).

Swīpe / *swȳpe* / *swȳðe* / *swīðe*, встречающийся в ОЕ в значении *very* как интенсификатор наречий¹:

and wende þā **swīðe** raðe abūtan Eastenglum into Humba mūþān
(*very quickly*);

ond ðē **cȳðan** hāte ðæt mē com swīðe oft on zemȳnd (*very often*)

и прилагательных:

þær bið **swīðe** mycel ȝewinn betwēðnan him (*very big*);

¹ Интенсифицирующие наречия могут модифицировать значения разных частей речи (heads): прилагательных, наречий, глаголов в личной форме, существительных. Однако чаще всего интенсифицируются прилагательные [Backlund, 1973; Bolinger, 2013; Macaulay, 2002; Quirk et al., 1985].

lc zesēo þē habban zōde zefēran and **swīpe** nytte (*very useful*);
Sēo sunne is **swīðe** micel (*very large*),

подвергся процессу делексекализации¹ (delexicalization) [Partington, 1993; Tagliamonte & Roberts, 2005] и полностью утратил свое лексическое значение *strongly, mightily, greatly, cruelly*. Однако как модификатор глаголов *swīpe / swyþe / swyðe / swīðe* в период ОЕ всё еще сохраняет свое лексическое значение, что свидетельствует о том, что процесс грамматикализации (grammaticalization) и параллельно делексикализации в древнеанглийский период еще не завершился:

Ond hē þā of innerswearde heortan **swīðe** sworette and ðus cwæð
(*sighed strongly*);
Anzēlcyn ealles for **swīpe** zebrokoð (*strongly hurt*);
Sum slōh mit slecze **swīpe** þā hæpsan (*beat, attacked mightily*);
Hē mid billum weorð, his swstersunu, **swīpe** forhēawen (*cruelly cut down*);
Nū fela zēara dwelode tō **swyþe** (*deceived too greatly*).

Чуть менее частотен в древнеанглийский период полностью делексикализованный на тот момент *swā*, который выполняет интенсифицирующую функцию и употребляется с прилагательными и наречиями:

Nān winter **swā** stearc (*so severe*);
Nū wære þu **swā** zedyrtig (*so daring, bold*);
Þæt hē **swā** zeornfully zemenne dyle ymb þa hælo ūre þēode (*so willingly*);
Swā fæzer feorh (*so beautiful*);
þām brōþran tō brýce on ēce **swā** full (*so full*);

Наряду со *swīpe / swyþe / swyðe / swīðe* и *swā* в древнеанглийский период встречаются случаи употребления *ful* и *fullice* как интенсифицирующих наречий, которые менее частотны, чем *swīpe / swyþe / swyðe / swīðe* и *swā*. *Ful* – делексикализованная форма, модификатор наречий и прилагательных:

¹ По мнению Partington (1993) и Tagliamonte and Roberts (2005), делексикализация – это процесс, в ходе которого лексическая единица утрачивает свое самостоятельное лексическое значение и начинает выполнять вспомогательные грамматические функции. Процесс делексикализации, как правило, сопровождается процессом грамматикализации. Более подробно см. [Лебедева, Павлова 2016].

ƿā swæð Æamond cyninƷ **ful** cēne wæs (*very brave*);
Hē **ful** baldelice beorn as lærde (*very bravely*);
Hē **ful** yrre wōd (*very angry*).

Fullice находится на ранней стадии процесса грамматикализации и, следовательно, делексикализации, т. е. всё еще сохраняет свое лексическое значение. Как модификатор глаголов и существительных *fullice* употребляется в значении *fully, entirely*:

ƿæt hī him mid fæstan **fullice** ƿrȳ dazas (*for entirely three days*);
ƿræl þe hē ær āhte **fullice** āfylle (*fully, entirely slays*);
Ʒif ƿræl þeƷe **fullice** āfylle (*fully, entirely slays*).

К древнеанглийскому периоду следует относить появление интенсифицирующего наречия *micle / miccle*, так как в древнеанглийских источниках были зафиксированы единичные случаи употребления данной формы:

Swā micle leng (*so much*);
Sege ƿinum lēodum **miccle** lāpre spell (*much hateful, hostile*).

Также был отмечен единственный случай использования *wel* как интенсифицирующего наречия со значением *very*, что может говорить о начале его употребления как делексикализованной формы в этот период:

Holdeƿ **wel** nyh firste longage and speche (*very near*).

Однако в подавляющем числе случаев *wel* сохраняет свое лексическое значение «well, readily, fairly» и употребляется как модификатор глаголов:

ƿæt hig mihton ƿām folce **wel** wissian tō Godes Ʒelēafan (*guide, direct well*);
ond hē ƿæt **wel** ƿafode (*readily consented*);
ƿēah hȳ **wel** spæcan (*speak fairly*).

В среднеанглийский период (XIII–XV вв.) парадигма интенсифицирующих наречий расширяется. Примеры использования *swīðe* всё еще встречаются в этот период, однако становится заметно, что данная форма постепенно утрачивает свои позиции:

ƿēs wæs **swīðe** oht king unimete kene, and he wæs **swīðe** riche
(*very strong, very rich*);
He letten bulden þe hallen **swīðe** muchele mid alle (*very much*).

Очевидно, что процесс делексикализации *swīþe / swūþe / swyðe / swīðe* к этому времени уже полностью завершился, случаев его использования в первоначальном лексическом значении *strongly, mightily, greatly, cruelly* отмечено не было. На смену *swīþe / swūþe / swyðe / swīðe* приходит *ful / full*¹:

And te33re steorne wass hemm þā **full** rædi3 upp o liffte (*fully ready*);
He was **ful** riche (*very rich*);
And hym salusit **full** curtasly (*very politely, courteously*);
Some putten hem to the plow played **ful** selde, in setting and in swonken **ful**
harde (*very seldom, very hard*);
þer tournayed tulkes bi-tymez **ful** mony (*very many*).

Также был зафиксирован случай использования *verrailly*:
Was **verrailly** felicitee parfit (*truly, very perfect*).

В творчестве Дж. Чосера (1345–1400) *ful* – самая распространенная форма, модификатор прилагательных и наречий:

A lymytour, a **ful** solempne man (*very festive, pompous*);
He hadde maad **ful** many a marriage (*very many*);
He was a lord **ful** fat (*very fat*);
But al with silver, wroght **ful** clene (*very clean*);
It is **ful** fair to been y-cleped ma dame (*very lovely*);
Hir coverchiefs **ful** fine were of ground (*very fine*);
That hadde y-lad of doing **ful** many a fother (*very many*);
Hise tithes payede he **ful** faire (*very beautiful, lovely*);
Maidens been y-kept, for jelosye, **ful** streite (*very strongly*);
my lyff is **ful** lath (*very dangerous*);
and hard sentence is **ful** hevy atones, for swich a child to lerne (*very heavy*);
He, a **full** gode man (*very good*).

Процесс делексикализации *ful / full* завершился еще в древнеанглийском периоде, в творчестве Дж. Чосера форма функционирует как полностью грамматикализованная.

¹ Случаев использования формы *fullīce* в среднеанглийский период зафиксировано не было.

Не уступает по частотности *so*:

Ther beth **so** manye parteners (*so many*);
For loupe he **so** liztly (*so lightly*);
And born hym, as of **so** little space (*so little*);
She was **so** charitable and **so** pitous (*so charitable and so sympathetic*);
No cristen man **so** ofte of his degree (*so often*);
And born hym weel, as of **so** litel space (*so little*);
For many a man **so** hard is of his herte (*so hard*);
He semed swich, his wordes weren **so** wise (*so wise*);
Is noon that kan **so** muche of daliaunce and fair langage (*so much*);
Of fissh and flessch, and that **so** plentevous (*so plenty*).

В среднеанглийском периоде *so* – результат преобразования интенсифицирующего наречия *swā* в древнеанглийском периоде, который уже тогда выступал как делексикализованная форма, выполняющая интенсифицирующую функцию.

Чуть менее частотно наречие *right*, которое в основном интенсифицирует значения прилагательных:

And he nas nat **right** fat, I undertake (*very fat*);
Eek therto he was **right** a myrie man (*very merry*);
Ye been to me **right** welcome (*very welcome*);
And he bigan with **right** a myrie cheere (*very merry*);
And bryngen harneys **right** ynough for thee (*very much enough*);
Were in this world, is **right** ynogh for me (*very much enough*);
Trusteth **right** wel, they were nat maad for noght (*very well*);
Made me **right** gode chere (*very good*).

Однако в нашем корпусе для среднеанглийского периода были также зафиксированы случаи употребления *right* как модификатора наречия *wel* (современный *well*):

Woot **right** wel, thou darst (*very well*);
I woot **right** wel I nam but deed (*very well*).

Интенсифицирующее наречие *right* восходит к древнеанглийскому наречию *rihte* (properly, correctly), который в среднеанглийском периоде подвергается делексикализации.

К этому периоду следует отнести появление *verray*. У Дж. Чосера *verray* используется как интенсифицирующее наречие перед прилагательным *parfit* (современный perfect) – грамматикализованная форма:

He was a **verray** parfit praktisour (*very perfect*);
He was a **verray** parfit gentle kniht (*very perfect*).

Однако в этот период *verray* все еще употребляется как прилагательное с самостоятельным лексическим значением *real, true* перед существительными, что свидетельствует о неполной делексикализации формы:

A **verray** pestilence up-on yow falle! (*real plague*).

В произведениях Дж. Чосера были отмечены многочисленные случаи употребления *wel*, что свидетельствует о начале его использования как интенсифицирующего наречия предположительно в этот период. *Wel* использовался как полностью делексикализованное наречие в значении *much* перед глаголами:

Wel loved he by the morwe a sop in wyn;
Wel loved he garleek, oynons, and eek lekes;
So **wel** they lovede, as olde bookes sayn;
But half so **wel** biloved a man as he.

А также перед прилагательными в сравнительной степени:

His purchas was **wel** bettre than his rente;
Wel bettre than they kan hemself devyse?

и наречиями:

And yet dooth junno me **wel** moore shame.

К этому периоду относятся первые случаи употребления *most* как интенсифицирующего наречия:

The whiche of hem han spoken **most** reasonably (*most reasonably*).

Также был отмечен случай использования наречия *wel* в значении *very* как модификатора прилагательного *good* в положительной степени:

He was a **wel good** wrighte, a carpenter.

У Дж. Чосера был зафиксирован случай сочетания интенсифицирующих наречий:

Ful **wel** biloved and famulie;

As he that hadde his deeth **ful wel** deserved.

К началу **раннего новоанглийского периода** полностью завершается процесс делексикализации *verray*, изменяется и его написание: *verye* / *very* / *verie*. В этот период *verye* / *very* / *verie* используется как полностью грамматикализованная форма для интенсификации прилагательных:

Even of **verye** necesstie, to have regarde to hym selfe;

That it is not **very** necessary to the commen wealth;

Either **verie** fortunate for them selues, or **verie** profitable to serue the common wealth;

и наречий:

Sharpe tooles, whose edges be **verie** soone turned;

For, quicke in witte, and light in maners, be either seldome troubled, or **verie** soone weery, in carying a heuie purse.

В раннем новоанглийском периоде *most* как интенсифицирующее наречие становится более частотным:

Was a happie imitator of Nature, was a **most** gentle expresser of it
(*most gentle*);

And he's of a **most** facinerious spirit that will not acknowledge
(*most fascinating*);

Was a happie imitator of Nature, was a **most** gentle expresser of it
(*most gentle*);

And he's of a **most** facinerious spirit that will not acknowledge
(*most fascinating*).

Во времена **В. Шекспира** (1564–1616) *very* укрепил свои позиции и приобрел современные очертания. В этот период *very* – полностью грамматикализованная форма, выступающая в роли модификатора наречий:

He was excellent indeed, madam: the king **very** lately spoke of him admiringly and mourningly;

But yet she is not well: but thanks be given, she's **very** well and wants nothing
i', the world; but yet she is not well;
If she be **very** well, what does she ail, that she's not **very** well.
Truly, she's **very** well indeed, but for two things.

и прилагательных:

Madam, I was **very** late more near her than I think she wished me;
Do you cry, 'O Lord, sir!' at your whipping, and 'spare not me?' Indeed your
'O Lord, sir!' is **very** sequent to your whipping:
She is not well; but yet she has her health: she's **very** merry;
A **very** serious business calls on him;
I do assure you, my lord, he is **very** great in knowledge and accordingly
valiant;
O, I know him well, I, sir; he, sir, 's a good workman, a **very** good tailor;
My haste is **very** great: farewell; hie home;
A **very** tainted fellow, and full of wickedness;
Nay, 'tis strange, 'tis very strange, that is the brief and the tedious of it and he's
of a most facinerious spirit that will not acknowledge it to be the Good, **very**
good; it is so then: good, **very** good; let it be concealed awhile.

В этот период *most* становится чрезвычайно частотным наречием степени – интенсификатором прилагательных:

Thou art a **most** pernicious usurer;
The gentleman is learn'd, and a **most** rare speaker;
My father's loss, like a **most** royal prince;
A **most** unnatural and faithless service!
You'll find a **most** unfit time to disturb him;
A **most** arch heretic, a pestilence;
To a **most** noble judge, the king my master;
A **most** unspotted lily shall she pass;
To a **most** base and vile-concluded peace;
This news hath made thee a **most** ugly man;
To a **most** festinate preparation ;
A **most** poor man, made tame to fortune's blows;
Armado is a **most** illustrious wight;
A **most** fine figure!

She is a **most** sweet lady;
A **most** poor issue?
In all the rest show'd a **most** noble patience.

Чуть менее частотен *right*:

Go on **right** royal;
And buy it with your gold **right** suddenly;
He's **right** noble;
Worthy the pressing – lies a mole, **right** proud ;
And am **right** sorry that I must report ye;
And am **right** glad he is not standing here;
My honour'd lord, you know **right** well you did;
Your lordship is **right** welcome back to Denmark;
A hundred almshouses **right** well supplied.

За ним следует *so*:

Yet these fixed evils sit **so** fit in him;
Sir, a father: he that **so** generally is at all times;
No, madam, 'tis not **so** well that I am poor, though ;
Are thou **so** confident?
So much unsettled: this drives me to entreat you;
Something; and scarce **so** much: nothing, indeed.

К началу раннего новоанглийского периода *wel* утратил интенсифицирующую функцию, зафиксированы единичные случаи его использования как интенсифицирующего наречия у В. Шекспира:

If I break time, or flinch in property
Of what I spoke, unpitied let me die,
And **well** deserved: not helping, death's my fee;
But, if I help, what do you promise me?

Интенсифицирующие наречия быстро развиваются и изменяются. Они представляют собой открытый класс слов, который постоянно пополняется новыми формами. Это объясняется тем, что с течением времени интенсификаторы растрачивают свой потенциал, при частом

использовании они становятся привычными, утрачивают оригинальность и перестают соответствовать ожиданиям носителей языка. Следовательно, их место занимают формы с новым оригинальным звучанием, способные наполнить речь экспрессией.

Таблица 1

Развитие системы интенсифицирующих наречий

Древнеанглийский период (V–XI вв.)	Среднеанглийский период (1066 – XV вв.)	Ранний новоанглийский (1475–1660)
<i>swīþe / swūþe / swīðe / swīðe</i>	<i>ful / full</i>	<i>verye / very / verie</i>
<i>swā</i>	<i>so</i>	<i>right</i>
	<i>right</i>	<i>so</i>
	<i>wel</i>	<i>well</i>
<i>ful</i>		<i>most</i>
<i>fullīce</i>	<i>swīðe</i>	
<i>micle / miccle</i>	<i>verraily / verraily</i>	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванова И. П. Хрестоматия по истории английского языка: пособие для студентов педагогических институтов. Ленинград : Просвещение ленинградское отделение, 1973. 182с.
- Лебедева И. С., Павлова Е. Б. Intensifiers in Modern English // Грамматические исследования в современной лингвистической и лингводидактической парадигме. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 43–57. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 21 (760). Сер. Языкознание.)
- Смирницкий А. И. Хрестоматия по истории английского языка с 7-го по 17-й в. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство наркомпроса РСФСР, 1938. 23 с.
- Backlund U. The Collocation of Adverbs of Degree in English. Uppsala : Almqvist and Wiksell, 1973. 310 p.
- Bolinger D. Degree Words. The Hague : Walter de Gruyter, Inc., 2013. 324 p.
- Macaulay R. Extremely interesting, very interesting, or only quite interesting? Adverbs and social class // Journal of Sociolinguistics. 2002. № 6 (3). P. 398–417.

- Mitchell B., Robinson F. C.* A guide to Old English. 7th ed. Oxford : Blackwell publishing, 2007. 432 p.
- Partington A.* Corpus evidence of language change: The case of intensifiers // Text and Technology : In Honour of John Sinclair / Baker M. et al. (eds.). Amsterdam : John Benjamins, 1993. P. 177–192.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G. & Svartvik J.* A Comprehensive Grammar of the English Language. London : Longman, 1985. 1779 p.
- Tagliamonte S. & Roberts C.* So weird; So cool; So innovative: The use of intensifiers in the television series Friends // American Speech. 2005. 80 (3). P. 280–300. URL : americanspeech.dukejournals.org/cgi/reprint/80/3/280.pdf
- Open Source Shakespeare. URL : www.opensourceshakespeare.org/
- Corpus of Middle English Prose and Verse. URL : name.umdl.umich.edu/CT

УДК 81.367

Ю. Б. Маркова

кандидат филологических наук, доцент каф. грамматики
и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: julia@themarkovgroup.com

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ У ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ

Статья посвящена обзору основных этапов развития письменности у древних германцев: пиктографическое письмо, логографическое, вокализованно-звуковое (на основе рун и латинского алфавита). Автор рассказывает о стихийном и сознательном создании письменности у древних народов и прослеживает историю почерков в феодальной Европе.

Ключевые слова: пиктограмма; логограмма; руны; латинский алфавит; готское письмо.

Y. B. Markova

PhD, Assistant Professor, Chair of Grammar and the History of English,
English Language Department, MSLU; e-mail: julia@themarkovgroup.com

EVOLUTION OF OLD GERMANIC WRITING

The article is dedicated to the survey of the basic stages in the evolution of Old Germanic writing: pictographic, logographic, sound-vocalised (on the basis of runes and Latin alphabet). The author dwells upon spontaneous and intentional creation of writing by ancient peoples and pursues the history of handwriting in feudal Europe.

Key words: pictogram; logogram; runes; Latin alphabet; Gothic writing.

Первобытное письмо возникает тогда, когда человеку нужно зафиксировать торговый обмен, заручиться поддержкой магических сил на охоте с помощью заклинаний, отразить окружающую действительность, включая закрепление в коллективной памяти родового общества рассказа о крупном военном событии в виде рисунка-иллюстрации к устному рассказу, рассказа в картинках, а также выполнить многие другие символические, мнемотические, коммуникативно-мемориальные (например, надгробные надписи) и художественно-пиктографические функции. Почти все письменные памятники, имеющиеся в распоряжении археологов и этнографов, древнешумерские (середина 4-го тысячелетия до н. э.), древнеегипетские (конец 4-го тысячелетия до н. э.), протоиндийские (3-го тысячелетие до н. э.) и древнекитайские (середина 2-го тысячелетия до н. э.) относятся к эпохе энеолита

и бронзы. В эту эпоху возникают более сложные и крупные формы сообществ, общин, такие как племена и их союзы, развивается родоплеменная и личная собственность, выделяются племенные жрецы и вожди. В эпоху бронзы и железа (начало 1-го тысячелетия) возникает первоначальная письменность и у древних германцев. На основе первобытного орнамента-пиктографии, исторически самого древнего типа письма, представлявшего собой сложный рисунок или серию рисунков, не отражавших языковых форм, возникали древнейшие логографические системы, условные знаки, например система германских рунических знаков. На их основе не возникло упорядоченное логографическое письмо широкого назначения (как в Древнем Китае, Египте, Шумерах), а лишь отдельные логограммы узкого применения. Через стадию фразографического письма (его разновидностью также являются древнейшие условные знаки), передававшего целые сообщения, нерасчлененные графически на отдельные слова, исторически первоначальное письмо приходит к логограмме – начертательным знакам, передающим отдельные слова или простейшие словосочетания, самостоятельные семантические единицы речи. Подобные знаки первоначально применялись преимущественно для гадания и магии, а их количество всегда было очень ограничено. Сами германцы считали, что с возникновением рунического письма они были обязаны богу Одину. Со временем, однако, германцы придали руническим знакам новое, буквенно-звуковое, значение.

Консонантно-звуковое письмо с обозначением только согласных звуков появляется во второй половине 2-го тысячелетия, а вокализованно-звуковое с равным обозначением согласных и гласных звуков – с начала 1-го тысячелетия до н. э. Это письмо это предполагало развитые аналитические способности к членению речи на звуки и позволяло обходиться небольшим количеством разных знаков. Распространение буквенно-звукового письма путем заимствований началось с первых веков 1-го тысячелетия до н. э. Финикийский алфавит послужил основой, на которой возникли последующие буквенно-звуковые системы письма, в частности греческое письмо. Со второй половины 1-го тысячелетия до н. э. стремительному распространению буквенно-звукового письма содействовало то, что оно было взято на вооружение могущественными цивилизациями того времени, в частности эллинистической, Римской, затем Византийской, превратившись в официальное письмо западного и восточного христианства.

В начале 1-го тысячелетия до н. э. греки усовершенствовали западносемитское буквенно-звуковое письмо тем, что первыми стали обозначать алфавитными буквами гласные звуки наравне с согласными, что привело к более точной передаче звуков любого языка. На основе греческого письма сформировались почти все системы, наследовавшие греческий принцип вокализованно-звукового письма. Немецкий филолог-классик XIX в. А. Кирхгоф, изучавший историю греческого языка, предложил различать две основные ветви греческого архаического письма: западногреческое и восточногреческое [Кирхгоф 1887]. К первому, среди прочих, восходят руническое и латинское письмо, ко второму – готское. Готское письмо возникло в IV в. н. э. на византийско-греческой основе в результате сознательного индивидуального творчества епископа Вульфилы, создавшего алфавит для восточногерманского племени готов, принявших христианство в том же IV в. Часть букв была заимствована им из латинского письма и германского рунического для передачи особых звуков готского языка. Важнейшим памятником готской письменности является Серебряный кодекс (Евангелие), датированный V в.

Самые древние дошедшие до нас рунические надписи I–II вв. н. э. были найдены в Норвегии. В Германии и Англии рунические памятники датируются VI–VII вв. Наибольшее количество (более двух тысяч) находится в Швеции. Они вырезаны на оружии, украшениях, деревянных предметах утвари и камне. Последние, например, надписи на надгробных стелах, а также дарственные надписи на оружии предназначались для восприятия на расстоянии. Они были крупными и тщательно вычерченными. Мемориальная функция соединялась с изобразительной, которая была понятна как грамотным, так и не умеющим читать. Более поздние рунические надписи выполнены на пергаменте VII–XIV вв., например датский кодекс законов XIII–XIV вв. Очень многие рунические памятники были уничтожены фанатичными ирландскими миссионерами в период христианизации германских племен и их перехода на латиницу. Использование единой системы латинского письма было для римской церкви важнейшим средством сплочения молодых «варварских» народов Западной Европы вокруг христианской церкви. Поскольку скандинавы приняли христианство позднее других германцев, руническое письмо просуществовало в Скандинавии до XVI в. и лучше сохранилось. Будучи вокализованно-звуковым,

каждый знак рунического письма (обычно вертикальный или диагональный) обозначал отдельный гласный или согласный звук и имел название, например «скот», «честь», «бог», «человек», «дар», «год», «день», «море» [Истрин 2010, с. 381]. Во время своего существования количество рун то сокращалось, то вновь увеличивалось. Как отмечалось выше, до знакомства германцев с буквенно-звуковым письмом (латинским, этрусским или греческим) руническое письмо являлось логографическим, примитивным, предназначенным главным образом для гадания и магии. После знакомства с буквенно-звуковой системой письма средиземноморских народов германцы не стали заимствовать эту систему целиком, а лишь переняли ее главный смысл – закрепить за каждым знаком один конкретный звук по акрофоническому принципу в соответствии с первым звуком названия каждой руны. Вместе с этим поменялось графическое изображение рунических знаков – по начертанию они приблизились к соответствующим греческим и латинским буквам.

В период раннего феодализма на основе классического полуунциала возникают местные графические разновидности латинского письма – меровингская в Галии и Германии, лангобардская в Италии, вестготская в Испании, англосаксонская и ирландская. В конце VIII в., в период формирования империи Карла Великого в Западной Европе, латинское письмо снова унифицируется – вводится новый четкий, изящный и округлый почерк «каролингский минускул», который после норманнского завоевания XI в. получил распространение также и в Англии. Его достоинством являлось систематическое разделение слов пробелами и обозначение переносов слов точкой или тире. В XII в. в Германии и Франции возникает «готический минускул» – угловатый, ломаный почерк, который позднее распространился почти по всей Западной Европе. В эпоху Возрождения латинское письмо возвращается к плавным, округлым формам. Это «гуманистическое» письмо сильно напоминает современное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Истрин В. А.* Возникновение и развитие письма. М. : Книжный дом «Либроком», 2010. 616 с.
- Радциг С. И.* История древнегреческой литературы. М., 1959. 197 с.
- Kirchhoff A.* Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets. 4 Auflage. Guetersloh, 1887. 110 p.

УДК 81-112

В. Б. Анисимова

аспирант каф. грамматики и истории
английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: anisimovamslu@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОТНОШЕНИЕ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (диахронный аспект)

В статье рассматриваются диахронные преобразования концепта «отношение» в английском языке с позднедревнеанглийского по классический новоанглийский период. На фоне ослабления морфологического компонента гештальт-структур, репрезентирующих этот концепт, наблюдается усиление их синтаксического и лексического компонентов. Прослеживается связь между изменениями в репрезентации концепта «отношение» и диахронными преобразованиями в лексикосемантической и грамматической подсистемах английского языка.

Ключевые слова: концепт «отношение»; гештальт-структура; морфологический компонент; синтаксический компонент; лексический компонент; гештальт-анализ; семантический анализ.

V. B. Anisimova

Post-graduate student, Chair of Grammar
and History of English, English Department, MSLU;
e-mail: anisimovamslu@gmail.com

DIACHRONIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT 'RELATION' IN ENGLISH

The article discusses diachronic transformation of the concept 'Relation' in the English language over five historical periods from Late Old English to Classical New English. Evidence is provided of intensification of the syntactic and lexical component of gestalt structures verbalizing the concept 'Relation' while the morphological component is weakened. Correlation is established between changes in the representation of the concept and diachronic transformations within the lexical and the grammatical subsystems of the English language.

Key words: concept 'Relation'; gestalt structure; morphological component; syntactic component; lexical component; gestalt analysis; semantic analysis.

As is known, language gradually transforms itself over the centuries adapting to the needs of the times [Aitchinson 2001]. Diachronic approach to cognitive linguistics makes it possible to expand the studies in conceptual

analysis to historical explorations and get a better and more prolific view of the content and structure of a concept [Кузнецов 2007; Сорокина 2012].

Diacronic conceptology is a fairly new branch of cognitive linguistics. The most prominent research in this sphere belongs to Russian scholars of the Tambov school of linguistics (N. N. Boldyrev, N. A. Besedina, L. A. Furs) and Moscow State Linguistic University (T. S. Sorokina, E. V. Sinitsina). Their research provides methodological basis for further investigation, namely, for reconstructing a concept diachronically, which is attempted here.

Our **goal** is to observe the diachronic transformations in the representation of the concept “Relation” from Old English to Classical New English. The **subject matter** of the present investigation is historical changes of the content and structure of the concept “Relation” during Late Old English, Early Middle English, Late Middle English, Early New English and Classical New English periods (the periodization adopted from [Rastorguyeva 1983]). The **objects** of our analysis are language representations of the concept “Relation” and its subconcepts (a noun phrase and a verb-noun phrase). The **methods** used are functional semantic analysis, conceptual analysis, gestalt analysis, random selection and frequency distribution.

To pursue the goal, priority is given to **functional linguistics, cognitive semantics and diachronic conceptology**.

The fundamentals of our investigation perspective are as follows.

1. The main methodological principles that we adhere to in our investigation are functionalism and cognitivism (Functional Grammar and Conceptual Analysis).

2. The human conceptual system includes a variety of concepts: from concepts of physical objects to linguistic grammatical concepts [Болдырев 2016]. Lexical conceptualization creates structures of extralinguistic knowledge. Syntactic and morphological conceptualization results in linguistic knowledge structures. Grammatically represented concepts belong to the conceptual level as units of linguistic knowledge and are the basis for grammatical (morphological and syntactic) categories objectivized as distinctive grammatical meanings.

3. The dynamic character of grammatically represented concepts is determined by changes in the content and structure of grammatical language means, caused by diachronic factors.

4. Grammatical concepts are viewed as *gestalts* as they are formed of most abstract and generalized meanings (as their components) and have a three-dimensional (lexical, morphological, syntactic) representation.

5. The concept ‘Relation’ is a grammatical concept, a *gestalt* linguistic representation of knowledge.

6. Functional grammatical description is based on the assumption that grammatical units function as interface of different grammatical levels and presuppose two perspectives of analysis: from form to function and from function to form. Functions as viewed teleologically can coincide with the meanings of grammatical forms.

7. Semantic functions (SF) are elements of grammatical semantics derived from the combined meanings of grammatical forms, form words, syntactic structures, and lexico-grammatical classes of words. As the result of the survey of Old English, Middle English and New English texts, 75 SFs are revealed, diversely typical of different periods.

8. We introduce the notion of *gestalt* function (GF) [Сорокина 2014]. GFs are amalgamations of SFs. GFs are most abstract and generalized meanings objectivized lexically, morphologically and syntactically, and perceived holistically. They form the content of the concept “Relation” as its conceptual components. By our analysis, the GFs are: Objective, Subjective, Attributive, Attributive-Objective, Attributive-Subjective, and Informative Compensation.

9. Structurally, the concept “Relation” is divided into two subconcepts: the subconcept of Object-Object relation and the subconcept of Action-Object relation represented by noun phrases and verb-noun phrases respectively.

As well as in Modern English, the predominant means of expressing the O-O and A-O subconcepts in Old English were a nominal phrase (N+N) and a verb phrase (V+N) respectively. The history of both is connected first and foremost with the development of the case system. As proved by many scholars [Campbell 1959; Baugh, Cable 2002 et al], the collapse of the four-case system in English has to a large degree predetermined its type as a largely analytical language.

The invariant Nom/Acc/Dat/Gen case scheme in Old English was semantically polyfunctional. In spite of the weakening of case inflexions and the growing homonymity of forms, the four-case system had been steadily preserved until the end of the OE period. It was characterized

by variability of cases in the same function, i.e. Acc/Gen and Acc/Dat as direct objects with some lexical groups of verbs [Van Kemenade 1987].

In EME, a well-pronounced rise of homonymous case forms is registered. Through the homonymy of Nom/Acc and later Dat, the Common case arises, and the two-case system of Common and Genitive is established. The loss of case inflexions was accompanied by the growth and diversification of prepositions used with the Common case to render different meanings [Davidse 1996].

Alongside this, the collision of Dative and Accusative results in their synonymy in the sphere of objective relations. The functional similarity of these cases and their further overlapping favoured the reinterpretation of the former Dative as a direct object to the governing verb, which led to its replacement by the Accusative case. The loss of Acc/Dat distinction had an effect on the marking of the indirect object: from ME onwards, it was formally indistinguishable from the direct object, until another option developed – the ‘to’-phrase [Ярцева 1961].

The Genitive case is gradually eliminated in the objective function in the verb phrase, and in ME is replaced by the non-prepositional Accusative case.

At the same time, verbs change their government. In OE, many verbs could collocate with several case forms without any considerable difference in their meaning. At the same time, there was no strict morphological opposition of transitive and intransitive verbs. Since ME, there appeared a number of verbs that could express both transitive and intransitive meanings due to the development of their semantics and their fixed syntactic position. Inflected case forms were replaced by a prepositional phrase in the function of an object.

The adnominal Genitive has always been a most universal means of syntactic relations between the components of the nominal phrase, and its various meanings represent deep semantic relations due to unlimited collocability of many lexical classes of nouns. The quick rise of prepositions in its turn led to the ousting of the inflected Genitive and its replacement by an ‘of’-phrase.

In the long run, the semantic centre has shifted from case to preposition in both structures – the nominal and the verbal, and also to a lexical verb as the nucleus of the verb phrase [Историко-типологическая морфология германских языков 1977]. This could not but affect the semantics of

both means of expressing the O-O and A-O subconcepts of the concept “Relation”.

Comparison of five periods (Late OE, Early ME, Late ME, Early NE, Classical NE) based on the analysis of nine written records (Late OE: Wulfstan’s *Homilies*; Early ME: *The Peterborough Chronicle* and Layamon’s *Brut*; Late ME: *The Canterbury Tales* by G. Chaucer; Early NE: *Hamlet*, *Twelfth Night*, and *The Taming of the Shrew* by W. Shakespeare; Classical NE: *The Conquest of Granada* and *Marriage à la Mode* by J. Dryden) brought us to the following results.

1. The attributive-objective semantics within the concept ‘Relation’ remains stable over the course of the five periods. The respective proportions of the A-O and the O-O subconcepts do not undergo evident change. Changes within a 9% margin observed during the analysis can be ignored as natural fluctuations, since they lack consistency in terms of direction.

2. The diversity of the subconcepts in terms of semantic functions grows steadily over the course of history. The increase in diversity is more noticeable within the O-O subconcept. It can be explained by the fact that the change is mostly driven by the growing diversity of the Attributive GF that is more prominent within the O-O subconcept (the number of all Attributive SFs grows twofold: from 9 SFs in LOE to 18 in ENE). In the A-O subconcept, the number of Objective SFs remains unchanged throughout the analysed period (10 SFs).

3. In terms of frequency, the Objective GF is the predominant one, and also the one most actively growing in the A-O subconcept (from 43% in EME to 68% in CINE). The relative frequency of occurrence of Attributive GFs remains unchanged in the O-O subconcept (89–90%), but declines in the A-O subconcept (from 42% in LOE to 30% in ENE) due to the rapid growth of the Objective GF.

4. As to the language representation of the concept ‘Relation’ throughout the analysed period, the predominant means for the Object-Object subconcept are as follows (P stands for ‘prepositional’, NP for ‘non-prepositional’).

	Late OE	Early ME	Late ME	Early NE	NE
Attributive-Objective	NP	P	P	P	P
Attributive	P, NP	P, NP	P	P	P

	Late OE	Early ME	Late ME	Early NE	NE
Attributive-Subjective	NP	NP	NP	NP	P, NP
Informative Compensation	NP	NP	P	P	P
Objective	P	–	P	P	P

The predominant means for the Action-Object subconcept are as follows.

	Late OE	Early ME	Late ME	Early NE	NE
Attributive-Objective	P	P	P	P	P
Attributive	P	P, NP	P	P	P
Attributive-Subjective	NP	P, NP	P	–	P
Informative Compensation	P	NP	NP	NP	P
Objective	NP	NP	NP	NP	P, NP
Subjective	NP	NP	P, NP	P, NP	–

In both subconcepts, the trend is towards using more prepositional forms to express RELATION. Initially relying heavily on non-prepositional case forms, by the NE period, most of the gestalt functions move to prepositional phrases as a means of expression, which is in line with the general direction of development of the English grammatical system.

5. The number of prepositions discovered remains relatively stable through all the periods under analysis except Early ME. The rise in the number of prepositions can be attributed to the fact that the two texts that were used for the analysis of the period belong to different centuries and dialects, and, therefore, display a higher degree of variation in the use of prepositions. Further investigation can reveal semantic changes and specification of prepositions in substantive phrase and verb-noun phrase in course of history.

6. The Attributive functions remain the most frequent over the five periods in the O-O subconcept. However, in the A-O subconcept, while the Objective function grows steadily, the Attributive function loses its volume. It is important to point out that the concept 'Relation' is mostly influenced by the A-O subconcept due to its predominant position within the concept.

7. It may therefore be concluded that the concept 'Relation' preserves its basic structure and composition, whereas its subconcepts undergo qualitative and quantitative changes: redistribution of the frequency of GFs, their composition (SFs), and their language representation.

If we view language as an information code, we have to acknowledge, as I. V. Shaposhnikova writes, that the major portion of information in the structure of the language system is carried by lexemes that are functionally organized in the lexical subsystem. This information field is joined with an operational (formal) code, i.e. the grammatical subsystem [Шапошникова 1999].

Structural historical changes in the lexical subsystem of a language may also affect the grammatical subsystem. The lexical subsystem of the English language underwent cardinal qualitative and quantitative changes. These changes reflect a strong influence of an external factor (in particular, a rapid growth of the number of elements of actual reality that needed nomination, as well as foreign-language influence). At the same time, the conceptual sphere of the English language preserves its initial cluster of categories at the basic level. However, with the adaptation of English to the influence of an external factor (Scandinavian and French) a substantial volume of the Germanic lexical units was lost. The quantitative shift is compensated through:

1) enhancement of the functional load of the remaining Anglo-Saxon lexical units accompanied by the amplification of their semantic structure (polysemy, narrowing or expansion of meaning, etc.). Moreover, there develops a microsystem of words with a broad meaning that carry an increased functional load and have broader collocability;

2) intensive replenishment of the Germanic lexical basis with Scandinavian borrowings that blended seamlessly into the typological transformation;

3) assimilation of French borrowings to the Germanic core.

When changes in the semantic structure of a word begin to influence its collocability and are recorded in syntagmatics, new associative links appear at the textual level [Шапошникова 1999, p. 134].

As for the grammatical subsystem of the information code, changes in the morphological structure of the English language (i.e. in form-building) reflect on the syntax which plays a growing part in the expression of the Action-Object relation in the course of language development. The predominant syntactic pattern here is the verb-noun (verb-object) phrase. In general, whereas in the OE period the predominant means of expressing relations between phrase components were coordination and government, by NE, adjunction and prepositional binding come to the forefront. With the transition from a two-case system, a great number of verbs, that used to govern nouns in various cases and with various prepositions in a verb-object phrase in OE, switched to a non-prepositional construction with a noun in the Common case. At the same time, the number of prepositions and their meanings grows, new, more abstract meanings of prepositions are developed. Prepositional patterns become principal means of expressing syntactic relations between a verb and a noun. Later on, the meanings of prepositions narrow down and become more specified to render individual grammatical relations.

Transformation of the system of transitive / intransitive verbs begins to play an important part in the verb-object construction. Whereas in OE transitivity / intransitivity was a semantic and morphological feature of the verb itself, after the decay of verb government, a number of former intransitive verbs began to collocate with a non-prepositional object, and a number of verbs that used to be transitive became intransitive. By the NE period, transition to the syntactic expression of this category occurs, and postpositive adjunction becomes the principal means of connection between a verb and an object. According to V. N. Yartseva [Ярцева 1961, p. 174], construal of the verb-object phrase requires consideration of the lexicosemantic meanings of the head of the phrase, i.e. the verb. During the reorganization of the grammatical subsystem of the English language there occurred fusion of two verbs into one; combining of two verbs with different meanings; fusion of two meanings in the form of one of the verbs; formation of new verbs through conversion; mixture of strong and weak verbs; appearance of prepositions that can change the semantics of the verb; loss of verb prefixation. Finally, acquisition of a broad meaning by a range of vernacular verbs also testifies to the shift in the lexical meaning of the verb (in particular, in case of semantic idiomatization of a whole phrase). At the same time, the direction of the historical development of

the verb-object phrase is determined to a great extent by the character of the words that serve as the object [Ярцева 1961, p. 190].

As the result of the lexical and syntactic changes listed above, the verb-object construction (both prepositional and non-prepositional) becomes 'one of the most frequent patterns of the English language' [Ярцева 1961, p. 185].

Based on the above, we draw several conclusions as to the character of gestalt perception of structures representing the Action-Object sub-concept:

1) diachronic changes in the lexicosemantic and the grammatical subsystems of the information code of English are reflected in the salience of structural components in the process of gestalt perception of a verb-noun phrase;

2) with the loss of the morphological component that played a major role in the gestalt perception of the verb-noun phrase in OE, the role of the central components for the A-O subconcept in the NE period is overtaken by the *syntactic* and the *lexical component* in their mutual connection and interdependence;

3) the salience of the lexical component is determined by taking into account all the three lexical components of the verb-object structure: the verb itself as head of the phrase, the noun used as the object, and the preposition. The intensification of the lexical component occurs mainly due to qualitative and quantitative changes of the lexical verb, and to a smaller extent due to qualitative and quantitative changes of the lexical semantics of the noun and the preposition.

The predominant syntactic pattern for the Object-Object relations is the nominal phrase. Unlike in the verb-noun construction, syntactic changes in the nominal phrase are less drastic. This is the result of the loss of the syntagmatic means of expressing case differentiation (coordination between the noun and pronouns, adjectives, and the developing article). In the OE period, preposition is mainly occupied by a noun in the Genitive case (postposition is by far less frequent). The semantics of the nominal phrase was determined by a broad collocability of various lexical classes of nouns. In the ME period, a new means of expressing prepositive attribute arises: nouns in the Common case. At the same time, the postpositive attribute spreads, expressed by a prepositional noun phrase. This is the result of the establishment of a fixed word order in the attributive phrase, as well as

a semantic shift in meanings of prepositions: development of a specified usage, new prepositions, and semantic mutation of prepositions.

Thus, diachronic changes in structures representing the O-O subconcept, in view of the loss of the morphological component (except the Genitive case) and relatively insignificant changes in syntax, result in the salience of the lexical component of the structure, largely due to qualitative changes in the lexis of both nouns and qualitative-quantitative changes in the system of prepositions. As a result, the *lexical component* becomes the key factor in the gestalt perception of structures representing the O-O subconcept.

The question arises what factors are responsible for the above transformation in the general semantics of the linguistic concept 'Relation', and whether it is connected to the changes in the linguistic worldview in the section of the information code that is the object of the present study.

As determined above, the growth of representation of the objective semantics happens mainly in the A-O subconcept, whereas the share of the attributive semantics remains relatively stable in the O-O subconcept and decreases in A-O. In general, the shares of the A-O and the O-O subconcepts within the concept 'Relation' do not change from OE to NE. Therefore, historical changes in the content of the concept 'Relation' occur due to internal transformations *within the subconcepts*, i.e. *the growth of the objective semantics and the reduction of the attributive semantics* in the A-O subconcept.

The redistribution of the attributive and objective semantics in the A-O subconcept occurs due to the following reasons:

1) appearance of new transitive verbs. The range of verbs that can take a direct object grew significantly by the NE period compared to the OE period.

2) shift of a number of intransitive verbs into transitive verbs;

3) growth of the role of the verb as the core of the verb-noun structure.

In OE, the Dative and the Accusative case of the noun expressed a wide range of adverbial meanings (spatial, temporal, etc.). The prepositional and the non-prepositional uses of these cases varied. The decay of Dat and Acc was happening alongside the redistribution of functions between the bare case and the prepositional structure. By the NE period, the adverbial semantics is transferred from the case form to the preposition and the lexical meaning of the verb that constitutes the core of the verb-noun

structure [Историко-типологическая морфология германских языков 1977, p. 203–204].

At the same time, the internal semantics (the number of SFs) of both the Attributive and the Objective gestalt functions does not change.

As a result, new verbs and prepositions seem to ‘appropriate’ the objective semantics, reducing the share of the attributive semantics in the A-O subconcept.

For the O-O subconcept, the predominant role of the Attributive gestalt functions is preserved, but their internal semantics undergoes considerable amplification (growth of the number of SFs), due to both the appearance of new nouns, and of new prepositions, as well as semantic mutation of old prepositions.

The main results of our investigation are as follows:

1. The survey of the numerical distribution of the representation of the concept “Relation” and its subconcepts during the historical period from LOE to Classical NE showed that though the proportion of the subconcepts in the overall semantics of the concept “Relation” is preserved, the diachronic changes occur due to internal transformations within the subconcepts: the growth of the objective semantics and the reduction of the attributive (adverbial) semantics in the A-O subconcept. Linguistically it is evidenced by the growing frequency of the verb-noun structure representing this subconcept. Historically, it can be accounted for by reorganization of the system of transitivity/intransitivity of the verb in English.

At the same time, the attributive (adverbial) semantics is transferred from the case form to the preposition and the lexical meaning of the verb. As a result, the verb-noun structures that used to render attributive (adverbial) meaning acquire objective meaning. So, the redistribution of attributive and objective semantics in the A-O subconcept take place due to the appearance of new transitive verbs, the shift of intransitive verbs into transitive and the intensification of the role of the verb as core of the verb-noun structure.

Alongside this, the internal semantics (the number of semantic functions) of both objective and attributive gestalt functions does not cardinally change.

2. In the O-O subconcept the predominant role of attributive GFs is preserved, but their internal semantics undergoes amplification and specification (increase of the number of SFs amalgamated into GFs) due

to both the appearance of new nouns and prepositions (as well as semantic mutation of old prepositions) as constituents of the nominal phrase representing this subconcept.

3. The diachronic changes in the lexicosemantic and grammatical subsystems of the English language affect the *salience* of the structural components in the process of the gestalt perception of the nominal phrase and the verb-noun phrase representing the concept “Relation”. Thus, with the loss of a morphological component (case forms) which played a major role in the gestalt perception of the verb-noun phrase in OE, in NE salience markedness passes over to its *syntactic and lexical components*. The lexical component becomes central mainly due to qualitative and quantitative changes of the lexical verb and to a lesser extent due to qualitative and quantitative changes in the semantics of the noun and the preposition. The syntax of the verb-noun phrase is governed by verb-noun relations and plays an important role in the perception of the structure.

4. In the O-O subconcept the syntactic relations within the nominal phrase were originally determined by broad collocability of various classes of nouns, so the syntax of nominal phrases did not undergo drastic changes. At the same time the loss of the morphological component (except the Genitive case) and relatively insignificant syntactic changes result in the salience of the lexical component of the structure largely due to qualitative modification of both nouns and the prepositions. It is the *lexical component* that becomes the key factor in the gestalt perception of the representation of the O-O subconcept.

REFERENCES

- Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики / Ин-т языкознания РАН и Тамбовский гос. университет им. Г. Р. Державина. 2016. № 4. С. 10–20.
- Историко-типологическая морфология германских языков / Академия наук СССР. Институт языкознания. М. : Наука, 1977. 359 с.
- Кузнецов В. Г. Предмет и задачи диахронической сопоставительной концептологии // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2007. С. 35–41.
- Сорокина Т. С. Диахроническая концептология: некоторые методики исследования // Грамматические исследования: когнитивно-коммуникативная лингвистика и современная лингводидактика. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 9–21. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 27 (660). Сер. Языкознание.)

- Сорокина Т. С.* Концепт «отношение» и языковая картина мира (опыт исторической интерпретации) // Лингвистика и лингводидактика в когнитивно-коммуникативном аспекте: грамматические исследования. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 9–20. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 27 (711). Сер. Языкознание.)
- Шапошникова И. В.* Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингвоэтническом аспекте. Иркутск, ИГЛУ, 1999. 243 с.
- Ярцева В. Н.* Исторический синтаксис английского языка. М.–Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 308 с.
- Aitchinson J.* Language Change: Progress or Decay. 3rd edn. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 305 p.
- Baugh A. C., Cable Th.* A History of the English Language. 3rd edn. 5th edn. London : Routledge, 2002. 447 p.
- Campbell A.* Old English Grammar. Oxford : Clarendon Press, 1959. 423 p.
- Davidse K.* Functional dimensions of the dative in English // W. van Belle & W. Langedonck (eds.). The Dative. Vol. 1. Descriptive Studies. Amsterdam : Benjamins, 1996. P. 289–338.
- Kemenade A. van.* Syntactic Case and Morphological Case in the History of English. Dordrecht : Foris, 1987. 249 p.
- Rastorgueva T. A.* A History of English. М. : Высшая школа, 1983. 347 p.

УДК 820

А. П. Бондарев

доктор филологических наук, профессор,
заведующий каф. отечественной и зарубежной литературы МГЛУ;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

ФРАНЦУЗСКАЯ КРЕАТИВНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: МЕЖДУ ЭМПИРИЗМОМ И РАЦИОНАЛИЗМОМ

В статье выявляются исторические обстоятельства формирования эмпирико-рационалистической парадигмы, которой на протяжении многих веков суждено было определять структуру сюжетных конфликтов, разрабатываемых произведениями художественной литературы. Французский эмпиризм восходит к телесному космизму Франсуа Рабле. Рационализм – к когнитивному универсализму Рене Декарта. Национальная особенность французской литературы определяется конфигуративной вариативностью чувственного и рационального, направлявшей эволюцию французской литературы от классицизма к постмодернизму.

Ключевые слова: эмпиризм; рационализм; Возрождение; классицизм; страсть; долг; трагедия; комедия; французские моралисты; психологический анализ.

A. P. Bondarev

Doctor of Philology (Dr.habil), Prof., Head of Russian
and World Literature Department, MSLU;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

FRENCH CREATIVE MENTALITY: BETWEEN EMPIRICISM AND RATIONALISM

The article reveals historical circumstances, forming the empirical-rational paradigm, which was destined to determinate for many centuries the narrative structure of conflict, developed by literature works. French empiricism goes back to Francois Rabelais bodily cosmism. Rationalism – to Rene Descartes cognitive universalism. National feature of French literature, determined by the variable configuration of sensory and rational, has directed the evolution of French literature from classicism to postmodernism.

Key words: empiricism; rationalism; renaissance; classicism; passion; duty; tragedy; comedy; French moralists; psychological analysis.

Вынесенный в заглавие полисемичный термин «ментальность» отсылает к французской школе «Анналов», изучающей формы ответной реакции когнитивного сознания на изменения социально-исторического климата. На протяжении всей истории французской литературы креативная ментальность выполняла сюжетобразующую функцию. Многовековая полемика эмпиризма и трансцендентализма определяла эволюцию литературных направлений от Возрождения к постмодернизму.

Французский эмпиризм восходит к Франсуа Рабле, которого Ф. Рене де Шатобриан поставил рядом с Гомером, Данте и Шекспиром, назвав их «гениями-матерями» (*génies-mères*) человечества.

Французский рационализм восходит к Рене Декарту, силлогизм которого «Я мыслю, следовательно, я существую» (*Je pense donc je suis*) постулирует тождество сознания и бытия.

Фантасмагорическая космография Рабле, воссозданная в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», уподобила законы органической регуляции, обеспечивающие биологическое функционирование человеческого организма, законам, управляющим Вселенной: «Гротескное тело космично и универсально: оно отражает в себе космическую иерархию», – поддержал М. Бахтин космогоническую интуицию Рабле в главе «Гротескный образ тела у Рабле и его источники» [Бахтин 1965, с. 345]. В восприятии М. Бахтина раблезианский космос – это разросшееся до вселенских масштабов человеческое тело.

Классицистический рационализм Рене Декарта убедительно противопоставил себя ренессансному эмпиризму Рабле. В переходный период от Средневековья к Новому времени тематику произведений французской литературы начинает определять конфликт между эмоциональным восприятием событий и их рациональной концептуализацией.

Картезианство обеспечивало философскую базу королевской власти в ее борьбе за упрочение абсолютной монархии. Со своей стороны, эмпирическая традиция раблезианства скептически реагировала на деспотизм *cogito*, укоряя его в обслуживании интересов государства, которое всё больше пренебрегало своими обязанностями перед гражданами, а после промышленной и научно-технической революций и вовсе перешло на службу глобализму – автономному процессу самообеспечения производства.

Постоянное противоречие между гражданским и государственным правом отводило эмпиризму и рационализму соразмерные их компетенции объекты для анализа фабульных коллизий и способов их сюжетной интерпретации. Эмпирический подход указывал разуму на тупиковую односторонность его умозрительных предпочтений, а рационалистический подход прогнозировал деструктивные для общества последствия витального имморализма, лишаящего индивида возможности принятия ответственных решений.

В начале XVII в. рационализм прозвучал убедительным ответом на драматический вызов времени: разрушавшие французскую государственность религиозные войны – тридцатилетняя распря между католиками и гугенотами – поставили страну на грань самоуничтожения. Трагедия Варфоломеевской ночи явила перед враждующими сторонами катастрофическую перспективу утраты национального суверенитета.

Приход к власти Генриха IV (1594) и издание им в 1598 г. Нантского эдикта, предоставившего протестантам ряд вероисповедальных прав, способствовали примирению враждующих сторон. Они создали условия для стабилизации внутривластного положения и установления монархической формы правления. Началась компромиссная эпоха «золотого века», «Великого Века» (“le Grand Siècle”) французской культуры – абсолютизма в политике, рационализма в философии и классицизма в искусстве.

Придя на смену раблезианскому восприятию мира как саморегулирующейся экосистемы, французский классицизм прославил красоту героического поступка – сверхличного подвига, совершаемого личностью во имя интересов народа и государства. Древнегреческому человеку французский классицизм противопоставил древнеримского гражданина.

Эпоха классицизма возвысила трагедию до ведущего драматического жанра. Борьба между фрондерствующим баронством и консолидирующим монархизмом, убедительно утверждавшимся как востребованная временем безальтернативная историческая необходимость, получила вербальное выражение в когнитивной переработке трагедийными героями противоречия между долгом и страстью.

«Сид» (1636) Пьера Корнеля стал первой трагедией французского классицизма, обозначившей два противоположных вектора вероятностного развития остросюжетного конфликта – рационалистический

и эмпирический. Любовь дона Родриго к донье Химене отвергается его мужественным и в то же время самоотверженным решением отказаться от страсти как душевной слабости и отстоять со шпагой в руке честь отца и славного рода предков:

Я был в рассудке помрачен:
Отцу обязан я первее, чем любимой;
Умру ли я в бою, умру ль тоской томимый,
Я с кровью чистою умру, как был рожден.

Пер. М. Лозинского

Победа Сиды Кампеадора над графом Гормасом, отцом Химены, утвердила рационально понятый долг как единственную возможность достойного преодоления рокового противоречия между чувством и разумом. Однако согласие доньи Химены на брак с убийцей собственного отца, хотя бы и с отсрочкой на год, напоминало зрителям о неотменяемых правах интимного человеческого чувства. Именно этот не до конца преодоленный рационализмом рудимент ренессансного эмпиризма вызвал возражения Французской Академии.

Усматривая в чувстве долга спонтанное самопроявление «человеческой природы», ведущий критик Академии Жан Шаплен аргументирует в поддержку благородной сущности нравственного императива. Критик рекомендует Корнелю пренебречь низменным эмпиризмом фактов во имя высокой достоверности вымысла: «При разработке сюжета Сиды было бы несравненно лучше, если бы поэт прибегнул к вымыслу, даже и вопреки правде: пусть бы в конце пьесы обнаружилось, что граф – не родной отец Химены; или что он, вопреки всеобщему убеждению, не умер от раны; или что спасение Короля и всего его королевства целиком зависело от названного брака, так чтобы благо государя и его державы искупало насилие, совершенное над человеческой природой» [Шаплен 1980, с. 280].

В «Горации» (1640) Корнель учел критические замечания, высказанные академиками в адрес «Сиды», и прочертил последовательно непротиворечивую, морально безупречную линию поведения главного героя. В развязке Четвертого действия Камилла, невеста Куриация, погибшего на поединке от меча Горация, разражается проклятиями в адрес родного брата. Раздавленная безмерностью страдания, она дает выход аффекту, отвергающему гражданский подвиг Горация, который лишил ее счастья любви бесконечно дорогого ей мужчины:

Навеки в грозный час простился ты с сестрою:
Лишь оскорбленная невеста пред тобою.
За гибель милого не перестану я
Свирепой фурией преследовать тебя.

Пер. Н. Рыковой

Выведенный из себя кощунственными речами сестры, Гораций закалывает ее кинжалом. Этот поступок не мог не восприниматься зрителем как скрытое обвинение, которое уязвленная человечность выдвинула против беспощадной требовательности анонимной государственности. Прославление бескомпромиссного долга претворило «Горация» в удручающе безжалостную, разрушающую и родственные, и человеческие узы трагедию неумолимой жестокости. Осознавая безысходность положения Камиллы, Корнель заметил, что ее удел «равно скорбен, кто бы ни победил в единоборстве – брат ее или возлюбленный» [Корнель 1984, с. 373].

Любовная трагедия Жана Расина «Федра» (1677) вступила в эмпирическую полемику с героической трагедией Корнеля. Она воспроизвела реакцию креативной ментальности на тупиковый путь, навязываемый чувству ригидностью «евклидова мышления». Обращение Расина к древнегреческому мифу противопоставило *эстетическую* человечность Афин *этической* бесчеловечности Рима.

Трагедия Расина страдает Федре как невольной жертве и гнева Венеры, и требований морали, усиливших любовь Федры к пасынку Ипполиту до *рокового наваждения*. В отличие от непротиворечивой аргументации героических героев Корнеля, мысли, слова и поступки Федры управляются иррациональной чередой сменяющих друг друга аффектов. Воссозданное в сюжете саморазрушение концепта долга иносказательно засвидетельствовало факт кризиса формализованных королевским двором государственных институтов власти.

В диалоге с наперсницей Эноной, которая призывает царицу к мужеству, необходимому для управления государством, Федра констатирует даже не бессилие, а полную беспомощность разума и воли, тем более униженных компульсивностью овладевшей ею страсти, чем выше она оценивала прежде свою способность распоряжаться собственной судьбой:

Увы! Мне – царствовать? Мне – управлять страной?
Когда мой слабый ум не управляет мной!

Когда над чувствами своими я не властна!
Когда едва дышу! Когда желаю страстно
Лишь смерти!

Пер. М. Донского

Драматизация отношений между разумом и чувством, отражающая социально-психологический конфликт между героизированным человеком абсолютизма и бесосновным человеком янсенизма, превращается в объект пристальной рефлексии французских моралистов – Блеза Паскаля, Франсуа де Ларошфуко и Жана Лабрюйера. В своих «Мыслях» (1657–1658) Блез Паскаль парадоксально прославляет интеллектуальный дар человека – «мыслящего тростника» – как безусловное достоинство, возвышающее его над необъятной, но лишенной самосознания Вселенной: «Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не нужно, чтобы на него ополчилась вся Вселенная: довольно дуновения ветра, капли воды. Но пусть бы даже его уничтожила Вселенная, – человек всё равно возвышеннее своей погубительницы, ибо сознает, что расстается с жизнью и что он слабее Вселенной, а она ничего не сознает. Итак, всё наше достоинство – в способности мыслить» [Pascal 1954, с. 1157]. Однако «способность мыслить», возвышая сознание над бездумной материей Вселенной, позволяет мыслящему тростнику осознать свою экзистенциальную бесосновность (*Le sans fond*).

Именно эта бесосновность мыслящего тростника подвергается эмпирической критике Франсуа де Ларошфуко, вступившего в заочную полемику с рационализмом Паскаля. Согласно психологическим наблюдениям автора «Максим» (1665), раздвоенность человека преодолевается его эгоизмом – инстинктивной борьбой за социальную самоидентификацию. Вынесенный в эпиграф афоризм генерализирует представление Ларошфуко о прискорбной для нравственного чувства моральной слабости человека: «Наши добродетели – это чаще всего искусно переряженные пороки». В «Предуведомлении читателю» Ларошфуко поясняет: «Пусть читатель помнит, что предубеждение против “Максим” как раз и подтверждает их правоту, пусть проникнется сознанием, что чем запальчивее и хитроумнее он с ними спорит, тем непреложнее доказывает их истинность» [Де Ларошфуко 1993,

с. 150]¹. Эмпирические открытия «Максим» уличают рационализм в догматическом априоризме. Опровержением расхожего мнения, согласно которому сознанию принадлежит решающая роль в принятии ответственных решений, служит афоризм: «Ум всегда бывает одурочен сердцем» (102 максима).

Янсенистский взгляд на человека, исходивший из представления о врожденной испорченности человека вследствие тяготеющего над ним первородного греха, представлял собою, с одной стороны, его дегероизацию в сравнении с эпическим и трагическим героем официального классицизма, а с другой – более адекватное восприятие динамического содержания его душевной жизни. Полупрециозный-полуянсенистский салон мадам де Сабле становится культурным и идеологическим центром дворянской и разночинной интеллигенции. Появляющиеся один за другим трактаты по этике развенчивают идеального героя-аристократа, моральный облик которого определяется не столько велениями долга или страсти, сколько запутанным «переплетением» биологических, психических и социальных факторов.

В 1678 г. аббат Жак Эспри издает трактат под названием «Лживость человеческих добродетелей», в предисловии к которому призывает читателей отречься от укоренившейся привычки «почитать себя героями и полубогами». В том же году выходят похожие по содержанию и развенчивающему пафосу «Мысли по разным поводам» аббата д'Элли и «Опыты о морали» (1671–1678) янсениста Николя.

На поступки человека, полагают янсенисты, влияют психофизическое состояние организма, возраст, пол, склад характера, укоренившиеся привычки – словом, презренная обыденность. «(Болезни) искажают наши мысли и чувства», – замечает Б. Паскаль. Ему вторит Ларошфуко: «Сила или слабость духа – неточные определения; в действительности эти качества – не что иное, как хорошее или дурное состояние органов тела» (44 максима). Отсюда всего лишь шаг до признания роли «темпераментов», получивших обоснование в знаменитой теории «гуморов». Истина о человеке, последнее слово о нем предстает не целостным определением, а противоречием: «Человек по природе своей доверчив и подозрителен, труслив и храбр» (Паскаль. «Мысли», 125). Ларошфуко: «Скупость рождает порой расточительность,

¹ Цитата приводится в переводе автора. – А. Б.

а расточительность – скупость; твердость основывается нередко на малодушии, а храбрость – на трусости» (11 максима).

«Шла ли речь о пудовых трактатах или о емких афоризмах, научных доктринах или светских наблюдениях, – пишет знаток янсенизма Поль Бенишу, – моралистическая проза века Людовика XIV, похоже, всецело сосредоточилась на проблеме величия и ничтожества человека, достоинстве и низменности его натуры. Эта полемика, требовавшая изощреннейшей аргументации, тончайшего психологизма, явившая собою самую серьезную дискуссию, которая когда-либо велась по проблеме человека, вынесла приговор минувшей эпохе. Если в ней и преобладала пессимистическая тональность, то потому, что в век Людовика XIV сверхчеловек аристократического происхождения очутился в безвыходном положении» [Benichou 1967, с. 156].

Жан Лабрюйер, автор сборника «Характеры, или Нравы нашего века» (1688), уже не довольствуется констатацией парадоксальной инверсии добродетелей в пороки и пороков в добродетели, но сосредоточивает внимание на выявлении *социально-исторических* причин нравственных девиаций. Переориентация «Характеров» на поиски *социального генезиса* поведенческих мотивов преодолевает и абстрактный рационализм «Мыслей», и не менее абстрактный эмпиризм «Максим». Классификация конкретно-исторических типов Лабрюйера непосредственно предвосхищает социальную эпистемологию Просвещения, противопоставляя «естественного человека» аристократу, финансисту, ростовщику и другим, извращенность которых интерпретируется как результат их усилий интегрироваться в деградирующую монархическую государственность: «Хорошо быть знатным, но не хуже быть и таким человеком, о котором никто уже не спрашивает, знатен он или нет» (Глава II. О достоинствах человека, 21). «Богатству иных людей не стоит завидовать: они приобрели его такой ценой, которая нам не по карману, – они пожертвовали ради него покоем, здоровьем, честью, совестью. Это слишком дорого – сделка принесла бы нам лишь убыток» (Глава VI. О житейских благах, 13).

Направление, которое Ж. Лабрюйер задает когнитивному сознанию, указывает на необходимость разбираться во взаимоотношенности чувственных наваждений и социальных предрассудков.

Решение этой задачи берет на себя Мольер. Его высокая социальная комедия «Мизантроп» (1666) занимает продуктивное

промежуточное положение между либертинажем Дон Жуана (1665) и лицемерием Тартюфа (1669). В бескомпромиссном споре двух друзей антагонистов – Альцеста и Филинта – сошлись эмпиризм аристократизма и рационализм куртуазии. Аргументы Альцеста констатируют вырождение аристократизма в мизантропию, а возражения Филинта свидетельствуют об инволюции рыцарской куртуазности в придворное лицемерие.

Умный и образованный Альцест выступает агрессивным мизантропом, когда бросает в лицо человечеству упреки в раболепии перед дворцовыми предрассудками. На вопрос Филинта, какого поведения он ждет от своего окружения, Альцест декларативно призывает:

Чтоб люди честь свою и искренность блюли,
Чтоб речи их всегда от сердца прямо шли.

Пер. М. Левберга

На что Филинт – рупор не абстрактной, а практической нравственности – вежливо возражает:

Но в свете мы живем, и требуют приличья
Любезность соблюдать со всеми без различья.

Однако, как это нередко случается в мольеровских комедиях, ригидность мировоззренческих позиций героев-антагонистов доводит их до парадокса: стоворчивость Филинта ставит его в не менее нелепые положения, чем бескомпромиссность Альцеста.

Мольеровский герой превосхищает грибоедовского Чацкого. Неадекватность его поведения выступает результатом бескомпромиссности его умозрительного рационализма, искренность которого всякий раз норовит обернуться донкихотством. Искомая норма золотой середины и среднего состояния мерцает зрителям далекой звездой на небосклоне исторического будущего. А с учетом аффектированности мольеровских характеров предстает и вовсе недостижимым идеалом для их диссоциированной психики и дезинтегрированного сознания. Динамика автономно протекающих в их психике процессов изгоняет их из Эдема среднего состояния и ввергает в ад зависимости от своевольия бессознательного. Герои высоких социальных комедий Мольера так же величественны и жалки, как и герои Расина.

В «Принцессе Клевской» (1678) – лучшем любовно-психологическом романе XVII в. – Мари Мадлен де Лафайет привлекает для построения повествовательного дискурса принципиальные открытия, сделанные до нее авторами прециозного и авантюрно-бытового романов, а также проницательными знатоками человеческого сердца – драматургами и моралистами: Корнелем, Расином, Мольером, Паскалем, Ларошфуко и Лабрюйером, раскрывшим как ничтожество эгоистического индивида, так и духовное величие мыслящего тростника, осознавшего в труде интроспекции свою зависимость и от спонтанной динамики душевной жизни, и от изменчивости исторических обстоятельств.

Хотя безвременная кончина супруга открыла перед Клевской перспективу брачного союза с герцогом Немурским, принцесса всё же отказывается от счастья соединить свою жизнь с горячо любимым ею человеком. Ее аналитическое сознание перебирает хроматическую гамму мотивировок, в которой находят место и «долг перед памятью покойного мужа», и сомнение в способности мужчин «сохранять страсть в этих вечных союзах», и страдания ревности, которые может пробудить в ней мужчина, «от рождения расположенный к любви» и одаренный «всеми качествами, помогающими одерживать легкие победы». Однако глубинным мотивом, определяющим самоотверженную резиньяцию героини, выступает нежелание видеть, «как на ее глазах умирает любовь, составлявшая счастье всей ее жизни».

Этот негативный выбор освобождает принцессу от преследовавшего ее литературных предшественников парадокса – необходимости навязывать рационально мотивированные решения эмпирически детерминированным поступкам.

Принципиальность и ответственность в постановке «проблемы человека» обеспечивала французской литературе на всех этапах ее эволюции от классицизма к постмодернизму статус *классической* – как в национальном, так и общеевропейском масштабе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1965. 528 с.
- Корнель П. Разбор «Горация» // Пьер Корнель. Театр: в 2 т. Т. 4. М. : Искусство, 1984. С. 372–377.

Де Ларошфуко Ф. Мемуары. Максимы. М. : Наука, 1993. 280 с.

Шаплен Ж. Мнение Французской Академии по поводу трагикомедии «Сид» // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 273–298.

Benichou P. Morales du grand siècle. P. : Gallimard, 1967. 231 p.

Pascal B. Pensées // Œuvres complètes. P. : Gallimard, 1954. P. 1081–1345.

УДК 821.111

А. В. Семенец

аспирант каф. зарубежной литературы
Литературного института им. А. М. Горького;
e-mail: tonjjas@gmail.com

ЖЕНСТВЕННОСТЬ КАК МАСКАРАД: ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ МАРКЕРОВ В РОМАНАХ А. КАРТЕР

В статье рассматривается проблема определения женственности как маскарада в творчестве А. Картер. Для анализа выбраны романы «Ночи в цирке» и «Умные дети», главные героини которых – звезды сцены, меняющие стереотипные представления о феминности. Женский маскарад трактуется как с позиций философии и психоанализа, начиная с теорий Жака Лакана и заканчивая концепцией «перформативной идентичности» Джудит Батлер, так и с литературоведческой точки зрения: от теории карнавала и карнавализации М. М. Бахтина до феминистской литературной критики. Отдельное место занимает использование приема маски А. Картер при изображении героев романа «Ночи в цирке».

Ключевые слова: гендерная идентичность; маскарад; карнавализация; маска; двойничество; женское письмо; феминизм; самоидентификация.

A. V. Semenets

Postgraduate student, Department of Foreign Literature,
Moscow Maxim Gorky Literary Institute;
e-mail: tonjjas@gmail.com

FEMININITY AS A MASQUERADE: OVERCOMING GENDER MARKERS IN A. CARTER'S NOVELS

The article deals with the problem definition of femininity as a masquerade in Angela Carter's works. «Nights at the Circus» and «Wise Children» were chosen for the analysis as the novels, in which main characters were the stage stars that disturbed stereotyped ideas about femininity. The female masquerade is interpreted as from the position of philosophy and psychoanalysis, starting with Jacques Lacan's theories, ending with Judith Butler's conception of «performative identity», as from the literary side: from M. M. Bakhtin's theory of carnival and carnivalization to feminist literary criticism. Special importance attaches to using the idea of a mask in the images of the novel «Nights at the Circus» by Angela Carter.

Key words: gender identity; masquerade; carnivalization; mask; twinning; women's writing; feminism; self-identification.

Известная английская писательница XX в. Анджела Картер (1940–1992) – тонкий стилист, ее прозу отличают яркие

и запоминающиеся женские образы, что обусловлено стремлением автора выразить широкое толкование понятия женственности и женской идентичности. Одним из способов разрушения стереотипных представлений и логики бинарных оппозиций в отношении гендера А. Картер выбирает создание нетипичных женских образов, портретов, которые меняют представления о «феминном», постулирующие пассивность, слабость и хрупкость женского начала [Змановская 2011, с. 194; Oliver 2005, с. 135]. Тем самым писательница подчеркивает социальную сконструированность гендера и нелегитимность властных сценариев навязывания определенных ролей, применяемых по отношению к женщинам, что дает возможность говорить о толковании произведений А. Картер в контексте феминистской специфики.

Частое использование в произведениях образа зеркала, двойников дает почувствовать читателю, что порой нет принципиальной разницы между настоящим и вымышленным «Я». И в данном аспекте заигрывание писательницы с перформативным началом идентичности предвосхитило работы американского философа Джудит Батлер, одна из которых «Гендерная тревога: Феминизм и подрыв индивидуальности» [Butler 1990] была опубликована к концу жизни А. Картер. В ее творчестве находят свое отражение и феминистские дискуссии о женской субъективности, включающие в себя вопросы маскарада, «мерцания» идентичности, социальных ролей и т. д.

Для анализа данного подхода к определению феминности целесообразно обратить внимание на такие романы А. Картер, как «Ночи в цирке» («Nights at the Circus», 1984) и «Умные дети» («Wise Children», 1991), действие в которых разворачивается на фоне сценических представлений и театрального антуража. Хотя и в других произведениях автора можно проследить стремление воплотить представления о женском как некоем маскараде.

Тема природы гендера актуальна еще и потому, что атмосфера театральности, карнавала и мюзик-холла близка и другим современным английским писательницам, которые в своем творчестве затрагивают подобную проблематику, например Джанет Уинтерсон (1959), Али Смит (1962) и Саре Уотерс (1966). Так, исследователь Д. Роснер полагает, что «упиваясь элементами фантастики и гротеска, также базирясь на использовании комплекса интертекстуальных связей, проза Джанет Уинтерсон и Анджелы Картер содержит множество схожих

стилистических приемов и тем» [Roessner 2002, с. 102]. Именно такой тезаурус дает писателям возможность раскрыть многогранность и полноту женской идентичности. Кроме того, изучение вопросов феминизма и гендера в творчестве А. Картер кажется целесообразным в контексте все нарастающих дискуссий по данной тематике. Так, как замечает писатель и литературовед С. П. Толкачев, «ориентация британских и американских исследователей на “ревизионистское перечитывание” художественных и литературно-критических текстов, созданных авторами-мужчинами, приводит к радикальному пересмотру традиционных концепций национальных литератур» [Толкачев 2003, с. 373].

В романах А. Картер гендер можно понимать и как некий процесс, происходящий в соответствии с концепцией «социального пола» американского социолога и философа Джудит Лобер, т. е. он играет роль «овладения поведенческими действиями, уже усвоенными в качестве соответствующих (или несоответствующих – в случае бунта или неприятия) определенному гендерному статусу, «осознания пола как социальной категории» человеком, принадлежащим к данному полу как к биологической категории» [Лобер 1999, с. 19].

Главные герои романов «Ночи в цирке» и «Умные дети» нетипичны. В первом романе повествование ведется от лица Софи Феверс, воздушной гимнастки и обладательницы мощных крыльев, которая излагает свою автобиографию молодому журналисту Джеку Уолсеру. Второй роман посвящен истории семьи Норы и Доры, близнецов, звезд мюзик-холла, которые стремятся найти ответы на вопросы о своем происхождении. Героини нарушают стереотипные модели женщины: Феверс – посредством своей биологии, а Дора и Нора – в идентификации себя как близняшек. Дестабилизация гендера, отрицание его естественного происхождения в творчестве А. Картер – один из способов демифологизации гендерных стереотипов.

Рассмотрение феминности как некоего маскарада неоднократно встречалось в литературе в прошлом. Так, статья «Женственность как маскарад» Джоан Ривьер [Riviere 1966] стала революционным словом в теории психоанализа и феминистской критике, причем в данном случае название говорит само за себя. Подобными теоретическими вопросами занимались такие видные ученые, как, например, Жак Лакан, который уделял особое значение определению женской субъективности,

а его работы по данному вопросу были собраны в книге «Женская сексуальность: Жак Лакан и Ecole Freudienne» [Lacan 1985]. Он полагал, что структура субъективности не может быть сведена к чему-то единому и целостному, и актуализировал концепцию «дивида» – фрагментарного и нестабильного «Я». Маскарад же французский исследователь определяет на символическом уровне: как постоянную смену идентификационных позиций в разрезе женской сексуальности. Далее данный подход получил развитие в работах теоретиков, которых можно отнести к представителям «постлакановского» феминистского психоанализа. Стоит также отметить, что в творчестве А. Картер находит свое отражение так называемая концепция «перформативной идентичности» и, в частности, это соответствует идеям Джудит Батлер, которая такое понятие, как «женственность» с ее аутентичностью определяла как «всего лишь фантазматическая конструкция, отвечающая определенным целям, но отрицающая внутреннюю сложность и неопределенность самого термина» [Батлер 2001, с. 164].

Также, по мнению исследовательницы Мэри Энн Доун, «маскарад ... официально признает, что женственность, сама по себе сконструированная как маска, – декоративный слой, который прикрывает отсутствие устойчивой идентичности» [Doane 1991, с. 25]. Развивая свою мысль, ученый полагает, что поскольку патриархальная культура воссоздает женственность, в первую очередь как маскарад, то следствием этого могут быть такие непредсказуемые явления, как ее нестабильность и деконструкция.

Если говорить о главных героинях романов «Ночи в цирке» и «Умные дети», которые подчиняются законам сцены, выбирая себе роли и костюмы, то они постепенно приближаются в своих образах к традиции бахтинского карнавала, который в понимании выдающегося отечественного филолога «стал в действительности тем резервуаром, куда вливались прекратившие свое самостоятельное существование народно-праздничные формы» [Бахтин 1990, с. 242]. Вообще, данное понятие достаточно сложно, так же как и его воплощение в работах А. Картер. С одной стороны, карнавальная традиция несет в себе некую «высвобождающую» силу в форме некоего гротеска, но, с другой – она подчинена доминирующим устойчивым концептам. Карнавал по своей природе – временное и неустойчивое явление, ибо он может, как считается, менять некие темпоральные характеристики

действительности, не оставляя при этом после себя никаких материальных свидетельств. Таким образом, писательница А. Картер использует ритуал карнавала не как тотальное средство деконструкции идентичности, а как возможность под другим ракурсом взглянуть на скрытые от взгляда обывателя иерархии и модели гендера.

Как известно, концепт феминности чаще всего не предполагает чрезмерной натурализации женских образов, а ассоциирует их с «возвышенным» [Freeman 1997; Maxwell 2001]. А. Картер не посчитала нужным придерживаться этого стереотипа. Так, тело героини Феверс в романе «Ночи в цирке» актуализируется, становится в высшей степени физиологичным, образ главной героини приобретает черты гротескности, а «аппетит и жажда в основе своей еще глубоко карнавальна» [Бахтин 1990, с. 29], поэтому в данном случае имеет смысл соотнести стихию картеровского романа с концептом «гротескного карнавала» Бахтина.

Образ главной героини в романе А. Картер очень символичен. Женщина-птица предстает как воплощение свободы. Но писательница не останавливается только на такой детали, как крылья, которые формируют в данном случае женскую природу, превращают Феверс в загадку, в некое мифическое существо, ведь «Ее девиз на афише: “Кто она – реальность или выдумка?”» [Картер 2004, с. 8]. Придание образу Феверс такой экзотичности и неоднозначности также является средством борьбы со стереотипами женственности.

В «Умных детях» героиня Дора Шанс также театральная персонаж, бывшая звезда мюзик-холла и театра варьете, рассказывает свою автобиографию с позиции прожитых лет. Представляется интересным в данном ракурсе проследить, как роль Феверс или же Доры на сцене может стать привычкой и постепенно перенестись в жизнь, тем самым иллюстрируя ролевую теорию, в которой особое значение имеют «гендерные и половые роли». Эта теория разрабатывалась Р. Линтоном [Linton 1936], а в дальнейшем Т. Парсонсом [Parsons 1951], постепенно приобретая популярность. Данная позиция кажется характерной для творчества А. Картер, где роли ее героев формируют ситуативные идентичности, они могут зарождаться и меняться при взаимодействии с окружающими, отличаясь своей неустойчивостью и выходя за пределы гендерных маркеров.

По мнению английской исследовательницы Линден Пич, «даже более важным, чем физическое присутствие в романе близнецов,

является концепт “двойничества”. Наличие близнецов в романе намекает на то, что и цирк с мюзик-холлом – зеркальные отражения друг друга. Исходя из этого “Ночи в цирке” и “Умные дети” также текстуально связаны в пару» [Peach 2009, с. 157].

Проблема самоидентификации в романе «Умные дети» стоит остро, но раскрывается в новом ракурсе: посредством определения идентичности близнецов как в общих чертах, так и с позиций женской субъективности. В произведении А. Картер ставится вопрос: может ли быть разная идентичность у двух одинаковых внешне людей или она одна на двоих, имеет ли тут какое-то значение внешний вид человека, наличие двойника и общей среды для формирования отдельной личности.

Для Доры очень важно уяснить для себя все вопросы, связанные с ее происхождением, и на протяжении всего романа главная героиня пытается узнать тайны своих родителей, узнать, кто же ее настоящий отец. Создается впечатление, что именно посредством обретения правды о своем рождении она укрепит границы своей личности. Неопределенность же в данной сфере не дает ей возможности обрести себя, свою идентичность.

Наибольшей яркости образ женственности как некоего маскарада достигает в финале романа в сцене, когда семидесятипятилетние женщины наряжаются для празднования Дня рождения Мельхиора. Они сами осознают, что становятся всё больше похожи на пародию женщины: «Я испытала жуткий шок, когда заметила нас двоих в большом позолоченном зеркале вверху – двое забавных старых девчушек, краска толщиной в дюйм, одетых на шестьдесят лет младше, звездочки на чулках и мини-юбки, обтягивающие ягодицы. Пародии. Нора поймала взглядом наши отражения в то же самое время, что и я, и она также резко замерла» [Carter 1992, с. 197]. В данном случае акцент делается на возрастных особенностях гендерной идентификации, которые актуализируются в работе исследователя Е. П. Ильина «Пол и гендер», где утверждается, что «половая идентификация – это стадийный процесс. Разные авторы называют разное количество стадий половой идентификации» [Ильин 2010, с. 116], каждый этап имеет свои характерные особенности с периодическими кризисами. В подтверждение социальной обусловленности гендера можно назвать состояние так называемой собственно полоролевой идентичности,

которая по сути есть «знание и усвоение ролей мужчины и женщины» [там же, с. 116].

Нора и Дора сами по себе становятся «зрелищем», разыгрывают свои образы как театральные постановки: «Мы нарисовали лица, которые у нас были раньше, поверх тех лиц, которые у нас сейчас» [Carter 1992, с. 192]. Это утверждение иллюстрирует понимание женственности как некоего маскарада. Когда героини видят себя в зеркале, они сами признают, что зашли слишком далеко в своем спектакле, но ничего с этим не могут поделать и, словно зачарованные, выходят на публику. Наблюдая себя в зеркале, Нора замечает: «Это трагедия каждой женщины ... после определенного возраста она выглядит как артист, изображающий женщину» [там же, с. 192]. В этом эпизоде А. Картер в очередной раз делает акцент на мысли о возможной трансформации женской субъективности с течением времени.

Церемониальное облачение героинь на семьдесят пятую годовщину чем-то напоминает манеру сестер одеваться и в юном возрасте: «Я вижу фотографии пары уличных ежей, наряженных как рождественские елки, во все виды смелых, игривых, причудливых, вызывающих, самых праздничных тряпок, которые они на себя одели, будто в шутку. Мы выглядели так, как будто нарядились взрослыми, чтоб выйти в город» [Carter 1992, с. 95]. В юном возрасте маскарад сестер заключался в подчеркнутой взрослости и женственности, они выглядели переодетыми во взрослых женщин детьми, которые еще не знают о половом разделении социальных ролей. Это кажется вдвойне интересным, потому что и в юности, и в старости героини превращаются в пародии на женщин, и таким образом становится очевидным, что в понимании А. Картер женственность темпоральна.

Немаловажным аспектом самоидентификации в романе является нахождение себя в отношениях сестринства и внешней схожести. Феномен идентичного внешнего облика постоянно играет с близнецами злую шутку, ограничивая их возможности для самоопределения и реализации себя как личности. Тем не менее следует отметить, что героини всё же немного различаются, и Дора дает еще в начале романа указание на это отличие, рассказывая о своей сестре, но в таком контексте, где они кажутся единым организмом: «Она всегда была свободна в обращении с деньгами, тратила их на торговцев, бедняжка, тогда как я пыталась немного отложить <...>. Она говорила жизни: “Да!” А я говорила:

“Возможно ...” Но сейчас мы вдвоем в одной лодке. Застряли друг с другом» [Carter 1992, с. 5]. И всё же биологическая одинаковость, по мнению А. Картер, не равняется тождественности, и бесспорной кажется мысль о том, что каждый человек – отдельная Вселенная.

Образ маскарада также постоянно используется как часть перформанса. Внешнее сходство позволяет сестрам играть роль друг друга, даже не пустив в ход маску, костюм и т. д., они могут обойтись без этого, но всё же не становясь друг другом, а лишь играя роль, что еще раз подтверждает их внутреннее различие. Так, для такого идеального спектакля достаточно лишь знания роли и какого-либо постороннего знака. В романе «Умные дети» Дора пользуется духами Норы для того, чтобы в глазах окружающих стать сестрой: «Я почувствовала незнакомый запах на своей коже и ощутила прилив женственности. Как только они начали называть меня Норой, я поняла, что могла бы поцеловать мальчиков и обнять управляющих с веселой несдержанностью, потому что все это совершенно естественно для нее. А для меня – нет» [Carter 1992, с. 84]. В данном случае парфюм – своего рода маска или грим клоуна, нанося который человек обязан смешить и развлекать публику. Так, по мнению Л. А. Софроновой, «примеряя на себя маску, человек стремится приобрести новую идентичность или показаться в новом виде. Так он затрудняет идентификацию как для самого себя, так и для другого» [Софронова 2006, с. 348].

Мотив маски мастерски обыгрывается и в романе «Ночи в цирке» посредством создания образов клоунов. Женские персонажи также периодически становятся ее заложниками. Из автобиографии Февеверс мы узнаем, что сценический образ воздушной гимнастки – не единственный, показательным кажется ее изображение статуи: «Вы помните, как по ночам в гостиной я изображала крылатую Нику...» [Картер 2004, с. 58]. Такое игровое «окаменение» унифицирует и доводит до абсурда сценические возможности личности, которая посредством превращения в статую и вовсе перестает существовать под своей оболочкой, что перекликается с усложнением идентификации посредством маски.

В романе также представлен и мужской маскарад, воплощенный в образах клоунов. Они ассимилируют в себе не только символических персонажей, которые раскрывают смысл маски и трагедию ее ношения, но и вымышленных, спроектированных, фигур, которые, по сути,

нереальны, а оживают только на сцене, становясь полусказочными персонажами, наделенными высокой долей трагизма. Так, Л. Пич замечает, что «их белые, гротескно разукрашенные лица пародируют отлитые в маски лица мертвецов» [Reach 2009, с. 145]. И в романе показательно то, что сценическая карьера клоунов закончилась трагедией.

Вообще же, клоун – неотъемлемая часть цирка, как и его нарисованное лицо. Исследовательница Бренда Ассал, которая, в частности, изучала атмосферу цирка, пишет о данном сложном персонаже следующее: «Пафос клоуна возник из комбинации его противоречивых ролей: то как глашатая смешного, то вечно страждущего, неудачливого персонажа <...>. Хотя клоун играл важную роль в цирке, его мир вне сцены был парадоксальным образом отмечен социальной изоляцией и крайней нищетой, болезнью и меланхолией» [Assael 2005, с. 100]. Клоуны не могут снять свои маски, потому что, с одной стороны, они – постоянный атрибут и реклама цирка, с другой – стороны они сами выбрали такой образ, чтобы замаскировать некую несостоятельность. «Немногим дано создать себя, как сделал это я, как сделали мы, как сделали вы, молодой человек, и в момент выбора ... когда ты медлишь с карандашами в руках в предвкушении: какие сделать глаза, рот ... тогда ты испытываешь настоящую свободу. Но как только выбор сделан, я приговорен быть Буффо вечно» [Картер 2004, с. 194]. А. Картер использует образы клоунов, чтобы показать, насколько маска может «срастись» с человеком, в конечном итоге и вовсе его вытеснив, когда под ней ничего не останется.

Таким образом, используя практики деконструкции гендерной идентичности с позиций феминизма, писательница разрушает стереотипные представления о женщинах, тем самым освобождая их от социально навязанных моделей, детерминирующих их поведение и статус в обществе. Данная стратегия наиболее ярко выражена в романах «Ночи в цирке» и «Умные дети», главные героини которых – звезды сцены с усложненным типом самоидентификации вследствие частого использования сценического образа и в реальной жизни. Их идентичности характеризует «нестабильность, множественность» [Lacan 1985], «перформативность» [Батлер 2001] и «карнавальность» [Бахтин 1990].

Так, героиня Феверс нарушает представления о феминном: ее крылья, фигура, манера поведения дестабилизируют логику бинарных

оппозиций. Подобно воздушной гимнастке, близняшки Шанс тоже отличаются специфическим типом женственности и используют маскарад. Они также в некоторой степени наделены гротескными чертам вследствие того, что родились близнецами, это придает их фигурам налет экзотики и открывает для героинь перспективу заработка посредством демонстрации своей уникальности.

В романах гендерная идентичность рассматривается как немало важная составляющая самоидентификации в целом. Если Феверс больше формируют общество и арена цирка, то близнецы Шанс находятся под влиянием семьи, сложная история которой и описывается в «Умных детях». Вопросы и ответы, которые возникают вследствие определения идентичности близнецов, также не укладываются в концепцию устойчивой гендерной идентичности и логики бинарных оппозиций, свойством которых является артикуляция гендерных различий.

Разрабатывая гендерную проблематику, А. Картер создает неоднозначные образы главных героинь, иллюстрируя, что женская природа исключает однообразие. Даже при внешнем сходстве, одинаковом воспитании и социальной среде палитра идентичности может быть многообразной. И кажется естественным, что подчеркивая разносторонность личности, писательница словно размывает гендерные границы, рисуя пространство, в котором наличествует столько коэффициентов дифференциации, что гендерные поля расширяются и не укладываются в бинарные оппозиции.

Концепт маски, нашедший свое отображение в романе «Ночи в цирке», ярче всего воплотился в образах клоунов, которые обретают свободу в масках и скорее не смешат, а издеваются над публикой и собой. Чтобы еще раз подчеркнуть, что типизированная феминность не является чем-то сущностным, эссенциальным, а сконструирована с патриархальной позиции, А. Картер и посредством клоунов дает возможность посмотреть на проблему с другой стороны: она заставляет мужчин попадаться в их же ловушки, они также становятся узниками своей роли, маски и костюма.

Так, данные романы А. Картер в определенной степени дестабилизируют концепт естественной, природной, женственности посредством создания образов героинь – участниц постановок, которым для работы необходим сценический костюм, постепенно переходящий в маскарадный костюм женщины. Можно предположить, что являясь

адептом теории социального конструирования гендера, писательница преподносит маскарад как неотъемлемую составляющую женской идентичности, которая в последующем дестабилизируется посредством гротеска и карнавализации. Данные стратегии действуют разрушительно на гендерные стереотипы и актуализируют индивидуальность личности во всех ее проявлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батлер Д.* От пародии к политике // Введение в гендерные исследования : в 2 т. Часть вторая. Хрестоматия. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетей, 2001. С. 164–173.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 479 с.
- Змановская Е. В.* Современный психоанализ. Теория и практика. СПб. : Питер, 2011. 288 с.
- Ильин Е. П.* Пол и гендер. СПб. : Питер, 2010. 688 с.
- Картер А.* Ночи в цирке. СПб. : Амфора, 2004. 479 с.
- Лобер Д.* Пол как социальная категория // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия / под ред. В. И. Успенской. Тверь : Тверской центр женской истории и гендерных исследований, 1999. С. 14–22.
- Софронова Л. А.* Маска как прием затрудненной идентификации // Культура сквозь призму идентичности. М. : Индрик, 2006. С. 343–359.
- Толкачев С. П.* Мультикультурный контекст современного английского романа : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 381 с.
- Assael B.* The Circus and Victorian Society. Charlottesville and London : University Press of Virginia, 2005. 237 p.
- Butler J.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York : Routledge, 1990. 172 p.
- Carter A.* Wise Children. London : Vintage, 1992. 234 p.
- Cavallaro D.* The World of Angela Carter: A Critical Investigation. Jefferson : McFarland & Co, 2001. 208 p.
- Doane M. A.* Femmes Fatales: Feminism, Film Theory, Psychoanalysis. New York : Routledge, 1991. 324 p.
- Freeman B. C.* The Feminine Sublime: Gender and Excess in Women's Fiction. Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 1997. 205 p.
- Lacan J.* Feminine Sexuality: Jacques Lacan and the Ecole Freudienne / Edited by Juliet Mitchell and Jacqueline Rose. New York : W. W. Norton, 1985. 187 p.
- Linton R.* The study of man: An introduction. New York : D. Appleton-Century, 1936. 503 p.

- Maxwell C.* The Female Sublime from Milton to Swinburne: Bearing Blindness. Manchester and New York : Manchester University Press, 2001. 279 p.
- Oliver K.* Social Melancholy, Shame, and Sublimation // S. M. Meagher, P. DiQuinzio (eds.). Women and Children First: Feminism, Rhetoric, and Public Policy. Albany : State University of New York Press, 2005. P. 135–160.
- Parsons T.* The Social System. New York : Free Press, 1951. 575 p.
- Peach L.* Angela Carter. Second Edition. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. 216 p.
- Riviere J.* Womanliness as Masquerade // H. M. Ruitenbeek (ed.) Psychoanalysis and female sexuality. New York : Rowman & Littlefield, 1966. 251 p.
- Roessner J.* Writing a History of Difference: Jeanette Winterson's Sexing the Cherry and Angela Carter's Wise Children // College Literature. 2002. № 29 (1). P. 102–122.

УДК 82.01./09

И. Б. Смирнова

преподаватель каф. отечественной и зарубежной литературы МГЛУ;
e-mail: le21mars@mail.ru

К ПРОБЛЕМАМ ОЦЕНИВАЮЩЕГО ВОСПРИЯТИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА

(Теория литературы. Текстология.

Методология защиты диссертационного исследования)

Статья посвящена изучению проблем восприятия научного текста на стадии редактирования, рецензирования, оппонирования, апробации и ввода результатов работы в научный оборот. Проблемы рассматриваются на стыке психологии порождения и восприятия научного текста, индивидуальных особенностей вербализации потока сознания, изначальных познавательных установок автора и цензора, связанных со строем мышления и ориентацией ведущей психической функции на кристаллизацию мыслеобраза (движение в сторону традиции) либо на его развоплощение (движение в сторону новаторства). Показаны некоторые причины самых распространенных конфликтов между автором и читателем цензором. Предпринята попытка систематизировать «научную» конфликтологию с целью предотвратить перерастание конфликта отвлеченных сил, порождающих текст, в межличностный конфликт ученика и учителя.

Ключевые слова: проблемы соавторства; столкновение намерений; конфликтология научной деятельности; философско-антропологический научно ориентированный уровень взаимодействия; запрограммированный компромисс.

I. B. Smirnova

Assistant at Literature chair, Moscow State Linguistic University;
e-mail: le21mars@mail.ru

PROBLEMS OF PERCEPTION OF THE SCIENTIFIC TEXTS

(Theory of literature. Textology.

Methodology of defending the thesis)

The article is devoted to the study of the perception of the problems of scientific text on the stage of editing, testing and introducing of the results in the world of science. Points are discussed at the intersection of psychology of generation and perception of the scientific text, the individual characteristics of the verbalization of stream of consciousness, the original cognitive author's and censor's attitudes related to orientation of the leading mental function on the crystallization of mental images (moving towards tradition) or on its disembodiment (movement towards innovation). Some of the most common causes of conflict between the author and the reader censor are shown. We try to systematize the "scientific" conflictology in

order to prevent the escalation of the conflict of abstract forces generating text into interpersonal conflict between student and teacher.

Key words: problems of co-authorship; clash of intentions; conflict of scientific activity; philosophical and anthropological scientific level of co-authorship; research oriented synergy; programmed compromise.

Введение. Обоснование рассматриваемой темы, цели, задачи

В последнее время замечено, как часто встает проблема цензуры в научном мире там, где сталкиваются намерения автора (писателя, исследователя, соискателя) и редактора (руководителя, рецензента, оппонента). И это объяснимо: идеальный автор в большинстве случаев представляет в научном сотрудничестве силы новаторства (оригинальности и дерзновения), тогда как идеальный цензор – силы сдерживающей традиции (охраны порядка, экспликации, структурирования). Мы не рассматриваем здесь взаимодействие соавторов на уровне оценки грамотности речи, полноты изученного материала, качества представления. Мы также оставим в стороне случай «перевернутых ролей». Ведь если исследователь недоразвил грамотность, трудолюбие, силу суждения, вследствие чего его работа нуждается в доработке редактора, то силы «новаторства» по отношению к продукту его усилий представляет уже руководитель, т. е. старший, а ему выпадает представительство от лица «традиции» вялой посредственности. Возьмем в центр нашего внимания только идеальное соотношение идеальных ролей: привнесение соискателем свежего новаторского импульса, неожиданного ракурса проблемы, богатой сети аналогий, фундаментального открытия. Кроме чисто психологического аспекта взаимодействия двоих в соавторстве, который здесь не рассматривается как принадлежащий области педагогики и психологии, кроме этических норм, относящихся к области регулирования взаимоотношений в обществе, существует и *философско-антропологический аспект*, вполне подлежащий практическому литературоведческому анализу. Этот анализ мы здесь и теперь ставим задачей осуществить, с тем, чтобы прояснить структуру полемики и насколько возможно попытаться заранее примирить в компромиссном решении противоборствующие силы, нередко приводящие в спонтанном развитии к межличностному конфликту.

Рассмотрение структуры конфликта как аналитический прием практического литературоведения применяется ведущими специалистами отечественной и зарубежной литературы, в частности лауреатом конкурса Союза писателей РФ «Лучшая книга» в номинации литературоведение профессором А. П. Бондаревым [Бондарев А. П. 1994, 2010, 2013]. Разделение на составные части конфликтной ситуации и рассмотрение каждой части в отдельности позволяет выявлять законы и принципы сюжетообразования в художественной литературе, а также предсказывать развязку интриги. Тем более в жизни этот аналитический прием позволит не только объяснить и облегчить ситуацию, но и удержать конфликт в рамках научного спора, не превращая его в личностную неприязнь. Анализируя заранее возможный сценарий конфликта, мы не допускаем того, чтобы предлог к научному спору обратился в причину взаимных обид. Мы не только ликвидируем эскалацию¹ [Глазл Ф., 2000], но и сам посыл конфликта – изначальный «петушиный» настрой, из которого рождается долгое изнуряющее «мучительство», вместо «учительства» и «мучение» вместо «учения».

Любой научный текст достаточного квалификационного уровня и проблемности постановки вопросов (т. е. посвященный изучению проблемы) – это продукт встречи уже существующих в традиции форм и едва нарождающегося лишённого формы содержания. Цензор, с одной стороны, не заметив сквозь очки новой идеи, рискует прилагать редакторские усилия к тому, чтобы «втискивать» эту «ново-рожденную» мыслеформу в мир устоявшихся научных представлений и понятий, а с другой – оставить ее малопонятной традиционалисту. Так что обе стороны изначально должны приготовиться к компромиссу, но не с самими собой: к взаимному компромиссу традиции и новаторства с целью воплощения совместного творческого замысла.

¹ Фридрих Глазл (р. 1941, г. Вена), один из признанных в Европе консультантов по организационному развитию, выделяет и подробно анализирует в своей книге «Самопомощь...» (2000) девять ступеней конфликта, которые самопроизвольно вырастают одна из другой, в случае неграмотно занятой позиции спорщиков, в отношении обсуждаемого вопроса, самих себя и друг друга. Это следующие ступени: 1. Усиление. 2. Дебаты, полемика. 3. Дела вместо слов. 4. Образы и коалиции. 5. Потеря лица. 6. Стратегия угроз. 7. Ограниченные уничтожающие удары. 8. Разгром. 9. Вместе в пропасть [Глазл 2000, с. 111].

Разберем категории, определяющие противоречия в научном сотворчестве, с целью минимизировать возможность перехода конфликта на личности. Универсализация категорий снимет напряженность всякого сотрудничества.

Основная часть.

Некоторые причины учебных дискуссий

1. *Интенция.* Научная работа может иметь интенцию, не входящую в область компетенции цензора, вследствие чего последний не усматривает внутренней логики материала. В таком случае рекомендуется иметь в виду возможность снятия критерия «последовательность» изложения, если каждая часть в отдельности (абзац, параграф, глава) несут законченную мысль. «Близорукая» традиция, не усматривающая общей цели высказывания, будет права, отказавшись от оценивающего суждения по данному параметру. Пусть охраняет элементы целого – это ее прерогатива. И напротив: будет не право то новаторство, которое целиком и полностью поддается критической разборке и раскраснеется при виде «выявленных недочетов». Преобразующий «луч» созидającego творчества всегда должен быть увереннее и мощнее сдерживающего «экрана» системы, частью которой цензор невольно становится, по мере функционирования в ней. Автору рекомендуется в случае правильного диагностирования конфликта обтечь лучом творчества «экран» таким образом, чтобы не обнаруживать и не выносить на обсуждение подлинной интенции, которая в противном случае при недопонимании может оказаться окончательно разрушенной на стадии перехода от мыслеформы к слову, т. е. в нашем случае – к научному тексту.

2. *Наполнение терминов.* Научная работа может иметь оригинальное наполнение устоявшихся в науке понятий и терминов. Оригинальное в двойственном значении. С одной стороны, непривычное, необычное, но это еще не есть прочное основание для того, чтобы традиция «склонилась» перед новаторством. Если же оригинальность проявляет себя в том, что авторское наполнение терминов более приближает их к естественному состоянию языка, чем к искусственному научному, то такое наполнение, несомненно, будет выглядеть более выигрышным в сопоставлении с надуманным содержанием научного термина, потребовавшего занесения своего специального определения

в словарь и память специалиста. Традиция здесь вправе требовать вербализации и экспликации новаторского наполнения термина. Но не вправе отменить его, если по наполнению он более естествен, нежели существующий. Новаторство здесь бороться за себя снова-таки не должно, обнаруживая близость естественному состоянию вещей. Если текст выдерживает редактуру и цензуру при экспликации терминов на полях, в скобках, либо в сносках, значит, терминология с ее новаторски более архаичным наполнением права. Если же цензор не уступает, значит, новаторское наполнение термина усложняет состояние вещей в научном мире и в таком случае должно склониться под топор палача. В противном случае течение науки будет непрерывно усложняться и перегружаться «вторичными» значениями существующих слов и понятий. И, в конечном счете, ей придется топтаться на месте.

3. Новые реалии. Научная работа может, напротив, иметь целью описывать новые реалии (аспекты реальности исследуемого материала), однако не иметь для них в арсенале наличествующих терминов готовых слов или оборотов. Проблема частая: хотим что-то сказать и не умеем, как взяться. Будет право новаторство, вводящие авторские неологизмы, с целью спасти новые реалии от раскрадывания на элементы, привязывающиеся к устоявшимся способам выражения. Рекомендуются цензору допустить словотворчество скорее, чем потребовать избегания прямого словесного указания на новооткрытые реалии. Автору не рекомендуется пользоваться имеющимся в наличии тезаурусом: это введет читателя в заблуждение. В случае же недопущения словотворчества мы рискуем утратить новые реалии.

4. Взаимодействие систем. Научная работа может привлекать в рассуждение по исследуемой проблеме терминологию из других систем: эпохальных (связанных с иным культурным периодом, т. е. другой культурой и эпохой); специфических (связанных с другой несочетаемой с применимой к объекту исследования философией); и мировоззренческих (связанных с глубиной постановки общечеловеческих вопросов). В таком случае, если автор смел и дерзок в обращении со словами, бывшими в употреблении в ином месте в иное время, либо пребывающими в употреблении другими областями знания, либо в случае, если автор переходит зыбкую границу объективного и субъективного, рационального и иррационального, науки и частного

мнения, – в таком случае цензору следует прежде чем вынести суждение провести разницу в углах зрения на оценку новаторства. Есть варианты, в которых следует определиться.

- Будем ли мы стоять на том, чтобы оценивать явления минувших культурных периодов глазами этих периодов. (Преступление уголовного – глазами самого уголовного).

- Дозволяем ли мы переоценку явлений «с высоты» прожитых лет, прошедших на земле веков или циклов развития. (Преступление уголовного – глазами суда).

- Имеем ли мы четкое представление об изменчивости мира, явлений и мировоззрений, с тем чтобы нашей волей внедрить это представление в научный текст, приближая его к адекватности отражения уровней восприятия одного и того же явления, соответствующих разным эпохам и лицам, либо пассивно допустить такую постановку проблемы соискателем. (Преступление уголовного – глазами жертвы, уголовного, суда, всех со-участников, свидетелей, а также близких и дальних родственников, друзей и знакомых уголовного и всех остальных, так или иначе причастных к событиям лиц).

В случае если цензор стоит на позиции «плюрализма», «поликультурности», «полилога», желая расширить набор оценочных средств и точек зрения на исследуемую проблему (предмет, объект, материал исследования), то рекомендуется допустить известную свободу перехода системных границ эпохи, философии, математичности в рассуждении автора. Когда ж цензор, охранник традиции, стоит на страже «искусства ради искусства» (т. е. «чистоты» искусства), а не «искусства во имя развития человека», тогда он блюдет систему оценок исторического периода, определенной философии или дисциплины, либо научности в смысле рационального суждения. Что, однако, создает в науке излишнюю замкнутость культурных пространств на себя и закрывает путь к размыканию вовне. Автору не рекомендуется спорить со стражем замкнутого пространства культуры. Если расчленишь по культурным пространствам сошедшиеся в научном тексте в тесном соседстве и взаимопроникновении категории, то текст утратит синтетичность и универсальность суждений (попытку подвести универсальные основы под свои суждения), глобальность находок. Но и полемизировать бесполезно. Если работа признается эклектичной, значит, автор и цензор не способны взаимодействовать по человеческому фактору.

Иначе говоря, область сопоставления и соотнесения культурных ценностей не входит в сферу интереса одной из сторон. Рекомендуется прекратить обсуждение обобщений. Возвращаясь к более узкому полю исследования: культурному, литературному, теоретическому, умозрительно ограниченному какой-либо системой (заданной в теме или в работе над ней изначально). Поскольку части или аспекты общечеловеческой проблематики так или иначе составляют предмет интереса обеих сторон. Однако гуманитарные исследования не только допускают, но и приветствуют сведение культурных пространств при оценке явлений. Это обеспечивает их взаимное освещение.

5. Риторика. Случается, что обсуждаются степени риторики. Традиция в лице «помощника» предъявляет требование к сухому информативному стилю, который соблюдал бы принципы доказательности, постепенного введения нового, понятийного или описательного выражения выводов, констатирующих научные открытия соискателя. Однако нельзя не признать, что сухая насыщенная информативность подбавляет тем участкам работы, где вводится материал, ставится проблема, определяются объекты исследования, в них выделяется предмет. Равно как и в тех частях, где представляются аргументы в защиту выдвигаемых положений. Однако яркость и неожиданность открытия вполне может быть подчеркнута риторическими средствами, включающими такие обороты, как, например, «обратим внимание», «нельзя не удивиться», «разве не» и соответствующую пунктуацию, управляющую интонацией и ритмом немого чтения (восклицательные знаки, многоточие перед неожиданным заявлением, сочетания восклицательных и вопросительных знаков). В ответ на требование сухости можно реагировать лишь только в части введения материала и аргументации положений. Однако в части выводов возможно сохранить экспрессию, особенно если речь идет о вещах общезначимых, а не узконаучных, т. е. если исследуется то, что касается всех и каждого. Эмоциональность как раз и привлекает внимание к этому моменту. Она – не пустой выплеск чувств на страницу, а прием подачи важного для всех заключения. Если же выглядит при этом естественно, то, несомненно, породит соответствующую экспрессивную реакцию читателя: согласие, соучастие и искреннюю поддержку.

Можно встретить и обратное пожелание традиции к новаторству: оживить повествование. Если же речь в этом случае идет

о монотонности констатации положений, аргументов, выводов, то возможно и даже уместнее всего будет оживить повествование цитатами: яркими иллюстрациями своих мыслей. Там, где оживления требует традиция, где само по себе оно не состоялось, необходимо привлечь посторонние силы. Ссылка на авторитет или цитата спасет двусмысленное положение монологического новаторского заявления. Если ошеломляющее открытие в нем отсутствует, то риторика неуместна, следует ограничиться информативной повествовательной ссылкой.

6. Рамки сюжета. Если же, особенно при обсуждении филологического исследования, традиция потребует рассуждать в категориях «герой – героиня», пребывая в пространстве сюжета произведения, и проводить параллели только с литературным окружением, не применяя романную ситуацию к самой жизни, то традиция будет права только в части филологического анализа. Любое гуманитарное исследование, если и актуально для науки, то потому лишь, что предлагает «совмещение миров», иначе говоря, открытие в себе самом причастности к любому вопросу, любой жизненной ситуации, всей жизненной проблематики. Ограничиваться рамками филологического анализа означало бы малодушно отгораживаться от тех сложностей, в которых реализуется судьба героя. Рассуждать в категориях своей гуманитарной дисциплины «о третьих лицах» означало бы абстрагироваться от конкретных испытаний, которые проходят человек и человечество: каждый герой и читатель – вместе с ним и в нем. Переносить любую общечеловеческую проблематику на современность – не только право, но и долг исследователя. Сюда же следует отнести перенесение общего на частное, и чужого – на свое. Только в случае, если исследователь в области гуманитарных наук выходит на общечеловеческие вопросы, продвигаясь в своих изысканиях к корням общих вечных проблем, чужой опыт становится своим собственным, с разделением экзистенциального страдания приходит неминуемо разделение заслуги.

7. Идеология. Наконец, может случиться так, что работа затрагивает или подрывает своим новаторством чужие области влияния, власть чужой школы, идеологические принципы формирования «законопослушной» традиционалистской модели сознания. То есть прямо или косвенно исподволь предлагает сменить жизненную позицию, представляя собой вызов обыденному течению внутренней жизни,

состоящей из суждений, представлений, восприятий. Иному исследователю удается перевести постановку проблемы на новые основания либо вовсе вывести из области общеизвестных представлений о человеке, поиске смыслов, процессах духовного роста. Такое абсолютное новаторство бывает особой находкой для науки. Не встретив понимания, оно не будет оскорблено. Не будучи оцененным, не окажется в ущербе. Такое новаторство втайне помолится по-буддийски молитвой о разделении заслуги: «Пусть все существа будут счастливы, участвуя в моих заслугах»¹! (Punnamumodana).

8. Подбор источников. Состав и пропорции библиографии, не смотря на малую причастность к содержанию опуса и незамысловатость поставленной задачи (перечислить книги и статьи, использованные в научной работе), порой парадоксальным образом выступают основой суждения цензора. Это происходит только в том случае, если цензор не принимает содержания (выше мы перечислили возможные камни преткновения: идеологию, масштабные обобщения, риторику, эклектичность, проблемы терминов либо намерение исследователя). Убедительным аргументом в споре с критикой может послужить правдивая библиография, составленная именно из тех работ, к которым обращался автор. Традиция придирается к перечню справочной литературы (словарей, учебных пособий), году издания книги, которая могла быть переиздана, архаическим источникам вековой и более давности, в случае, если гуманитарные проблемы были пересмотрены позже. Традиция также требует энциклопедичности знания всех и каждого, отечественных и зарубежных ученых, обращавшихся к теме и проблеме. Последнее, чего она ждет: красоты оформления списка в отношении ГОСТов и пропорций. Это означает, что записи должны быть симметрическими и стандартными. Свежей научной литературы должно быть гораздо больше, чем ветхой. Не должны быть забыты корифеи своих наук. Пусть новаторство не беспокоится о претензиях

¹ «Заслуга» (*санскр.* пуна) – в буддийском контексте является специфическим понятием, обозначающим «положительный кармический потенциал, накопленный вследствие совершения благих деяний посредством тела, речи и ума» и имеет более широкое значение, чем в светском словоупотреблении. Накопление заслуги приводит к благоденствию в сансаре и является неотъемлемой частью пути духовного совершенствования [Глоссарий Шантидевы, с. 218].

к списку. Они не более, чем подтверждение неприятия работы. Сам по себе список не может явиться причиной отклонения работы, тем более если он правдив и достаточен в объеме. Никаких пропорций и правил не существует, помимо правдивости. Если соискатель был упорен в труде и поиске, «боролся и искал, нашел и не сдавался», согласно пионерскому девизу, ни одна из прочитанных и указанных в списке книг не может быть сочтена лишней, случайной, глупой, «третичной», незаконной. Движение настоящего исследования происходит не «по нотам» (прочел – записал, прочел – записал, готовы выводы). Чтение и конспектирование прерывается периодами размышлений. Случайные книги предлагают новый взгляд на проблему. Те же, кто двигаются «от источника – к творчеству», вынужденно пользуются заготовленными средствами решения предустановленных другими проблем. Ничего нового, неожиданного, весомого и прекрасного перо такого ученика не выдаст. Больше, на что можно его сподвигнуть, – выразить свое мнение относительно существующих. Ну, а ... где же новаторство!??? Критиковать – и предлагать: разные вещи. Из критики не рождается новая идея. Разве что-то искусственное, «от противного», просто не для истины, а «назло» оппоненту. Не стоит стартовать с изучения, обзора, описания критических работ, прежде чем сам автор не сформулирует и не попытается решить проблему в своем воображении. Именно имея результат, с большим интересом, порой – с азартом и рвением изучает он чужие мнения по решенному им самим вопросу. Спор с ними тогда уже не будет его основной целью. Основная цель будет выше, шире и благороднее: открытие! В случае если оно неспоримо, у цензора нет права придираться к списку. Соискатель не обязан включать в него все, что он прочел, а только те книги, на которые сослался. Предположим, из старого исторического трактата взято описание еще более ветхого периода истории: это не ошибка, не недочет, не промах. Если диссертация не по истории, то любое описание нужного периода, иллюстрирующее положения диссертации, сгодится. Никто никогда не издавал закон: «совершать новые открытия только на базах новых открытий»! Да это и невозможно. Область открытий – никак не может быть задана и также далека от шекспировской «философии пустотности» («из ничего не выйдет ничего» Король Лир). Нельзя заранее знать, из каких источников будет извлечена мыслеобразная структура

для нового независимого рассуждения или построения. Использовать «вторичное» и «третичное» – еще не означает не знать «первичного», а лишь означает умение использовать обработки. Словом, традиция в своих обвинениях вновь не права. Однако новаторство не должно прямо здесь ей на это указывать, а продемонстрировать лишний раз, каким образом источники послужили обоснованию, аргументированию, раскрытию темы. Здесь могут быть и пособия, и путеводители, и «Богом забытые» трактаты. При условии, что соискатель владеет темой и всем набором подходов, вместе с их приемами объективации и завершения, его библиография права. Если же свежие источники не процитированы за ненадобностью (о, как часто они лишь дублируют давно известные вещи), лучше их механически включить в условный список литературы, чтобы не оскорблять всех участников полемики.

9. Механическое перенесение оценочной матрицы с одного вида креативности на другой. Пусть не стремится молодой соискатель любой ценой войти в ряды «знаек». Всякое знание на земле – обусловлено земным рождением, средой воспитания, условиями развития, традицией образования, требованиями стандартов, силой и напористостью характера, дипломатичностью, политичностью, крепостью природного здоровья, генетической продолжительностью жизни и т. д. и т. п. Не учитывая таких особых факторов, как перепады фортуны, перемены в требованиях к количеству научных публикаций, ежесезонные новшества в требованиях к защитительному коллективу, успех защиты также обусловлен публичным отношением к родной академической школе, которое, в свою очередь, основывается на бездушных показателях статистики, таких как количество (а не качественные параметры) выпущенных работ, количество (а не качественные параметры) выступлений на конференциях, количество (а не качественные параметры) подготовленных кандидатов или докторов наук.

Что мы имеем в виду под определителем «качественные параметры»? Есть такие параметры, которые возможно ощутить по силе произведенного на реципиента воздействия. Эффект прочтения сотни статей порой не сравнится с эффектом одной последней; оратор поражает аудиторию не только содержанием речи; наконец, характер «достижения» квалификационного уровня разнится в зависимости от профиля специальности.

Все специальности поддаются условному делению на два вида: первый вид требует для повышения квалификации спецификации и сужения предмета исследования, тогда как второй вид требует, напротив, универсализации и расширения предмета исследования. Первому виду научной деятельности посвящают себя естественники (включая языковедов), невольно «заостряя» способ, инструмент и «орган» (ability) направленного поиска, с целью его дальнейшей практической применимости. Второму виду – преимущественно исследователи гуманитарных областей и направлений знания, невольно «расширяя» свои способы, инструменты и даже сами «органы» познания с целью выхода на уровень теоретического универсального обобщения глобальных проблем. Первые оцениваются, скорее, по оценочной шкале «практика», вторые – по оценочной шкале «теоретика». Открытия первых – регулируют процессы в мире на основе рассудочных механизмов, открытия вторых – на основе интуитивных. Первые развивают «кинетику» мышления, вторые – «потенциал».

Первые, как правило, ощущают свою деятельность как труд, в связи с чем чувствуют за собой право на пропорциональную материальную компенсацию. Свое научное исследование они проводят в обрамляющем контексте «жизни», четко в себе различая «себя-деятеля» и «себя-человека». Им часто удается реализовать «классические» представления о семье, школе, благосостоянии. Они мыслят и имеют продукт их творчества отдельно от себя, поскольку творчество их направлено «вовне».

Вторые ощущают свою деятельность как жизнь, смысл самой жизни, смысл и направление своего собственного развития, т. е. деятельность их «сливается» в их существе с самим их существованием. Это может быть естественное «до плавности» гармоничное движение в своем мире, вместе со всем тем, что приобретается из сферы знания. Эти люди не ощущают за собой права на материальную «отдачу», даже если их творчество бывает ближе к стихии работы, чем игры. Более того, руководствуясь энергией совокупной (внешней к внутренней) увлеченности, они почти не нуждаются ни в какой «компенсации» извне, кроме самого необходимого. Есть и экстремальный вариант: отвержение материальной награды, с целью полного переключения на духовные источники своей жизнедеятельности и таким образом на «бестелесное пропитание» в мире мыслеобразов. Это из

их числа рождаются «подвижники и мученики» науки, которые не берут во внимание и в расчет параметры «личностного удовлетворения», умея посвятить свою персону всеобщности. В наш «предел» приносят свет и знания не «избранные», а «званные», не «новобранцы», а «призывники». Это значит, что «добыча» и степень развития их таланта будет пропорциональна самоотдаче. Они находят его не в «обиходе», а «за кругом». Свою жизнь они проживают в обрамляющем «контексте» своей бескрайней «науки», обращенной столько же вовне, сколько вовнутрь. Им нет необходимости иметь разные ипостаси для «человека» и для «деятеля»: творчество они не реализуют и не мыслят отдельно от себя, поэтому продукт и результат его имеют как в науке, так и в своей человеческой природе. Они не стремятся к реализации никаких «классических» представлений о внешней жизни (семье, школе, благосостоянии), которая слита у них роковым образом с ее внутренним «гуманитарным» насыщением. Они не зарабатывают «костюм для выступлений», потому что их «говорящая за себя» сущность – является ярчайшим их выражением, превосходящим и затмевающим по яркости и «одежды», и внешность, и возраст. Такова прерогатива настоящего гуманитария. Это как раз тот случай, когда и «голый» (т. е. нищий) останется на «сцене» жизни «королем». (Только о деятелях искусства речь здесь не идет: у них особые степени, имеющие особые параметры оценивающего восприятия).

В списках квалификационных компетенций еще не прописаны и не закодированы соответствующие оценочные категории для разделения этих двух видов учености, потому что «методология науки» переносит штампы из прошлого в будущее, слева направо, из «языкознания» в «литературоведение», с «мужского» на «женское», если хотите – с Солнца – на Луну и т. п. ... А порой возвращает слово в Хаос Первотворения, объединяя два «разнополюсных» профиля под единой «крышей»: 45.46.01. Следует читать: «Языкознание и литературоведение», т. е. «возвращенная в пену Афродита» (О. Мандельштам. *Silentium*).

Следует иметь в виду, что «качественные параметры» не только не оцениваются «в свете», но и часто игнорируются как неподдающиеся количественному исчислению. Эксперты не видят разницы в требуемом «качестве» работы лингвиста и литературоведа, предъявляя к первому требования «философичности», ко второму – «словарной»

прозрачности, исчерпанности, определенности. От «исполнителя» требуют артистизма, в «композиторе» убивают артиста.

Итак, мы убеждаемся: все условия успеха заранее заказать невозможно.

10. Несомненная истина. Не забудем, что свидетельство академической учености не имеет почти ничего общего с человеческой мудростью. Насколько человек кристаллизует и отработывает приемы аналитики, настолько же поработает им себя, а естественное истинное видение мира замещает дважды обусловленным: призма органов чувств осложняется призмой категорий, дважды затуманивая взор. Пусть не расстраиваются непризнанные первооткрыватели, отвергнутые поэты, рискованные мыслители. Риск – благородное дело. Ученая степень – не показатель благородства. Ученое звание – новое принуждение к мертвой функции воспроизведения готовых форм, умножения известных приемов, отстаивания самого себя. Борьба за себя, замещающая старание ради истины – не есть благородное дело. Искатель становится «нашедшим», творец – производителем и тиражером найденного. Новаторство, незаметно для себя самого, погрязает в требованиях соответствий стандартам повседневного употребления, умерщвления духа, поклонения букве. Отстаивая себя, оно принимает на себя всемерно и функции и имя традиции. Точка. Движению конец. Благородный ученый невольно служит сдерживающей, дисциплинирующей, структурирующей, кристаллизующей силе науки. Но это и неизбежно: таковы зрелость и взрослость. Роль старшего – удерживать существующее от разрушения; строитель – всегда новоприбывший. А исполнение обязанностей традицией вмещает в себя почетная награда: служебная должность.

Несомненная истина для идущего заключается в трех моментах: прогрессивное развитие, открытие и «скачок» на качественно новый уровень знания искатель совершает: 1) *только в себе*; 2) *относительно себя*; 3) *для себя*. Не обольщайтесь всемирной известностью. Раз искатель наивно заметил вскользь о пользе работы в архивах: среди неизданного «больше интересного». Надо полагать, оттого, что «слаще» нам «запретный», т. е. удержанный цензурой, «плод». Либо оттого, что «интересным» становится всё то, что ложится поверх изученного, уже известного: всё то, что «прикрепляется» к готовой «ветке» накоплений, вырастающих на «стволе» изучения темы. Чем глубже корень, крепче ствол, длиннее ветви проделанной работы, тем более

сладкий плод «прикрепляется». Продолжим цепь ассоциаций. Если неизданное «слаще» изданного, то, пожалуй, ненаписанное и невоплощенное – любопытнее, перспективнее и удачнее, чем всё воплощенное (т. е. плод в стадии завязи). В таком случае всё то, чему еще предстоит зародиться в нашей творческой фантазии, обладает гипотетически куда большим созидающим потенциалом, чем всё то, что хотя не доведено до текста, но уже замыслено (т. е. цветок). С одной стороны, пусть наша «флористическая» логика вдохновит «художника». С другой – пусть читатель поймает себя на обмане. С позиций рассудка, не может быть «неизданное» важнее, нужнее и притягательнее «изданного», поскольку то и другое приобретают свои качества одно относительно другого. Так устроен мир.

Заключение.

Идея запрограммированного компромисса

Пусть всяк вступающий на путь подготовки в общество ученых заранее запрограммирует компромисс с формальными требованиями. Пусть это его не смущает: эффектом компромисса может явиться даже более зрелая, полная, логичная, стройная квалификационная работа, чем была до редактирования. Несомненно, что естественнику, в котором преобладает логическое мышление (восходящее генетически к кармической обусловленности явлений материального мира), придется взять у своего учителя цензора уроки вдохновения (восходящего к Вере); тогда как гуманитария, склонному к ассоциативному мышлению (восходящему генетически к области вдохновения), придется взять у учителя цензора уроки постижения законов причинно-следственной зависимости. В этой своей ипостаси, в отличие от прочих, «традиция» и «новаторство» непреложно дополняют и уравнивают друг друга, являясь друг другу «белыми», а не «черными» (как в остальных случаях) учителями. Что может Вера, за которой волочится «хвост» долженствования, обязательств и клятвы? Что может отработанная Карма без «крыльев» освобожденной фантазии, риска «переступления»? Очень мало. Первая – будет «летать», но перестанет «ходить» среди людей, в своей гордыне отрекшись от голоса разума. Вторая – останется на земле, так и не взлетит, в своей гордыне отвергну голос творчества: абсолютных небесных радостей, которых заслуживает, в конечном счете, самый разный труд [Смирнова 2017, с. 158].

Воспользовавшись рекомендациями для сохранения большей части находок и средств достижения успеха, квалификационная работа безболезненно для участников сотворчества достигнет цели, не оставив в ущербе ни тело их, ни дух. Ну, а если искатель прочувствует все предъявляемые требования, проникнется претензиями и услышит жалобы читателей специалистов, то она ... превзойдет свою цель, на пути реализации философии подлинного «Диалога» М. М. Бахтина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М.* Слово в романе / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. С. 72–233.
- Бахтин М. М.* Эпос и роман / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. М. : Художественная литература, 1986. С. 392–427.
- Бахтин М. М.* Собр. соч. : в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961) / М. М. Бахтин. М. : Языки славянских культур, 2012. 880 с.
- Бондарев А. П.* Поэтика французского романа Нового времени. (К проблеме генезиса, становления и эволюции жанра) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 384 с.
- Бондарев А. П.* Поэтика французского романа XVII в. : учеб. пособие. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. 109 с.
- Бондарев А. П.* Мифология. История. Человек: Литература Великобритании и США: учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. и перераб. М. : МГЛУ, 2013. 661 с.
- Глазл Ф.* Самопомощь в конфликтах. Концепции – упражнения – практические методы / пер. с нем. Калуга : Духовное познание, 2000. 192 с.
- Мандельштам О.* URL : lib.ru/POEZIQ/MANDELSHTAM/tristia.txt
- Сборник молитв буддиста / Ошо. Учение Будды / Шри Дхаммананда. М. : ИПЛ, 2015. 190 с. (Серия «Мастера буддизма».)
- Смирнова И. Б.* Женская ипостась флористического архетипа древнеяпонской литературы: Мурасаки. На материале поэтических антологий «Манъёсю» 万葉集 (V–VIII вв.), «Кокинвакасю» 古今和歌集 (VIII–X в.) и Моногатари 物語 (IX – X вв.). Цикл: Восток и Запад: спор или диалог? / И. Б. Смирнова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 3 (771). С. 130–161. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest-2017/3_771_2017_indd.pdf.
- Шантидева.* Путь бодхисатвы (Бодхичарья-аватара) / пер. и общ. ред. Ю. Жиронкиной ; науч. ред. Б. Загуменнов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Фонд «Сохраним Тибет», 2014. 280 с.
- Шекспир У.* Король Лир. URL : lib.ru/SHAKESPEARE/shks_text4.txt

УДК 215

А. Я. Касюк, Р. А. Силантьев, М. А. Полетаева, А. А. Амелёнков

Касюк А. Я., доктор исторических наук, директор Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ;
e-mail: imoispn@mail.ru

Силантьев Р. А., профессор Московского государственного лингвистического университета; e-mail: rsilantiev@mail.ru

Полетаева М. А., кандидат культурологии,
декан факультета гуманитарных наук МГЛУ;
e-mail: m.poletaeva@mail.ru

Амелёнков А. А., кандидат экономических наук, доцент каф. информационной безопасности факультета международной информационной безопасности МГЛУ; e-mail: amelioncov@gmail.com

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЕВРЕИ В ЭКСТРЕМИСТСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ИСЛАМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА

В статье рассматривается проблема террористической деятельности евреев, принявших ислам. Авторы статьи исследуют причины принятия радикального ислама русскоязычными евреями на конкретных примерах с учетом среды формирования личности.

Ключевые слова: евреи; экстремизм; терроризм; противозаконные секты; исламистские организации.

A. Y. Kasiuk, R.A.Silantyev, M.A.Poletaeva, A. A. Amelioncov

Kasiuk A.Y., Doctor of Historical Sciences, Director of Institute of International Relations and Social and Political Sciences;
e-mail: imoispn@mail.ru

Silantyev R. A., Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of World Culture Faculty of Humanities MSLU;
e-mail: rsilantiev@mail.ru

Poletaeva M. A., PhD of Culturology, Faculty of Humanities, Dean;
e-mail: m.poletaeva@mail.ru

Amelioncov A. A., PhD of Economy, Assistant Professor of the Department of IT Security; e-mail: amelioncov@gmail.com

RUSSIAN-SPEAKING JEWS IN ISLAMIC EXTREMIST AND TERRORIST ORGANIZATIONS

The article deals with the problem of terrorist activities of the Jews who converted to Islam. The authors explore the reasons for the adoption of radical Islam Russian-speaking Jews with specific examples based on the environment of identity formation.

Key words: Jews; extremism; terrorism; illegal sect; Islamic organization.

Среди новообращенных русскоязычных мусульман можно выделить достаточно большую группу евреев, которые преуспели в разных сферах жизни. Самым колоритным из них стал, по мнению авторов статьи, муфтий Адуль-Куддус Ашарин из Свердловской области, возможно, первый муфтий-еврей в истории. Что интересно, до принятия ислама он реально исповедовал иудаизм, что в целом нетипично для евреев-неофитов. Остальные неофиты такого типа стали преимущественно журналистами – ветераны сионистского движения Андрей Дубров (более известен под псевдонимом Дмитрий Орлов, обозреватель одиозного «Кавказ-центра») и Валентин Пруссаков (писатель и журналист газеты «Завтра»), супруги Сергей-Джаннат Маркус и Анна Леон, редкая разновидность произральского неофита в лице Валерия Емельянова с портала «Кредо», а также сын оккультного философа Гейдара Джемалья Орхан Джемаль, являющий собой полную противоположность Емельянову и еврейское государство совсем не жалуемый.

Все вышеперечисленные люди экстремистами и террористами по российскому закону не считаются, хотя многие из них исповедуют весьма радикальные взгляды. Но есть и другая группа неофитов, недавно прославившаяся благодаря израильскому репатрианту из Белоруссии Валентину Мазалевскому. Он принял ислам под влиянием жены-арабки и вознамерился вступить в ряды ИГИЛ, однако был вовремя обезврежен. Однако в этом ряду Мазалевский был далеко не первым [Репатриант, принявший ислам ... URL: israinfo.co.il/2017/03/01/repatriant-prinyavshij-islam-sobiralsya-vstupit-v-igil].

25 мая 2011 года дагестанская общественная организация «Правозащита» сообщила о преследованиях правоохранителями 19-летнего еврея, что особо подчеркивалось в сообщениях СМИ – Сергея Евлоева из Дагестана, который незадолго до этого принял ислам. Евлоев

неоднократно задерживался и допрашивался сотрудниками МВД, которые подозревали его в связях с террористами, хранении оружия и нападении на сотрудников правоохранительных органов. В июле 2016 г. он был осужден на 2,5 года за незаконное хранение оружия [Портал ... URL : lenynskiy.dag.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=159].

В марте 2011 г. в федеральный розыск был объявлен «русский» ваххабит еврейского происхождения Виктор Двораковский, который проходил подготовку как террорист-смертник. Тогда в его квартире взорвалась кустарно сделанная бомба, после чего он пустился в бег. Вместе с Двораковским в розыск объявили также уроженца Сочи Александра Дудкина [Интерфакс ... URL : www.interfax.ru/russia/189240]. Примечательно, что до этого Двораковский был скинхэдом.

Поймать его удалось 14 июля 2011 г. в родном поселке Иноземцево, где Двораковский отбивался от силовиков самодельными бомбами, в результате чего потерял левую кисть. 24 мая 2012 г. Ставропольский краевой суд приговорил террориста к 23 годам колонии строгого режима. Вместе с Двораковским приговор был вынесен его пособнику и единоверцу Владимиру Скирко, который получил шесть лет колонии общего режима [Интерфакс ... URL: <http://www.interfax.ru/russia/247255>].

Имам Антон Шпак прославился весной 2011 г., когда о нем в интервью «Комсомольской правде» рассказал муфтий Пермского края Мухаммедгали Хузин:

«У нас в Пермском крае есть свой поселок Октябрьский, есть деревня Седяш, в которой обосновался ваххабитский центр. Имам там некто Антон Андреевич Шпак. Прошел обучение в Египте.

– Не понимаю, если это такая опасная ваххабитская организация, почему она существует?

– Потому что есть параллельные исламистские организации, получившие в России официальный статус. В Перми, например, это ЦРУ, т.е., Центральное Религиозное Управление мусульман Пермского края. ЦРУ входит в Совет муфтиев России Равиля Гайнутдина. Расположено в Зеленой мечети на улице Осинской, 6. Возглавляет эту компанию товарищ Хамит Галяутдинов, коммунист, бывший парторг. В свое время был направлен Советской властью в качестве представителя обкома партии в мусульманскую общину. Вот этот товарищ и выдал свидетельство о назначении имамом поселка Октябрьский товарищу Шпаку Антону

Андреевичу. Мы изъяли там конспект, по которому Шпак преподает ученикам. В конспекте так и прописано: «Будем учить Ислам по основателю ваххабизма Махаммаду Ибн Абдуль-Ваххабу». Обсуждаемые вопросы: отношения с иудеями, с христианами. Вероотступничество самих мусульман и т.д. Изъяли запрещенную в России экстремистскую книгу «Единобожие», по которой он преподает.

– С кем и каким образом вы изъяли всё это?

– Мы туда поехали с представителями центра по противодействию экстремизму. Собрали сход селян. Пришла и эта компания ваххабитская. Абсолютно все селяне высказывались за то, чтобы эти люди со своим учением исчезли. А ваххабиты им говорят, если вы будете против нас, то ваши дома сгорят. А наутро в эту деревню из Первоуральска приехала группа с видеокамерами и давай снимать дома наиболее активных противников ваххабизма.

Вызвали милицию, у всех «откатали» пальчики, но не нашли оснований кого-то задерживать. Дома фотографировать у нас не запрещается. Хотя налицо явная демонстрация угрозы. А потом они заявляют имаму нашему и еще нескольким людям, если будете выступать против нас – уьем и дома сожжем! Имам и другие люди пишут заявления в милицию. Но со стороны органов пока серьезных никаких движений не видим» [Варсегов 2011].

После этих заявлений начался скандал, и Совет муфтиев России официально заявил, что Шпака на работу имамом официально никто не брал, однако муфтий Хузин опубликовал документы, подтверждавшие, что Шпака все-таки брали [Шпак всё-таки ... URL : perm.bezformata.ru/listnews/shpak-vsyo-taki-imeet/751071]. После этого Шпак вернулся в Свердловскую область, где являлся главой общины мечети «Иман» рабочего поселка Рефтинский. В 2015 г. была передана огласке история об изъятии у Шпака партии наркотиков, по итогам которой он был осужден на 5,5 лет лишения свободы в колонии общего режима [Прослеживаются связи с ИГИЛ ... URL : 66.ru/news/society/181654/].

О выходе из Челябинской области еврее Александр Гайворовском, создавшим ваххабитскую банду для разбойных нападений, практически ничего не известно. «В поле зрения Управления ФСБ по Челябинской области Александр Гайворовский не попадал. Он родился здесь, в горнозаводской зоне, но в регионе не жил. Осужден местным судом за какие-либо преступления не был. Всю преступную

деятельность вел в Московской области», – так лаконично сообщили о нем в ФСБ [Интерфакс от 1 марта 2012].

29 февраля 2012 г. банда Гайворовского в составе пяти человек попыталась совершить разбойное нападение на склад в подмосковном городе Химки, однако попала в засаду и была полностью уничтожена. В квартире, которую снимали налетчики, была обнаружена ваххабитская литература, факт приверженности погибших к исламистам подтвердили их задержанные пособники [Жеглов 2012]. «Лидером банды оказался уроженец Челябинской области Александр Гайворовский, который, будучи евреем, некогда попал под влияние ваххабитских проповедников и стал горячим приверженцем этого радикального течения ислама», – уточнили затем правоохранители [Бандитов из Химок ... URL : utro.ru/articles/2012/03/01/1031828.shtml].

Самым ярким и необычным из российских евреев-ваххабитов стал уроженец Волгограда, дважды кандидат наук Андрей Карасик. Его история могла бы стать намного более скандальной, чем история злополучной студентки МГУ Варвары Карауловой, однако по ряду причин это не произошло.

Карасик родился в семье профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ) Владимира Ильича Карасика, достаточно известного филолога и лингвиста. Его карьера строилась неплохо, – закончив филологический факультет ВГСПУ, Андрей Карасик защитил диссертацию по теме «Лингвокультурные характеристики английского юмора», после чего резко изменил свои интересы. Затем он закончил факультет электроники и вычислительной техники ВолгГТУ, защитил кандидатскую диссертацию уже по техническим наукам и стал преподавать.

Параллельно Карасик занимался спортом, где и познакомился с одним египтянином. Далее события развивались так: «Полтора года назад 38-летний Андрей Карасик увез жену и трех детей из Волгограда в Сирию, где сам примкнул к боевикам «Исламского государства» (террористическая организация, запрещенная в России). А недавно журналисты федеральных СМИ в Курдистане среди личных вещей боевиков нашли паспорт волгоградца и документы членов его семьи.

Всё началось десять лет назад. Именно тогда Андрей впервые стал интересоваться исламом. Родители гордились сыном: образованный,

амбициозный, с серьезными планами на жизнь. Устроился преподавать в техническом университете, обзавелся семьей.

В вузе его все любили, даже студенты. Один парень из Египта разделял страсть к спорту. Знакомство с ним стало роковым.

– Он [Андрей] принял ислам десять лет назад. Его вовлек египтянин, который учился в одном из волгоградских вузов и занимался с ним культуризмом, – рассказал отец боевика Владимир Карасик корреспондентам RT.

Родственники пытались образумить парня, но мечеть Сахабов в Кировском районе города стала его вторым домом. Под влиянием вербовщика, с которым учился, он перенял идеологию ваххабита.

– И не только он, – прокомментировал председатель организации «Союз мусульман Волгоградской области» Султан-Хаджи Абубакаров. – Я знаю, что Алексей ушел воевать в Сирию. Уходят они, потому что наши так называемые духовные лидеры мало работают с молодежью. Информации о религии у молодых людей практически нет. Только то, что нахватили в Интернете. Мы стараемся решить эту проблему.

С 2012 г. он стал усиленно изучать Коран и путешествовать по миру. И однажды решил уехать в Сирию. Навсегда.

– Там оказался он, там оказалась его жена, там оказались его маленькие дети, и что с ними – я не знаю, – говорит отец Андрея RT.

Теперь судьба жены Таи и детей Ясмину, Амина и Амира неизвестна. А на странице в соцсетях в статусе написано: «Андрея Карасика здесь больше нет. Пожалуйста, не пишите» [Нуркаева, Зубова 2016].

Отец Карасика очень сожалел, что не уследил за религиозной эволюцией сына, который стал жертвой классической схемы вербовки – через спортивную секцию. «Андрей очень часто говорил, что совсем скоро ислам завоюет мир. Если бы я знал, что под этим он имел в виду не традиционную религию, а халифат. Андрей сказал мне, что хочет переехать в Германию, получить там для себя новый опыт работы. Увез с собой семью. И вдруг он позвонил мне из Сирии, сообщив, что находится в халифате. Это было шоком для меня!», – жаловался он журналистам.

О судьбе Андрея Карасика точных данных пока нет. Предполагается, что он был уничтожен в районе сирийского города Шаддади, где

обнаружили его документы. По мнению автора статьи «Джихад по-русски: откуда в Сирии взялись славяне-террористы» Карасик оказался единственным новообращенным евреем из России, примкнувшим к ИГИЛ, однако это слишком оптимистичное утверждение [Джихад по-русски ... URL : cont.ws/post/390308].

Лидер ячейки Национальной организации русских мусульман (НОРМ) в Санкт-Петербурге Максим Байдак, известный также под кличками Салман Север, Альбина Иванова и Максим Журавлев, родился в 1986 г. [Neva Today. URL : polit.neva.today/news/55603; Российская газета 2013]. Он считает себя выходцем из смешанной семьи, однако единоверцы выражают уверенность в его еврейском происхождении [Салман Север ... URL : www.ansar.ru/person/salman-sever-uznik-sovesti].

До принятия ислама Байдак был кришнаитом, параллельно увлекался другими оккультными практиками¹. Тогда он был известен как «Шивананда Дас (Максбогдан Центрагора, Салман Север), идеолог секты братства танаморитов и куратор «Координационного Совета Вождей»². «Координационный совет вождей» был совещательным органом скинхэд-бригад, в среде которых Байдак заработал себе определенный авторитет.

Увлечение неонацизмом в 2003 г. привело Байдака в ислам. «Я сам – выходец из правой среды, из ультрапатриотической, – говорит Журавлев (Байдак). – Так сложилось, что костяк НОРМ в Москве

¹ Комментарий пользователя «Альбина Иванова» в ветке обсуждения «Есть ли в этой группе люди пришедшие в Ислам из язычества (в частности, родноверия)» в группе «РУСЬ ПРАВОВЕРНАЯ (Русские Мусульмане)» в соцсети «ВКонтакте». 04.02.2011. URL : vk.com/topic-18665550_23934111?post=2098

По данным сервиса «В поиске людей», данный аккаунт с адресом: vk.com/id29642337 – изначально был зарегистрирован как «Максим Барзах» : vkfb.net/30408 «Максим Байдак (он же Максим Барзах, Свинцовый Молот, Салман Север)» (Помощник имама Петербурга: Салман Север – не мусульманин, а сатанист // Росбалт. 25.08.2013. URL : www.rosbalt.ru/piter/2013/08/25/1168035.html)

² Оригинал текста «Разоблачение мифов о Купчино», опубликованного 6 февраля 2007 г. (судя по ряду деталей – в одном из блогов «Живого Журнала»), обнаружить не удалось, первая перепечатка появилась 22 февраля 2007 г. на форуме Купчино, URL : kupchino.borda.ru/?1-1-20-00000017-000-0-0

и Петербурге образуют бывшие национал-патриоты, переосмыслившие свое отношение к исламу... Толчком стало 11 сентября 2001 года. Я, как всякий патриот, полагал Америку стратегическим врагом России и славянского мира. 11 сентября как водой смыло детские иллюзии, будто что-то кроме ислама может представлять серьезную альтернативу этому всеразьедающему западному началу. Это располагало, чтобы принять ислам как нечто достойное», – рассказывал он в интервью одному интернет-порталу [Каждую пятницу в Петербурге ... URL : www.gazeta.spb.ru/59023-0].

Из мусульманских лидеров Байдак некоторое время сотрудничал с имам-мухтасибом Санкт-Петербурга и Ленинградской области по линии Совета муфтиев России Муниром Беюсовым, которому в качестве исполнительного директора ООО «Северо-Запад Халяль» помогал в реализации сомнительных схем сертификации халяльской продукции. Бывший ахунд ДУМ РФ по связям с казачеством Танай Чолханов, также работавший с Беюсовым, определял идеологию этого неопита как обыкновенный сатанизм [Обыкновенный сатанизм ... URL : vk.com/wall-35466601_1347].

Байдак закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и периодически пытался реализовать себя в науке, работая преподавателем Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, однако на этом поприще не преуспел. Со временем его деятельность в виде непрекращающихся попыток скрестить фашизм с исламизмом привлекла внимание правоохранителей, которые в конце августа 2013 г. задержали Байдака и еще нескольких членов НОРМ в Санкт-Петербурге.

По результатам обыска и экспертизы публикаций Байдака, особенно его статьи «Ислам и приморские партизаны», исламскому активисту было инкриминировано публичное оправдание терроризма, однако, сославшись на необходимость ухаживать за больной матерью, он смог добиться избрания меры пресечения на подписку о невыезде и немедленно ее нарушил, сбежав в Турцию [Тайфун] пришел ... URL : ohranka.com/2013/08/%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%84%D1%83%D0%BD-].

На новом месте Байдак продолжил заниматься публицистикой и даже усилил накал разоблачений в отношении российских властей, которые тем временем объявили его в международный розыск

[Маракулин 2013]. В этому времени в Турции собралось уже немало его единомышленников, которые создали «Союз чести» – организацию, декларировавшую защиту прав все угнетаемых мусульман вне зависимости от их вероубеждения [Салман Север присоединился ... URL : www.youtube.com/watch?v=CnVnQo3Uuho]. К этой организации присоединился было и Байдак, записавший несколько видеозаписей в защиту притесняемых в России террористов, однако затем его подпись под документом о создании «Союза» стерли [Союз чести URL : vk.com/wall-84594918_9].

В августе 2017 г. стало известно, что в рядах ИГИЛ воюют 20 граждан Израйля, двое из которых – 32-летний житель Лода по имени Алекс, а также 28-летняя девушка из Ашдода – евреи-репатрианты из России. За присоединение к террористам им грозит лишение гражданства [The Times of Israel. URL : www.timesofisrael.com/2-israeli-jews-converted-to-islam-joined-is-in-syria].

Таким образом, среди причин принятия радикального ислама русскоязычными евреями можно выделить всего две основных – влияние родных (Мазалевский, Евлоев) и влияние знакомых (Шпак, Карасик, Гайворовский, Двораковский). В случае Байдака можно отметить также духовные искания и протестные настроения, хотя влияние знакомых здесь тоже имело место. Данные причины являются также типичными и для неопитов-неевреев, – ведь исламистские секты действуют преимущественно по той же схеме, которая десятилетиями оптимизировалась неисламскими тоталитарными сектами.

Самым эффективным способом вовлечь человека в любую противозаконную организацию – банду ли, секту ли – является влияние родных и близких, эмоциональная привязанность к которым минимизирует критическое восприятие ситуации. Так, авторитет друга детства вполне может перевесить все аргументы против, – он просто скажет, что это пропаганда зловредного мирового правительства или «ментов поганых». Любовь к мужу, жене, матери, брату работает подобным образом, поэтому часто бывает достаточно вовлечь в исламистскую организацию всего одного члена семьи, чтобы через некоторое время получить ее всю.

Среди евреев, как, впрочем, и среди других народов, всегда найдутся люди, принципиально недовольные мироустройством, которые готовы воевать с «Системой». В процентном отношении их не так

много, но количественно они исчисляются многими тысячами и готовы, в зависимости от исторического периода, примыкать то к Гарибальди, то к Че Геваре, то псевдохалифу аль-Багдади. Так, российские фашисты в местах заключения, да и на свободе охотно меняют свои неоязыческие или атеистические убеждения на ваххабизм. Это и «приморские партизаны», и члены банд «Неваград» и Боровикова-Воеводина, и даже палач ИГИЛа Анатолий Землянка.

Дополнительно можно выделить группу людей с разнотипными психическими девиациями, которые готовы примыкать к террористам для удовлетворения наклонностей садистского, педофильского и даже мазохистского типа – как, например, пара камчатских гомосексуалистов, в 2015 г. задержанная за попытку примкнуть к ИГИЛ. К этой группе примыкают «адреналиновые наркоманы», многим из которых важен именно уровень адреналина, а не источник его получения.

При этом следует отметить, что ни высокий уровень образования, ни хороший доход вкупе с успешной карьерой не могут гарантировать иммунитет от вовлечения в деструктивные организации. Единственной группой населения, которая малоинтересна опасным сектам, являются только откровенные маргиналы, – действительно, о выезде в ИГИЛ российских бомжей ничего не известно, хотя ученые, серьезные бизнесмены и известные спортсмены к такого рода структурам систематически примыкают.

В заключение можно отметить, что острой проблемы вовлечения евреев в исламистские организации в пределах России нет, хотя в Израиле, Европе и США этот вопрос требует дополнительного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бандитов из Химок выслеживали два года. URL : utro.ru/articles/2012/03/01/1031828.shtml
- Варсегов Н.* Ваххабиты лезут вглубь России // Комсомольская правда. 03.05.2011.
- Джихад по-русски: откуда в Сирии взялись террористы-славяне. URL : cont.ws/post/390308
- Жеглов А.* Налетчиков добили в третьей засаде // Коммерсант. 01.03.2012.
- ИА «Интерфакс» // Сообщение от 1 марта 2012 г.
- ИА «Интерфакс» // Сообщение от 10.05.2011. URL : www.interfax.ru/russia/189240

- ИА «Интерфакс» // Сообщение от 24.05 2012. URL : www.interfax.ru/russia/247255
- Каждую пятницу в Петербурге как минимум трое русских принимают ислам. URL : www.gazeta.spb.ru/59023-0/
- Маракулин Д.* Оправдавшего «партизан» ищут в Турции // Коммерсант. 03.09.2013.
- НОРМ: Салман Север не отрицал в суде своей приверженности исламу // Neva Today. 26.08.2013. URL : polit.neva.today/news/55603/
- Нуркаева Ю., Зубова Е.* В числе боевиков ИГИЛ оказался волгоградец // Комсомольская правда. 04.04.2016.
- Обыкновенный сатанизм: об идеологии Салмана Севера. URL : vk.com/wall-35466601_1347
- Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму: Перечень дополнен // Российская газета. Федеральный выпуск. 27.08.2013.
- Портал Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан // Новости пресс-службы. URL : lenynskiy.dag.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=159
- Прослеживаются связи с ИГИЛ. Против свердловского муфтия возбудили уголовное дело. URL : 66.ru/news/society/181654/
- Репатриант, принявший ислам, собирался вступить в ИГИЛ. URL : israinfo.co.il/2017/03/01/repatriant-prinyavshij-islam-sobiralsya-vstupit-v-igil
- Салман Север присоединился к Союзу Чести. URL : www.youtube.com/watch?v=CnVnQo3Uuho
- Салман Север – узник совести. URL : www.ansar.ru/person/salman-sever-uznik-sovesti
- Союз чести. URL : vk.com/wall-84594918_9
- «Тайфун» пришел за проповедником «исламофашизма». URL : ohranka.com/2013/08/%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%84%D1%83%
- Шпак всё-таки имеет отношение к Совету муфтиев России. URL : perm.bezformata.ru/listnews/shpak-vsyo-taki-imeet/751071
- The Times of Israel. URL : www.timesofisrael.com/2-israeli-jews-converted-to-islam-joined-is-in-syria/#.WZyAOmgW2nc.facebook

УКД 7.011.22

Е. А. Осьминина

доктор филологических наук, профессор каф. мировой культуры
ФГН МГЛУ; e-mail: eleosminina@mail.ru

КУЛЬТУРА КИТАЯ В ОСМЫСЛЕНИИ В. С. СОЛОВЬЕВА

В статье выделены французские и русские синологические источники, которые использовал В. С. Соловьев в осмыслении культуры Китая, как национально исключительной в своем самосознании, материалистической и жестокой. «Источником мнений» для философа стал труд французского синолога А. Ревилля, «источником фактов» – русского китаевода С. Г. Георгиевского. Вывод о «желтой опасности», к которому пришел Соловьев, оказал влияние на последующее восприятие китайской культуры в России.

Ключевые слова: В. С. Соловьев; С. М. Георгиевский; А. Ревилль; культ предков.

E. A. Osminina

Doctor of Philology Sciences, Professor at the Depart. of World Culture Faculty
of Humanities, MSLU; e-mail: eleosminina@mail.ru

THE CHINESE CULTURE IN THE UNDERSTANDING OF V. S. SOLOVYOV

The article highlights the French and Russian sinology's sources, that were used by the V. S. Soloviev's in the understanding of Chinese culture, as a national exceptional in its identity, materialistic and cruel. "Source of opinion" for the philosopher was the work of French sinologist A. Reville, "source of facts" was the work of Russian sinologist S. G. Georgievsky. . The conclusion of the "yellow danger," which made the philosopher, has influenced the subsequent perception of Chinese culture in Russia.

Key words: V. S. Soloviev; S. M. Georgievsky; A. Reville; the cult of the ancestors.

Большая статья русского философа В. С. Соловьева «Китай и Европа» (1890) отличается и публицистической, и религиозно-философской, и историко-культурной направленностью. В последнем своем качестве она привлекала внимание многих китаистов (А. И. Кобзева, А. В. Лукина, В. В. Сербиненко), рассматривалась в диссертационных исследованиях (В. И. Исаченко).

Традиционно статья анализируется в контексте полемики В. С. Соловьева с Н. Я. Данилевским, его «Россией и Европой» (1871). На эту мысль наводит и сходство названий работ, и противоположность позиций. Н. Я. Данилевский оспаривал само восприятие Китая как

«типа застоя и коснения» [Данилевский 1991, с. 72], перечисляя замечательные достижения китайской культуры: легкую промышленность, рациональное земледелие, садоводство, изобретения и открытия. Н. Я. Данилевский спорил с определенным европейским отношением к Китаю, как к «символу отсталости, застойности, ретроградства, консерватизма, бюрократии, всего устаревшего, живущего по раз и навсегда установленным древним законом, или, в крайнем случае, чего-то отличного от Европы» [Лукин 2007, с. 148]. Такое отношение А. В. Лукин возводит к трудам французских просветителей: (Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо; воспринято оно было русским западничеством. Труд В. С. Соловьева отличается не только негативным отношением к Китаю; в будущем прогрессе последнего философ видит угрозу всей западной цивилизации.

Представляется, что статья является не столько репликой в полемике (имя Н. Я. Данилевского, к этому времени уже пять лет как умершего, в ней не упоминается), сколько осмыслением новых синологических источников: книги русского китаевода, профессора С.-Петербургского университета С. М. Георгиевского «Принципы жизни Китая» (1888) и книги французского синоведа, профессора парижского *College de France* А. Ревилля «*La Religion Chinoise*» (1889). Спустя год после появления труда А. Ревилля и была написана статья В. С. Соловьева. С. М. Георгиевский цитируется в ней 19 раз, А. Ревилль – восемь.

Если условно разделить труды, которыми пользовался В. С. Соловьев, на «источники доводов» (т. е. идей, оценок, интерпретаций) и «источники фактов» (т. е. историко-культурного материала, которым доводы подкрепляются и идеи доказываются), то труд А. Ревилля относится к первому типу, а труд С. М. Георгиевского – ко второму. Некоторые факты В. С. Соловьев берет и из А. Ревилля; кроме того, он ссылается на французские переводы: даосского трактата «Дао-де-цзин», сделанного Ст. Жюльеном (1842) и конфуцианского четырехкнижия – Ж. Потье (1841), а также плэнкнеровским переводом конфуцианцев на немецкий язык (1875).

Важнейшее положение В. С. Соловьева – геополитический тезис о «желтой опасности» Китая для Европы и России – сформулирован с опорой на цитату из А. Ревилля. В. С. Соловьев приводит ее в самом начале статьи: «Можно сказать без преувеличения ... что в настоящее

время в мире существуют только две цивилизации – наша и китайская <...>. Китайская цивилизация со своими тремя или четырьмястами миллионов представителей, чрезвычайно жизненная, совершенно бодрая и своим расширением способная возбудить наши опасения <...>. Конечно, наша западно-арийская раса в настоящее время превосходит Китай силой расширения и ассимиляции. Низшие расы, которые она захватывает, должны подчиниться или исчезнуть. Особенно в последние три века ее распространение представляется каким-то чудом, ее высшая наука, смелость ее гения, ее непреодолимое оружие, по-видимому, обеспечивают ей исключительное обладание земным шаром в довольно близком времени. Так оно и было бы, если бы не Китай» [Соловьев 1998, с. 334–335].

Угрозу А. Ревилль видит в большей конкурентоспособности китайских рабочих, их трудолюбии, равнодушии к европейцам, непроницаемости для ассимиляции. Сам В. С. Соловьев опасается будущего государственного и военного могущества Китая и предполагает, вслед за А. Ревиллем, грядущее столкновение двух культур.

В конце статьи философ связывает эти геополитические опасения со своими религиозно-философскими идеями христианского универсализма: «Во имя чисто китайского утверждения, что нужно любить только свое, дорожить только своим, уже отрицается идеал вселенского христианства как праздная утопия. Во имя чисто китайского практического материализма и культа физической силы прямо отвергаются христианские идеи справедливости и универсальной любви» [Соловьев 1998, с. 406].

Китайская культура определена В. С. Соловьевым как национально-исключительная в своем самосознании, материалистическая и жесткая.

Доказано это с помощью фактов, взятых из труда С. М. Георгиевского. При этом сам С. М. Георгиевский ничего подобного не писал. Его толкования китайской культуры как высококонравной, основанной на принципах любви, искренности, В. С. Соловьевым опущены. Попутно заметим, что Георгиевский в своей книге рассмотрел и возможность китаизации мира, отвергнув ее как нереальную и полемизируя здесь с русским китаистом В. С. Васильевым.

Какие же факты берет В. С. Соловьев из книги С. М. Георгиевского?

Работа философа состоит из 10 частей. В первых двух он рассказывает о культе предков и его проявлении в брачных и похоронных обрядах, в третьей и четвертой – о культе Неба и особенностях государственного управления в Китае, пятая часть посвящена философскому даосизму, шестая и седьмая – конфуцианству. В восьмой В. С. Соловьев начинает делать выводы: о религиозной бесплодности китайской культуры, обращении к религиозному даосизму и буддизму, продолжая эти рассуждения в девятой главе. В десятой он определяет идею порядка – основной идеи китайской культуры. Материалы С. М. Георгиевского используются в первой–четвертой и шестой–седьмой частях, но факты, приводимые китаеведом, порой получают у философа совершенно иное толкование.

Рассказывая о брачных обрядах, В. С. Соловьев указывает только три: сватовства (на-цай), отправление даров (на-би) и представления предкам мужа, цитируя IV главу «Брак» из С. М. Георгиевского. Следующие «акты»: «отпуск невесты из дому родительского, переезд ее в дом жениха, питье женихом и невестою брачной чаши, представление молодой жены сперва свекру и свекрови <...>». [Георгиевский 1888, с. 133] опускается. Обряд, таким образом, неполон, но смысл его передан Соловьевым точно, в соответствии Георгиевскому: «Жена вводится в дом для законного порождения потомства и для служения предкам мужа» [Георгиевский 1888, с. 137].

В изложении похоронных обрядов, по главе V С. М. Георгиевского «Права первородства. Paterfamilias. Род», В. С. Соловьев больше всего отходит от текста. В частности, философ утверждает: «...настоящий глава семьи, остающийся в живых по смерти своего родителя, ничем лучше не мог выразить своей благочестивой преданности представителю родового прошлого, как принеся ему в жертву представителя родовой будущности – своего старшего сына, если только был другой сын, к которому могло перейти преемство семейного служения предкам» [Соловьев 1998, с. 346]. Правда, оговаривает философ: «Прямых исторических свидетельств о существовании в Китае обычаев приносить в жертву первенцев до нас не дошло», поэтому «косвенным указанием на такой обычай» может служить присвоение старшему сыну «названия чжун-цзы, что значит “сын могилы”» [Соловьев 1998, с. 347]. При этом указании на название В. С. Соловьев ссылается на С. М. Георгиевского. Последний же говорит совершенно о другом: «Старшему сыну дается наименование чжун-цзы – “сын могилы”, т. е.

сын, на которого возлагается обязанность совершать примогильные жертвоприношения усопшим предкам» [Георгиевский 1888, с. 145]. Несколько страниц главы С. М. Георгиевского посвящено значению первенца в китайской семье как «наследственного жертвоприносителя» в храме предков (мяо), его правам и обязанностям по сравнению с младшими братьями.

Второе толкование философа, также не согласующееся с объяснениями китаевода, – о человеке, представлявшем умершего и называемом «ши». В. С. Соловьев пишет: «Очевидно, предок вселялся в излюбленного им потомка не для того, чтоб его покинуть, а для того, чтобы взять его с собою на тот свет, т.е. другими словам ши был обреченная жертва представляемому им духу, почему и назывался заранее «“трупом”, или “мертвецом”» [Соловьев 1998, с. 348].

Между тем Георгиевский приводит несколько другой перевод для ши: «Собственно “труп”, “дух покойника”» [Георгиевский 1888, с. 68] и определяет обряд представления умершего как этап в эволюции культа предков: «... дух усопшего представлялся сперва временно и невидимо посещающим мяо. Затем – временно же посещающим, но воплощающимся в живого человека, наконец – постоянно пребывающим в мяо и воплощающимся в бездушные предметы (статую, двойник, куклу)» [Георгиевский 1888, с. 74]. Последней формой поклонения является чжу – поклонение перед табличками с именами предков: «В течение последних семи столетий китайцы ничего не изобрели взамен табличек, и они до сих пор остаются в домашних мяо как носительницы душ предков» [Георгиевский 1888, с. 74].

Ошибка в толковании смысла иностранного слова у человека, не знающего языка, – довольна распространена (например, японист В. М. Алпатов находит ее в рассуждении культуролога А. Вержбицкой), но у В. С. Соловьева эти ошибки не случайны – ему нужно доказать тезис о жестокости китайцев, человеческих жертвоприношениях и даже канибализме; другие примеры он берет из А. Ревилля. Но философ ни слова не говорит об основе культа предков, с чего начинает С. М. Георгиевский – о вере китайцев в «посмертное существование души» [Георгиевский 1888, с. 5]: «Душа, оставаясь при мертвом теле, продолжает свое самостоятельное существование со всеми потребностями жизни – вот самое древнее верование китайцев. Если душа имеет потребности, то эти последние должны быть удовлетворяемы:

получая необходимое, душа пользуется покоем и благодетельствует живым людям, терпя лишения, она бродит, не имея пристанища, становится злою, мстительною, насылает на людей болезни разного рода несчастья» [Георгиевский 1888, с. 9].

С тезисом о материализме вера в посмертное существование души плохо согласуется, поэтому В. С. Соловьев и опускает объяснение С. М. Георгиевского, самую суть и основу культа предков. Источником его русский китаевед видит в «перволюбви» и «первосправедливости»: «Если человек не любит родителей, если от не признает своего долга, то он существо ненормальное, поврежденное; не любя первоближних, как полюбит он других ближних! Не понимаю первосправедливости, как может понять вообще справедливость!» [Георгиевский 1888, с. 316].

Из этой основы С. М. Георгиевский логически выводит не только брачные и похоронные обряды, но и культ Неба, светил, местности, растений и животных, которые соотносятся с духами людей, в них обитающих. Культ Неба таким образом становится культом первого китайца, первого государя. В. С. Соловьев, хотя и соотносит Небо со “ста духами”, с оговоркой соглашается с С. М. Георгиевским: «...вообще небо китайской религии по реальному составу своему есть собор умерших китайцев» [Соловьев 1998, с. 359]. В рассуждении о месте и функциях императора, чиновничества В. С. Соловьев также согласуется с С. М. Георгиевским, на которого и ссылается, но совершенно расходится далее, в толковании даосизма.

При этом С. М. Георгиевский сам переводит «Дао-де-цзин» с китайского, В. С. Соловьев же при цитировании ссылается на французский перевод Ст. Жюльена (1842); при этом некоторые цитаты совпадают с приводимыми А. Ревиллем.

С. М. Георгиевский видит в даосизме аналог стоицизма. В. С. Соловьев – «культ прошлого», суть китаизма: «Абсолютная пустота, или безразличие, как умозрительный принцип, и отрицание жизни, знания и прогресса, как необходимый практический вывод – вот сущность китаизма, возведенного в исключительную и последовательную систему» [Соловьев 1998, с. 371]. Здесь источником и доводов, и фактов, таким образом, является французская синология.

В главах о конфуцианстве В. С. Соловьев снова возвращается к С. М. Георгиевскому, используя материалы глав VIII–IX: «Конфуцианство и Конфуций», «Учение Конфуция».

В. С. Соловьев видит в Конфуции «прежде всего поклонника старины» [Соловьев 1998, с. 375]; приводит его высказывание о текущей воде (по Георгиевскому, но без ссылки на последнего), затем находит в конфуцианстве исходное китайское разделение на Ян и Инь, цитирует драму «История флейты» Пи-па-цзи и высказывания Конфуция о важности соблюдения ритуала – всё по Георгиевскому и со ссылками на его труд.

Но эти высказывания о важности ритуала С. М. Георгиевский сопровождает и другими, о необходимости искренности, любви, стремлении к справедливости, искреннем человеколюбии (из «Ли-цзи», гл. 9, гл. 32), делая вывод: «Конфуций, поддерживая обряды, не довольствовался их внешностью, но требовал от них известного внутреннего содержания» [Георгиевский 1888, с. 339].

В. С. Соловьев же утверждает обратное: «...конфуцианство требует от человека не духовного возрождения, не внутренней перемены всего настроения, а соблюдения известной, раз навсегда установленной системы правил, определяющей его внутренние отношения ко всем общественным кругам» [Соловьев 1998, с. 380].

Чрезвычайно важен вывод В. С. Соловьева: огромная закавыченная цитата из С. М. Георгиевского, где последний несколько раз говорит об «утилитарно-философском» [Георгиевский 1888, с. 456] характере нравственности конфуцианства, о целях «позитивно-утилитарных, для своего личного благоденствия» [Георгиевский 1888, с. 457], которыми руководствуется китаец в жизни. Но приводя эту большую цитату, В. С. Соловьев разрывает ее, опуская слова С. М. Георгиевского о «способности любить», которая воспитывается у человека с помощью «перволюбия, правосправедливости и первоактивности, качествах, которые требуют *pietas erga parentas*» [Георгиевский 1888, с. 457]. Вполне возможно, что указание на «позитивизм» китайцев было воспринято Д. С. Мережковским у С. М. Георгиевского через В. С. Соловьева; оно многократно обыграно в статье «Желтолицые позитивисты» (1895).

Далее В. С. Соловьев опять отходит от С. М. Георгиевского, рассуждая о том, что «китайская культура при всей своей прочности и материальной полноте, оказалась духовно бесплодной и для всего прочего человечества бесполезной ... не дала миру ни одной великой идеи и ни одного вековечного и безусловно-ценного творения ни

в какой области» [Соловьев 1998, с. 380–381]; это как раз положения, с которыми спорил еще Н. Я. Данилевский в «России и Европе». Для последующей характеристики религиозного даосизма и буддизма, можно было бы предположить источником А. Ревидля, – если бы она не была столь краткой: излагаются факты общеизвестные.

Заключение В. С. Соловьева следующее: китайская культура хороша только для самих китайцев, она не дала миру ни философии, ни литературы, ни живописи. Китайский идеал пагубен для Европы, Запад не должен, как Китай, любить только свое, отрицая универсальное. Только китайское уважение к прошлому может быть заимствовано европейцами (прошлым этим для них является христианство). В соединении с идеей прогресса это уважение должно дать искомый синтез: универсальной любви, вселенского христианства. То есть окончательный вывод связан «новым религиозным сознанием», «новым христианством», к которому стремились символисты, а не с китайской культурой как таковой.

Любопытно, что при всем несходстве отношений к Китаю последняя фраза в статье В. С. Соловьева: «...мы же завоюем и дальний Восток, не силой оружия, а тою силою духовного притяжения, которая присуща исповеданию полной истины, и которая действует на души человеческие, к какому бы племени они не принадлежали» [Соловьев 1998, с. 407] не противоречит последней фразе в книге С. М. Георгиевского: «Когда в христианском мире слова: “Чти отца твоего и мать твою” сделаются из прописной морали повсюду и всегда осуществляемым фактом, тогда Восток проникнется уважением к Западу, с благодарностью примет протягиваемую ему руку помощи и не откажется усвоить ту религию, которая призывает человека к блаженству полному, неиссякаемому, вечному» [Георгиевский 1888, с. 494]. Добавим, что в обширном заключении к своей книге С. М. Георгиевский с большим уважением цитирует «Критику отвлеченных начал» В. С. Соловьева (высказывание о необходимости живого религиозного опыта), а во всех толкованиях В. С. Соловьева, при несовпадении взгляда на Китай, чувствуется несомненная симпатия к С. М. Георгиевскому.

В заключение следует заметить, что труд В. С. Соловьева стал «источником мнения» для многих художников Серебряного века – Д. С. Мережковского, В. Я. Брюсова, А. Белого, а труд

Георгиевского – по-прежнему «источником фактов» для К. Д. Бальмонта. В целом соловьевская традиция главенствовала в мироощущении символистов. Лучшие русские стихи о Китае были созданы акмеистами, следующими совершенно другой традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Георгиевский С. М.* Принципы жизни Китая. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1888. 532 с.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 574 с.
- Кобзев А. И., Сербиненко В. В.* Из наследия русского философа Вл. Соловьева // Проблемы Дальнего Востока 1999. № 2. С. 182–187.
- Лукин А. В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVIII–XX веках. М. : Восток–Запад, 2007. 568 с.
- Мережковский Д. С.* Желтолицые позитивисты // Вестник иностранной литературы. 1895. № 3. С. 71–84.
- Соловьев В. С.* Избранные произведения. Ростов-н/Д : Феникс, 1998. 544 с.
- Julien St. Lao-Tseu, Tao-te-King.* Livre de la voie et de la vertu. Paris, 1842. 296 p.
- Pauthier G.* Confucius et Mencius. Les quatre livres de philosophie morale et politique de la Chine. Paris 1841. 456 p.
- Reville A.* La Religion Chinoise. Paris. 1889. 711 p.

УДК 215

Р. А. Силантьев, М. А. Полетаева, М. А. Лямзин

Силантьев Р. А., доктор исторических наук, профессор МГЛУ;
e-mail: rsilantiev@mail.ru

Полетаева М. А., кандидат культурологии,
декан гуманитарного факультета МГЛУ; e-mail: m.poletaeva@mail.ru

Лямзин М. А., доктор педагогических наук, профессор,
профессор каф. психологии и педагогической антропологии
гуманитарного факультета МГЛУ; e-mail: ljamsin56@mail.ru

К ПРАКТИКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

В статье рассматривается вопрос использования художественных фильмов на семинарах по профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде. Авторы статьи полагают, что методы вербовки и удержания адептов в деструктивных сектах наилучшим образом раскрывает серия «Радость секты» мультипликационного сериала «Симпсоны».

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; ультраправые; секты; художественные фильмы.

R. A. Silantyev, M. A. Poletaeva, M. A. Liamzin

Silantyev R. A., Doctor of Historical Sciences,
Professor at the Depart. of World Culture Faculty of Humanities MSLU;
e-mail: rsilantiev@mail.ru

Poletaeva M. A., PhD of Culturology, Faculty of Humanities dean;
e-mail: m.poletaeva@mail.ru

Liamzin M. A., Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor at the Depart. of psychology and pedagogical anthropology;
e-mail: ljamsin56@mail.ru

TO THE PRACTICE OF USING FEATURE FILMS FOR THE PREVENTION OF EXTREMIST AND TERRORIST SENTIMENTS IN THE STUDENT ENVIRONMENT

The article discusses the use of feature films on seminars on the prevention of extremism and terrorism in the youth environment. The authors believe that the methods of recruiting and retaining adherents in destructive sects the best way to reveal a series of "the Joy of sect" the animated series "the Simpsons."

Key words: extremism; terrorism; far-right sect; movies.

Многие современные художественные произведения, особенно в сфере кинематографа и мультипликации, обращаются к теме деструктивных идеологий разного типа. Уровень такого рода произведений сильно разнится, однако благодаря их количеству существует возможность подобрать наиболее удачные образцы и применить их на практических занятиях, направленных на профилактику экстремистских и террористических настроений в студенческой среде.

Практика показывает, что художественные фильмы, особенно комедийного характера, вызывают больший интерес у целевой студенческой аудитории, нежели фильмы учебные или документальные. Так, хорошо апробирована идея изучать Уголовный кодекс РФ с помощью популярных телесериалов [Силантьев 2014].

В первую очередь следуют предложить классификацию тех угроз, с которыми следует бороться подобным образом. Деструктивные идеологии бывают религиозными и нерелигиозными, причем угроза, исходящая от первых, значительно выше. В настоящее время большая часть террористических организаций в мировом масштабе и почти все организации такого типа в России имеют исламистские характер. По сути, запрещенные в России «Исламское государство», «Аль-Каиду», «Джебхат ан-Нусра», «Хизбут-Тахрир» и «Братья-мусульмане» являются сектами особого типа и вербуют сторонников по давно придуманным методикам. Помимо агрессивных исламистов, в число запрещенных в России организаций попало и немало сект иного толка – христианских (Свидетели Иеговы), неоязыческих (инглинги, Духовно-родовая держава «Русь»), буддийских (Аум Синрикэ) и сатанинских (Благородный орден дьявола).

Нерелигиозные деструктивные идеологии также представлены в России достаточно широко – в первую очередь ультраправыми организациями профашистского толка (наци-скинхэды, футбольные болельщики соответствующего типа, блок украинских националистических организаций), ксенофобскими и сепаратистскими структурами. Кроме того, серьезную угрозу несет ряд субкультур – сформировавшихся и формирующихся. На данный момент среди них наиболее активны адепты опасных для жизни квестов, часто имеющих суицидальный характер (в первую очередь относительно популярная игра «Синий кит»), пропагандирующие культ самоубийства «группы смерти», а также похожие группы, подводящие идеологическую

базу под употребление наркотических средств (в некоторых странах такие группы уже создали полноценную субкультуру с атрибутикой, музыкой и корпусом литературы); сообщества нигилистов, отрицающих существование смертельных болезней (в первую очередь СПИДа) и доводящих до летального исхода себя и своих детей, группы сектантского типа, пропагандирующие либо полный отказ от пищи (прановеды, или солнцееды), либо опасные для здоровья диеты [Алоян 2002].

Далеко не по всем из вышеперечисленных угроз сняты художественные фильмы, однако главные направления – агрессивный исламизм, секты и фашизм – они всё же охватывают. Одним из наиболее удачных образцов художественных произведений, освещающих суть вербовки в секты и удержания в них новых adeptов, является серия «Радость секты» («The Joy of Sect», 13 эпизод 9 сезона, впервые показан 8 февраля 1998 г.) мультипликационного сериала «Симпсоны». При небольшой продолжительности – всего 21 минута, она очень насыщена полезной информацией, изложенной в легкой и понятной самой широкой аудитории форме. Данная серия оптимально подходит для демонстрации на семинарском занятии с последующей дискуссией [Dalton, Mazur, Siems 2001].

В «Радости секты» в вымышленный американский город Спрингфилд прибывают миссионеры новой религиозной секты мувментариан (*англ.* – the Movementarians, в русском переводе – «Передвиженцев»), которые начинают активную вербовку его жителей. В мультфильме четко показаны стадии этой вербовки – приглашение на некую бесплатную встречу, сбор информации о потенциальных adeptах, «промывание мозгов» посредством просмотра пропагандистского фильма. Сценаристы мультфильма не забыли отразить даже такую особенность вербовки, как нарочитую вежливость вербовщиков, на которую нормальный человек обычно отвечает взаимностью. «Вы имеете право уйти, но объясните – почему?» – задают вопрос пытающимся покинуть просмотр скучного фильма, после которого им не хочется говорить правду.

Сам процесс вербовки идет в изолированном месте, и вербуемые опекаются специально обученными людьми, причем особенно те из них, кто плохо поддается внушению (методы изоляции и деиндивидуализации). Обработка Гомера Симпсона это хорошо показывает – он

демонстрирует иммунитет против методики «бомбардировка любовью», когда жертве вербовки рассказывают об ее исключительности или избранности, прямому «промыванию мозгов» посредством просмотра многочасового фильма (метод интенсивной индоктринации), «судного кружка», где стимулируются психологические комплексы (методы социального группового давления негативного типа и внушения вины), а также ограничению питания через «фирменную безкалорийную кашу» (метод усталости / истощения). Последний метод в комплексе с ограничениями сна практикуется в большинстве деструктивных религиозных организаций, поскольку приводит человека в апатичное состояние и упрощает работу с ним. Как видно из мультфильма, защиту Гомера Симпсона удалось пробить только посредством массовой истерии свежезавербованных сектантов, выразившейся в скандировании имени вождя секты (метод социального группового давления позитивного типа). Действительно, метод экзальтации больших групп людей также успешно применяется сектами, особенно во время массовых мероприятий [Дворкин 2016].

Завербованный в секту передвиженцев Симпсон первым делом переписывает на нее свой дом, что очень типично для многих деструктивных организаций. Продажа квартир, пожертвование иного имущества секте и последующий переезд в специальный лагерь или поселение является особенностью, например, российской Церкви последнего завета Сергея Торопа, adeпты которого тысячами выезжали в тайгу на юге Красноярского края. Из практикующих это зарубежных сект наибольшую известность получил «Народный храм», члены которого совершили массовое самоубийство в Гайане в 1978 г.

К моменту переселения семьи Симпсонов в лагерь передвиженцев только ее глава был adeптом этой секты, однако у его родных выбор оказался небольшим. Хорошо показано, как завербованный в секту человек старается вовлечь в нее своих родных и близких, что сильно облегчает их изоляция от общества. Показан профессионализм – их гибкие методы работают как с «профессиональным поганцем» Бартом, так и с трезвомыслящей отличницей Лизой.

Передвиженцы работают в поле, что практикует множество сект (например в американском культе «Христианская организация» работающим на плантациях цитрусовых людям объяснялось, что каждый собранный ими апельсин равнозначен спасению души заблудшего), и

ждут постройки космического корабля, который увезет их на планету Блисстония (планету Радости). Здесь содержится намек на одного из лидеров Международного общества сознания Кришны Харикешу Свами Вишнупаду, который прославился строительством летающих тарелок и космодромов для них, а также на секту «Небесные врата», чьи адепты мечтали переселиться на космический корабль, якобы сопровождающий комету Хейла-Боппа. В 1997 г. суммарно более 40 членов этой секты совершили самоубийство, желая перенести свои души на корабль.

Глава секты – Лидер демонстративно ездит на «Роллс-ройсах», чем в свое время прославился лидер секты «Международная коммуна сальмонелл» Бхагаван Шри Раджниш. Он не только мечтал ездить каждый день на новом «Роллс-ройсе», собрав их более ста, но и основал в США закрытое поселение Раджнишпурам, которое хорошо охранялось как от внешнего проникновения, так и от побегов недовольных адептов, что также отражено в мультфильме. Секту Раджниша уличали как в убийстве адептов, так и в редкой практике биотерроризма – массового отравления людей сальмонеллой.

В лагере передвиженцев показан обряд массового бракосочетания, являющийся отличительной чертой Церкви объединения Муна, адептов которой женили тысячами, причем в совершенно произвольном порядке, как и мультфильме (метод контроля межполового общения). При этом новобрачным вручалось специальное вино, содержащее, среди прочего, частицы крови и спермы основателя этой секты Сан Мен Муна.

Урок в школе передвиженцев хорошо раскрывает тему альтернативной науки, которая типична для большинства сект (метод внушение недоверия к рациональному мышлению, метод контроля языка). Сектанты могут верить в тайное правительство рептилоидов (Общероссийская политическая партия «ВОЛЯ»), в постройку своим основателем египетских пирамид («Аум Синрике») или в то, американские индейцы происходят от евреев (мормоны). Формируются и целые лженаучные концепции, например гипотеза мидихлориан Панчиных или псевдолингвистика Чудинова.

Экспансия секты передвиженцев в Спрингфилд не ограничилась только агрессивным прозелитизмом. Его руководство оперативно установило контроль над ключевыми СМИ, что выглядит очевидной

отсылкой к сектам «Христианская наука» и Церкви объединения, которые контролируют влиятельные американские газеты Christian Science Monitor и The Washington Times. В России на этом поприще отличились кришнаиты с радиостанцией «Кришналока» (вещала с 1995 по 1998 гг.) и секта «Аум Синрикэ», купившая ежедневную часовую программу на радиостанции «Маяк» и получасовую еженедельную передачу на телеканале «2×2».

Помимо контроля над СМИ, передвиженцы обзавелись мощной юридической службой, что является отсылкой в первую очередь к знаменитой своим сутяжничеством Церкви саентологии Рона Хаббарда. Эта же организация высмеивается в эпизоде про владельца атомной станции Спрингфилда Бернса, который решает создать новую религию с целью уклонения от уплаты налогов и лучшего ведения бизнеса. «Раньше вы на меня только работали, а теперь можете еще и молиться», – говорит Бернс своим подчиненным, тогда как основатель саентологии прославился высказыванием: «Хочешь заработать тысячу долларов – открой бензоколонку, хочешь заработать миллион – создай новую религию» [Religion in US 'worth more than Google and Apple combined'].

Сбежавшая из лагеря супруга Гомера Симпсона, Мардж, разрабатывает план вызволения своих родных из секты посредством их похищения. Здесь обыгрывается деятельность так называемых депрограмматоров, или депрограммеров, – людей, которые похищают членов сект по заказу их родственников и пытаются вернуть в нормальное состояние посредством специальных психологических методик. Эти методики нередко имеют сомнительный характер – так, попытка соблазнить Гомера Симпсона пивом напоминает замещение одной пагубной зависимости другой – например, когда наркоманию «лечат» алкоголем, а алкоголизм сублимируется членством в деструктивной секте.

Деятельность депрограмматоров часто противозаконна, поскольку в случае отказа сектанта менять свои убеждения депрограмматорам грозит уголовная ответственность за похищение людей. Самыми известными депрограмматорами стали американцы Тэд Патрик и Рик Росс.

В конце мультфильма разоблаченный лидер передвиженцев пытается убежать с деньгами, что в реальных сектах бывает достаточно

редко, – даже если секта создавалась именно с коммерческой целью, ее вдохновитель со временем обычно сам начинает верить в свое особое предназначение. При этом доходы сект впечатляют и могут исчисляться миллиардами долларов в год. Кроме того, секты имеют неплохой иммунитет против разоблачений – например неоднократные ложные предсказания конца света не смогли радикально подорвать позиции Свидетелей Иеговы [Силантьев 1996].

Таким образом, разбор «Радости секты» может стать отличной темой для семинара по религиозной безопасности в вузе. Из других фильмов по теме сект можно рекомендовать «Красный штат», «Колонию Дигнидад», «Секту», «Дагона», «Таинство», «Секту», российский сериал «Тайный знак» и ряд других.

В рамках противодействия агрессивному исламу можно предложить в качестве оптимального варианта для разбора английскую черную комедию «Четыре льва» (2010), в которой группа молодых пакистанцев и примкнувший к ним новообращенный англичанин горят желанием принять участие в «джихаде против неверных» и планируют теракты. Умом и сообразительностью они не блещут, однако оказываются в состоянии провести серию взрывов во время лондонского марафона (через три года после выхода этого фильма реальные террористы атакуют марафон в Бостоне). В настоящее время основным направлением террористической деятельности становится терроризм именно такого типа – небольших групп или одиночек, использующих кустарную взрывчатку, легкое стрелковое оружие, ножи и топоры. К сожалению, необходимо отметить не очень качественный перевод фильма на русский язык, который не совсем точно передает тот сленг, на котором общаются его герои.

В «Четырех львах» хорошо показаны психология европейских ваххабитов, их повседневная жизнь и увлечения. Показательно, что самым агрессивным из «львов» оказывается именно англичанин-неофит и точное отражение реальности – действительно, уровень радикализации новообращенных мусульман гораздо выше, чем у этнических. Теме террористов-неофитов посвящен американский фильм «Немыслимое», который тоже можно рекомендовать к разбору на занятиях со студентами или школьниками.

В теме противодействия деструктивным квестам, особенно суицидального типа, можно рекомендовать американский фильм «Нерв»

(2016), а по теме наци-скинхэдов и ультраправых снят целый ряд качественных лент: «Бритоголовые» («Romper Stomper», 1992), «Высшее образование» («Higher Learning», 1995), «Американская история Икс» («American History X», 1998), «Немецкая история X» («Наци», 2002), «Фанатик» («The Believer», 2001) и «Это Англия» («This is England», 2006).

В заключение хотелось бы отметить, что вышеперечисленные фильмы могут рассматриваться с разных ракурсов в зависимости от специализации студентов. Так, юристам будут особенно интересны закон и методы юридического противодействия деструктивным сектам, регулирующие деятельность религиозных организаций; финансистам можно подробнее рассказать об их экономике; маркетологов и специалистов по PR заинтересуют пропагандистские материалы сект; лингвистов – язык общения в сектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алоян А. А.* Предупреждение распространения субкультуры наркомании в молодежной среде: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук М., 2002. URL : www.isiksp.ru/library/kosarecky_sg/kosarecky-000001.html
- Дворкин А. Л.* Как защитить себя и своих близких от тоталитарных сект. М. : Христианская библиотека, 2016. С. 93–94.
- Силантьев Р. А.* Бог подаст // Финансовая Россия. 19 декабря 1996 г.
- Силантьев Р. А.* Предложения по методике использования художественных произведений для преподавания Уголовного кодекса РФ в вузах // Юрист Юга России. 2014. № 2.
- Dalton L., Mazur E., Siems M.* Homer the Heretic and Charlie Church: Parody, Piety, and Pluralism in The Simpsons // God in the Details: American Religion in Popular Culture / Eds. E. M. Mazur, K. McCarthy. New York : Routledge, 2001. P. 237–254.
- Religion in US ‘worth more than Google and Apple combined’ // The Guardian.* URL : www.theguardian.com/world/2016/sep/15/us-religion-worth-1-trillion-study-economy-apple-google

УДК 008 (07)

А. Тузинэк

аспирант каф. мировой культуры ФГН МГЛУ;
e-mail: anetat@yandex.ru

ДРУГОЙ, СВОЙ ИЛИ ЧУЖОЙ В ПОЛЬСКОЙ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ

В статье дается анализ альтерального направления в польской гуманитарной мысли, переживающей этап становления и развития. Предпринимается попытка представить достижения польской современной науки в области культурного диалога.

Ключевые слова: культура; другой; свой; чужой; субъект; восприятие; стереотипизация; межкультурное образование; атрибуция; ценности.

A. Tuzinek

Post-graduate Student at the Department of World Culture, MSU;
e-mail: anetat@yandex.ru

DIFFERENT, FAMILIAR OR ALIEN IN THE POLISH MODERN HUMANITARIAN THOUGHT

The article gives an analysis of the alteral direction in Polish humanitarian thought, which is experiencing the stage of formation and development. An attempt is made to present the achievements of Polish modern science in the field of cultural dialogue.

Key words: culture; different; familiar; alien; subject; perception; stereotyping; intercultural education; attribution; values.

Проблема готовности понимания Другого – чувствительности к другим культурам – чрезвычайно важна. В современном мире каждый может быть Другим.

Е. Никиторович

Категориальная триада «другой – свой – чужой» – древнейшая ментальная оппозиция, оказывающая постоянное влияние на человека с давних времен до настоящего времени. Она организует наш социальный мир, выделяя знакомое и незнакомое, прирученное и угрожающее, тождественное и нетождественное [Lenartowicz 2007].

По мнению одного из самых выдающихся представителей современной польской гуманитарной науки [Kulturologia polska 2013]

философа и социолога Эдварда Абрамовского (1868–1918), «Другой человек – это другая духовная структура, другая структура связей между людьми, другая структура этих связей, другая материализация и символизация человеческого мира» [Mencwel ... URL : www.kulturologia.uw.edu.pl/page.php?page=wstep]. С одной стороны, «другой» вызывает любопытство, интерес (где живет, что ест, каковы обычаи, традиции и т. д.), с другой – настороженность, что, однако, не несет отрицательной коннотации.

Второй компонент триады – «свой» – в современной культуре имеет мелиоративный оттенок, в то время как «чужой» наделен пейоративным оттенком, визуализируется или вербализуется в негативных метафорах (например, в образе врага) [Словарь терминов ... , с. 282]. В обыденном понимании чужесть обычно ассоциируется с чем-то непонятным, опасным и враждебным. Примером того пусть послужит факт названия «Чужим» смертельно опасного существа, известного из популярной серии американских фильмов. История знает много примеров, когда этническая, культурная или религиозная инаковость «другого» была причиной массового убийства, преследования и кровопролития. Всё другое, непонятное и в связи с этим таинственное, всегда вызвало у людей страх и беспокойство. Но именно на этом элементе основано большинство историй и фильмов ужасов, направленных на то, чтобы напугать. Чужесть может относиться ко многим факторам, но мы хотели бы остановиться на проблеме различий в сфере человеческих отношений.

По «Словарю современного польского языка» (1996) под редакцией профессора Ягеллонского университета в Кракове Богуслава Дуная (р. 1940), денотативным значением (от *lat.* *denotatum* – обозначенное, *de-noto* – обозначаю) слова «чужой» является «тот, который не принадлежит чему-то, который находится вне сферы чьих-то интересов, чьего-то опыта, знаний». «Чужой» – это «человек, не принадлежащий ни к какой группе, среде, семье; гражданин другого государства» [Słownik ... , с. 632]. «Другой» в свою очередь – это «не тот (же самый), не такой (же самый); второй, дальнейший; инаковый, измененный». «Другость» определяется как «четкое отличие от остальных элементов, объектов и т. д. одного и того же рода» [там же, с. 323].

Примечательно, что не являющиеся синонимичными слова «чужой», «другой», несмотря на их кажущуюся схожесть, в современной

польской культурологической и антропологической литературе используются как слова-заменители.

В рамках своей концепции культурализма как противоположности натурализма (косвенно отвечающей вопросам и проблемам Э. Абрамовского) польско-американский философ и социолог Флориан Знанецкий (1882–1958) дал следующее определение понятия чужого: «человеческий субъект воспринимается другим человеческим субъектом как чужой, всегда тогда и только тогда, когда между ними возникает социальный контакт на почве раздельных систем ценностей» [Znaniecki, с. 300].

«Чужесть», по Знанецкому, всегда будет оцениваться отрицательно, потому что всё, отличающиеся от нас, другое, становится предметом негативных общественных стремлений, своеобразного антагонизма к «чужим» [там же, с. 321]. Такое восприятие *чужого* может привести к ситуации, в которой он станет для нас *врагом*. Понятие *чужести*, в понимании Знанецкого, является изменчивым опытом – другой является *чужим*, если будет признан *чужим*, независимо от обладаемых им черт; *чужой* является относительным понятием и детерминируется данной ситуацией. Условия, в которые попадут единицы или группы, назначают направление восприятия их как *чужих* [там же, с. 292].

По мнению польского профессора гуманитарных наук Зигмунта Баумана (1925–2017), специализирующегося на теории культуры, «есть друзья и есть враги. Есть и чужие». Враги являются негативным противопоставлением друзей, они знакомы, узнаваемы друзьями, однако не являются «чужими» [Bauman, с. 79]. «Чужой» не является ни другом, ни врагом, он является этим третьим – «другим». О «чужом» мы знаем не много, он непредсказуемый [там же, с. 81–82]. Бауман, в отличие от Знанецкого, не замечает положительного аспекта отношений с *чужими*. Для него *чужой* всегда им останется, не удастся изменить уже инициированной социальной дистанции [там же, с. 88].

К способам восприятия «чужого» Знанецким как носителя разных ценностей Ежи Никиторович (р. 1951) добавляет еще признаки непонимания и отсутствия принятия, опирающиеся на стереотипное восприятие *чужого*, ведущее к образованию предубеждений, а затем – к дискриминации и маргинализации. Польский педагог обращает внимание на то, что в человеческом сознании категория «чужести» характеризуется негативностью и враждебной позицией. Чтобы

другость не была одновременно *чужестью*, ученый выдвигает требование межкультурного образования [Nikitorowicz 1995, с.14].

Согласно Эве Новицкой (р. 1942)¹, категории *свой* и *чужой* вписываются в сонм важнейших категорий для описания нашей социальной реальности. Профессор социальной антропологии Варшавского университета отмечает, что эти детерминанты очень важны, потому что они оказываются в значительной степени естественными. Деление мира на *своих* и *чужих* является антропологической универсалией и свойственно любому обществу и индивидууму; следовательно, эти понятия не являются определениями, произведенными учеными в целях аналитических исследований. Как пишет автор работы «Мир человека – мир культуры» (2006), «вопрос о своем и чужом занимает важное место в различных течениях социологической мысли, берущих начало от различных теоретических предположений. Это вытекает из факта, что напряженность между своим и чужим является существенным компонентом процессов, происходящих в сфере эмоциональной и интеллектуальной, что ведет к упорядочению социального мира. Распознавание социальной реальности, придание ей мысленного порядка, то есть ее понимание или придание смысла, является основой социальной жизни любых обществ всех времен» [Nowicka 1990, с. 5].

Ссылаясь в дальнейшем на Новицкую, мы хотели бы еще определить оба термина. Автор принимает «свойскость» за «нахождение в любых близких отношениях между объектом (или человеком) и субъектом, а чужесть означает отсутствие таких отношений». Это соединение включает в себя эмоции и убеждения в широком смысле, которые «содержат принятие, обязательства и чувство естественности. Среди убеждений наиболее важными являются: убеждение в сходстве, понятности, содержательности. Чужесть, следовательно, связана с отсутствием этих ценностей» [Nowicka 2006, с. 26].

¹ Эва Новицкая – польский исследователь религиозности, национальных и этнических меньшинств в Польше (ромов и вьетнамцев), греческих репатриантов из Польши, а также коренных народов Сибири – бурятов, якутов, коряков. Вела полевые исследования в Европе, Сибири, Монголии и Китае. В сфере ее научных интересов лежат современные антропологические теории, общественный и психологический аспекты возвратной миграции [Nowicka 2006, с. 13].

Оппозиция *свой – чужой* видна, по мнению Новицкой, в трех измерениях: психологическом, социальном и культурном. На психологическом уровне *свойскость* проявляется в чувстве безопасности, принятии других людей в группе, спокойствии, довольстве и понимании. Однако часто она связана со скукой и обыденностью. *Чужесть* в этом плане является синонимом угрозы, тревожности, обиды, непонимания и отвращения. Эти явления часто приводят к любопытству, влечению и восхищению чем-то другим. Оппозиция *свой и чужой* в социальном измерении охватывает разные взгляды на чужих, а также способы поведения по отношению к ним. На культурном уровне оппозиция эта проявляется в различных националистических и расистских идейно-политических концепциях [там же, с. 26–27].

Таким образом: «Чужим является всегда тот, кто подозревается в “другости”, или об этой его “другости” известно, при чем все, что незнакомое, или точнее непознанное, подозревается в такой “другости”. Для участников различных групп различное содержание определяет принадлежность к своей группе и в связи с этим существуют различные дефиниции “другости”» [там же, с. 285].

Явление *свой – чужой* чаще всего распространено и наиболее опасно в области восприятия другого человека. Событием в истории, которое трагически продемонстрировало, насколько чужим может быть другой человек, было открытие Нового Мира Христофором Колумбом. Названные европейцами пейоративным именем «дикие», туземцы не были в глазах жителей Старого Континента достойны названия людей. К индейцам из-за их культурных различий отнеслись как к животным – существам, способным только на тяжелую физическую работу.

В долгой истории западной цивилизации нередкими были и, к сожалению, до сих пор бывают ситуации, когда другой человек считается чужим из-за политической или этнической принадлежности. Такие случаи определения *другими* и *чужими* близких и знакомых народов можно заметить и на польской почве. Сегодня многие в Польше стараются укрепить миф о вечных врагах Польши – русских и немцах. Например, немецкий народ, может быть, никогда не был самым большим приятелем и союзником Польши, однако нельзя однозначно определить их взаимоотношения как плохие. Симпатия Польши к Германии усиливалась и становилась менее выраженной в зависимости

от событий на международной арене. Следует помнить, каким децентрализованным государством долго была Германия – конфликт с одним княжеством или королевством не обозначал сразу ненависти ко всему немецкому народу. Галл Аноним (конец XI – начало XII вв.) в своей хронике, написанной на латинском языке, в русском переводе известной как «Хроника, или Деяния князей и правителей польских», подчеркивает, что германский император Оттон называл Болеслава Храброго «своим другом и партнером», а также «другом и союзником римского народа» [Anonim Gall. URL : www.zswsucha.iap.pl/STREFA_N/WiLeHi/lektury/kronika/index-1.htm]. Также Галл пишет, что «увидев его [Болеслава] славу, мощь и богатство, римский император воскликнул с восхищением: “Клянусь короной моей империи, всё, что я вижу, превосходит то, что я слышал”. По совету своих магнатов в присутствии всех он прибавил: “Не подобает называть столь великого мужа князем или графом, как одного из сановников, но должно возвести его на королевский трон и со славой увенчать короной”. И, сняв со своей головы императорскую корону, он возложил ее в знак дружбы на голову Болеслава и подарил ему в качестве знаменательного дара гвоздь с креста Господня и пику св. Маврикия, за что Болеслав, со своей стороны, подарил ему руку св. Адальберта» [там же].

Цель наших размышлений – доказать, что *чужесть* и *другость* не должны ассоциироваться только с негативными аспектами. Эти основные категории вызывают интерес к познанию и пониманию другой культуры и ее представителей. По мнению антрополога Клиффорда Гирца (1926–2006), реальность, которую кто-то воспринимает, и линзы культуры, сквозь которые эта реальность воспринимается, представляются «нерасторжимыми». Эва Новицкая добавляет: «В интеллектуальной сфере “свойскость” ассоциируется с безрефлексивностью, а “чужесть” – с рефлексией. Таким образом, масштаб ощущений, связанных с опытом “чужести” колеблется от крайнего отторжения через холодное равнодушие к интересу и увлечению» [Nowicka 1990, с. 5].

Процитированные выше авторы, поставившие пространственную или временную *другость* в центре научных интересов, бесспорно, подтверждают в своих работах, что существование чужого и непознанного является основой и неотъемлемым компонентом польской

современной гуманитарной науки. Добавим, что следует быть осторожными, чтобы *чужест* не стала инструментом ошибочной идеологии, ведущей к фаворитизму своих и дискриминации чужих и в итоге – к расизму и преследованиям. При выборе образа и сообщений не стоит забывать об ошибках и тенденциозном характере процесса атрибуции, потому что о своих мы думаем всесторонне, а о чужих – упрощенно. Размышления о других чаще приводят к стереотипизации и дегуманизации. Чтобы избежать этого, необходимо создать картину, основанную на сходстве. Как пишет Франс де Вааль (р. 1948), нидерландский приматолог и этолог, «впервые в истории мы стоим перед вызовом, чтобы всех людей в мире воспринимать как свою группу» [Gontarska 2015, с. 47]. В такой мощной сети глобальной взаимозависимости мы взаимодействуем между собой, и в результате этого, как справедливо утверждает современный московский философ Армен Григорян (р. 1950): «Через меня, становясь мной, чужой человек принимается в мой род, становится родным» [Григорян 2014, с. 124].

Подытоживая сказанное, следует сделать акцент на том, что понятийный диапазон контекстуальной триады «другой – свой – чужой» в польской современной гуманитарной мысли очень широк. Анализ текстов польских теоретиков позволяет существенно расширить картину рассматриваемого вопроса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорян А. Первый, второй и третий человек. М. : Языки славянской культуры, 2014. 560 с.
- Словарь терминов межкультурной коммуникации / ред. М. Г. Лебедевко, З. Г. Прошина. М. : Флинта : наука, 2013. 632 с.
- Amerykańska antropologia postmodernistyczna* / red. M. Buchowski. Warszawa : Instytut Kultury, 1999. 320 s.
- Anonim Gall*. Kronika polska. URL : www.zswsucha.iap.pl/STREFA_N/WiLeHi/lektury/kronika/index-1.htm
- Bauman Z.*, Prof. dr hab. URL : nauka-polska.pl/#/profile/scientist?id=10693&k=3vbvlw
- Bauman Z.* Wieloznaczność nowoczesna, nowoczesność wieloznaczna. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1995. 335 s.
- Gontarska M., Kielak E., Huminiak A., Kucińska A., Qandil M.* Jak mówić o większości świata? Jak rzetelnie informować o krajach globalnego Południa? Warszawa : Instytut Globalnej Odpowiedzialności, 2015. 106 s.

- Kulturologia polska XX wieku / red. G. Godlewski. Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2013. T. 1. A–K. 693 s. ; T. 2. L–Ż. 733 s.
- Lenartowicz I.* Jeśli nie edukacja, to co? Pedagogika międzykulturowa jako odpowiedź na rzeczywistość społeczeństwa wielokulturowego // *Homo communicativus*. 2007. Nr 1 (2).
- Mencwel A.* Kulturologia polska XX wieku. URL : www.kulturologia.uw.edu.pl/page.php?page=wstep
- Nikitorowicz J.* Kreowanie tożsamości dziecka. Wyzwania edukacji międzykulturowej. Gdańsk : Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2005. 248 s.
- Nikitorowicz J.* Pogranicze, tożsamość, edukacja międzykulturowa. Białystok : Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 1995. 462 s.
- Nowicka E.* Swojskość i obcość jako kategorie socjologicznej analizy // *Swoi i obcy* / E. Nowicka. Warszawa : Instytut Socjologii, 1990. S. 5–53.
- Nowicka E.* Świat człowieka – świat kultury. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006. 483 s.
- Słownik współczesnego języka polskiego* / red. D. Dunaj. Warszawa : Wydawnictwo Wilga, 1996. 1437 s.
- Znanięcki F.* Studia nad antagonizmem do obcych // *Współczesne narody* / red. F. Znanięcki. Warszawa : Wydawnictwo PWN, 1990. S. 265–358.

УДК 141

В. А. Васильев

доктор философских наук, профессор,
профессор каф. философских наук МГЛУ;
e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОМПРОМИССЕ

В статье анализируется сущность компромисса. Он отражает демократизм общества, свободу слова, возможность диалога; несет в себе ценностные ориентиры в достижении интересов, общих целей.

Ключевые слова: политика; интерес; мораль; компромисс; толерантность; диалог.

V. A. Vasiliev

Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor,
Department of Philosophy, MSLU; e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

TO THE QUESTION OF COMPROMISE

In this article is analyzed the essence of compromise. It reflects the democracy of society, freedom of speech, the possibility of dialogue and provides values in achieving interest, common goals.

Key words: politics, morality, interest; compromise, tolerance, dialogue.

В решении спорных вопросов не только внутри России и на международной арене, но и в индивидуальных отношениях важная роль отводится проблеме компромисса. Компромисс (*лат.* – *compromissum*) означает соглашение, достигнутое путем взаимных уступок. Компромисс как философская категория имеет сущностную структуру, которая включает субъективный и объективный факторы. С одной стороны, в решении какого-либо спорного вопроса и достижения при этом соглашения отражается целенаправленная, осознанная деятельность людей с присущими им интересами, целями, ценностными установками. С другой стороны, компромисс определяется объективностью предмета, который вызывает у различных субъектов необходимость

его познания и решения своих проблем. В рамках общественных отношений компромисс выступает естественным принципом при учете и реализации интересов, которые выражают взаимную зависимость людей во всей системе их отношений и в первую очередь в сфере материального производства, обмена, распределения, потребления. Одновременно с общественным разделением труда оформляются противоречия между интересами индивидуумов, социальных групп, классов, наций, государств и т. п. Складывается пестрая картина противоречивых, противостоящих друг другу социальных целей, установок, которые особенно обостряются в условиях межгосударственных противоречий и в рамках конфликтной социальной дифференциации.

Сегодня наша страна подвержена внешним и внутренним конфликтным противоречиям. Внешние противоречия во многом определяются всевозможными санкциями со стороны западных государств, которые оказывают свое влияние на наши экономические, технологические, социальные процессы. Внутренняя конфликтная противоречивость вызывается сложной социальной дифференциацией. Она включает в себя многообразные социальные субъекты, разительно отличающиеся между собой по материальному достатку, доходам, прожиточному уровню, по возможности получить образование, медицинскую помощь и т. п.

За небольшой временной период так называемой приватизации в стране образовался «тонкий слой» долларовых миллиардеров и миллионеров. Несмотря на тяжелое состояние экономики и давление Запада с помощью санкций богатейшие люди становятся еще богаче. Согласно данным журнала Forbes, совокупное состояние 200 богатейших бизнесменов выросло за 2016 год на 100 млрд долл. США, достигнув 460 млрд долл. США. Число долларовых миллиардеров увеличилось с 77 до 96 [Forbes 2017, с. 74]. В годы великой американской депрессии президент Рузвельт провел через Конгресс 75-процентный налог на доходы корпораций. Это дало возможность, значительно увеличив бюджет, не только вывести страну из кризиса, но и выйти в передовые страны мира. Наша действительность показывает, что огромные деньги вывозятся за границу.

Сформировалась специфическая категория людей – топ-менеджеров. Это руководители крупных госкомпаний с большими доходами, достигающие миллионы рублей в день. В Германии, например, чиновник,

назначенный в Совет директоров какой-либо компании, по закону не может получать больше 12 тыс. марок в месяц. У нас таких ограничений нет. Совет директоров сам решает вопрос относительно окладов, премий, ставки которых охраняются государством.

Значительно расширяется чиновничий аппарат со своими специфическими интересами. По данным Росстата, за 17 лет в расчете на 10 тыс. населения чиновников стало почти вдвое больше (79,4 – в 2000 г., 148,3 – в 2017 г.). Соответственно и расходы на эту «армию» всё время увеличиваются. Средняя зарплата депутата Госдумы сегодня составляет 360 тыс. рублей в месяц, а средняя зарплата по стране – 36 тыс. рублей. А есть еще у чиновников персональные авто, служебные квартиры, дачи, премии и прочие льготы. Проектом федерального бюджета на 2018 г. предусмотрено увеличение зарплат госслужащих, депутатов, сенаторов и их помощников [Грегоров 2017, с. 2].

Появился специфический социальный класс – прекариат. Под это понятие попадают группы людей, которые заняты временной, эпизодической, работой, сезонными заработками; вовлечены в теневой бизнес. Это специалисты по информационным технологиям, программисты, занимающиеся самостоятельными разработками и не имеющие внешнего повседневного контроля со стороны государственных или частных предприятий. «Из свыше 80 млн трудоспособного населения 38 млн россиян непонятно где заняты, чем заняты, как заняты, в результате чего условия жизни, их доходы не отражаются в официальных статистических данных» [Тощенко 2015, с. 6].

Наряду с перечисленными слоями сверхбогатых и богатых, обеспеченных и малообеспеченных людей в России сосредоточена масса бедных и нищих. Среди них инвалиды, пенсионеры, многодетные семьи, значительная часть бюджетников. По официальным данным, 18 млн человек живут ниже прожиточного уровня, который значительно занижен.

Следует выделить также социальные сложности на региональном уровне, ибо не все субъекты обладают такими природными ресурсами, как нефть и газ. Промышленность у нас сконцентрирована в центральных регионах, на Урале и в Поволжье. В период экономического кризиса 2008 г. самые бедные и самые богатые субъекты по уровню валового продукта различались в 36 раз, по объему инвестиций на душу населения в основной капитал – в 158 раз [Парламентская газета

2008, с. 10]. Большинство субъектов Российской Федерации живет на дотации, получая денежные средства из государственного бюджета на безвозмездной и безвозвратной основе.

Подобная противоречивость социальной структуры выступает в виде «тождества противоположностей», раскрывая взаимосвязь субъектов со своими индивидуальными потребностями, проблемами. И каждая социальная группа, индивиды, направляют свои усилия на разрешение своих потребностей, целей. «Индивиды преследуют только свой особый интерес, не совпадающий для них с их общим интересом ... они считают этот общий интерес “чуждым”, “независимым” от них, т. е. опять-таки особым и своеобразным “всеобщим” интересом <...> Именно благодаря этому противоречию между частным и общим интересом последний в виде *государства* принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных – как отдельных, так и совместных – интересов» [Маркс, Энгельс 1961, с. 32–33].

Если наше внимание сосредоточено на частных интересах и ценностях, то подобная односторонняя позиция может проигнорировать нечто общее, которое не только присуще всем индивидуальным интересам, но и в рамках одной социальной целостности все субъективно-индивидуальные потребности и интересы только и могут существовать. Если же в социальном сообществе отсутствует общий интерес, то не может быть и единства целей, не говоря уже о единстве действий.

Поскольку ни общий интерес не в состоянии включить в себя всё богатство индивидуальных интересов, ни отдельный интерес – отразить в себе полноту общего интереса, появляется объективная необходимость со стороны управленческих государственных структур нахождения и налаживания разумного и приемлемого для различных социальных сил компромисса. Использование компромисса при учете противоречивости интересов защищает политика от возможной абсолютизации одной из противоположностей – интереса общего или частного, группового и общенационального и т. п. Нарушение взаимосвязи единства многообразного в практике различных стран приводило к тому, что всё многообразие интересов сводилось к чему-то одному, одинаковому для всех, в виде, например, содержания интереса рабочего класса, выдавая его за общий интерес строительства социализма. Догматически понимаемая общность интересов порождала

политические решения, направленные на нивелировку интересов, что вело к установлению уравнительных тенденций во всех видах общественной деятельности.

Бытовавшая в советский период политическая установка на слияние наций и народностей в единое и неделимое целое – советский народ – приводила к тому, что недооценивался рост национального сознания и осознания каждой нацией и народностью своих интересов, а допускавшиеся в национальных вопросах беззакония не могли не привести к обострению межнациональных отношений. Необходимо также подчеркнуть, что каждая национальная общность неоднородна по своему социальному положению, демографическим, профессиональным, региональным и другим особенностям. Она внутренне противоречива, где взаимодействуют социальные группы со своими интересами, целями, ценностями. Их общий интерес проявляется как в рамках внутринациональных отношений, так и в отношениях с другими народами. В межнациональных, внутринациональных отношениях есть точки соприкосновения, нахождения общих позиций и разногласий в диапазоне от политических баталий до кровавых конфликтов. Интересы национальные и межнациональные «переплетаются» в некое единое противоречивое экономическое, социально-политическое, нравственно-культурное сообщество людей. С укреплением подобных взаимосвязей, нахождением общих социальных задач усиливаются тенденции к нахождению и разрешению общенациональных проблем.

В 1990-е гг. в результате разрушения государственной и колхозно-кооперативной собственности восторжествовал так называемый общий интерес сторонников приватизации. Произошел передел собственности, в результате которого и произошла в стране огромная дифференциация на сверхбогатых, бедных и нищих. Под общим интересом стал пониматься корпоративный интерес тех социальных групп, которые незаслуженно получили выгодные формы государственной собственности и которые заинтересованы в сохранении породивших их порядков. В таком абсолютизированном виде «общий» интерес превращается в интерес государственный, а государство выступает орудием его защиты. Однако в том случае, если общественные интересы отождествляются с государственными или корпоративными, их выразителями становятся представители командно-административной

системы, подчиняющие порой всё присущее обществу многообразие интересов групповым, ведомственным.

Огромная социальная дифференциация говорит о сложной конфликтной ситуации в стране, которая может обостряться внешними факторами, т. е. влиянием западных государств, незаинтересованных в стабильном развитии России. Поэтому, на наш взгляд, если вовремя не ослаблять внутренние социальные конфликты и не применять принцип компромисса, то развитие страны можно представить в двух возможных направлениях. *Первая* тенденция проявляется в стремлении к объединению большинства социальных слоев населения на основе общего интереса – достижения достойного уровня жизни. *Вторая* определяется интересами сверхбогатого «тонкого слоя», имеющего финансовые, экономические возможности удалиться от противоречивого единства, утвердить свое самостоятельное единство или присоединиться к иной социальной целостности. Члены этого «тонкого слоя» имеют, как правило, второе гражданство, недвижимостью за рубежом, инвестиции в зарубежные фирмы. Их дети учатся на Западе в престижных учебных заведениях, ближайшие родственники проживают за границей. Государством было объявлено об амнистии капиталов, возвращающихся в Россию, но представители крупного бизнеса не спешат воспользоваться такой возможностью и в любой момент под страхом экономических и финансовых санкций могут покинуть страну. При такой разрозненности и конфликтности интересов общество может вступить в полосу социального взрыва, на волне которого к власти может прийти лидер крайне правого толка, или установится диктатура «богатых», которая может оказаться не менее жестокой, чем диктатура пролетариата.

Без консолидирующего компромиссного фактора удержать «разбегающуюся» множественность социальных слоев со своими нерешенными проблемами-интересами на всероссийском, региональном, местном уровнях может стать весьма затруднительным. Попытки приостановить деструктивный процесс, опираясь на силовые структуры, положительного результата не давали и не дадут, поскольку социальные противоречия, требующие своевременного компромисса, не разрешаются, а загоняются внутрь и от этого еще больше обостряются. Об этом напоминают события из недалекого прошлого советского периода. Так, отсутствие терпимости, как важного фактора компромисса,

к иным воззрениям ослабляли общественную духовность, что уводило людей от общественно-полезных дел в алкоголизм, наркоманию, а то и в открытое противостояние нормам общежития. Не имея официального выхода на публичные дискуссии, творческая мысль или смирялась с социальными условиями, или уходила в подполье. Там она начинала звучать по отношению к официально провозглашенным идеям и стоящей на их защите цензуре в форме инакомыслия, получившего в недалеком прошлом название диссидентства. Нереализованная творческая потребность, обостряя чувство социальной несправедливости, оборачивалась не только драмой, но и трагедией в судьбах людей. Запретное инакомыслие неизбежно порождает повышенный общественный интерес. Люди испытывают желание лично прочесть, увидеть и оценить то, что подвергается официальной критике. Проводимый Центром по изучению общественного мнения анализ отношения людей к диссидентству свидетельствовал об интересной особенности: официально тех, кого относили к диссидентам, насчитывались в нашем обществе десятки человек, а их взгляды разделяли значительные группы граждан. Непонятное, на первый взгляд, явление объяснялось попыткой людей связать собственную позицию с позицией той группы, которая выражает определенное несогласие с социальным положением вещей, официальной политикой.

И в наше время компромисс необходимо использовать при диалоге с оппозиционными движениями. Они не стихают, а мотивация их участников во многом определяется неудовлетворенностью решением экономических, социальных проблем со стороны государства. Именно социальное государство объединяет общественные силы, использующие правовые нормы выражения своих интересов. Оно суммирует их и выделяет общий интерес граждан. Без него многообразие превращается в анархическую самоизоляцию.

Поскольку демократические реформы задевают интересы всех социальных групп со своими специфическими потребностями и целями, то формируется единая противоречивая система общегосударственных и региональных, внутринациональных и международных, внутриклассовых и межклассовых, групповых и индивидуальных взаимоотношений, которые обязательно предполагают, при учете интересов, использование компромисса. Конечно, все интересы совпадать не могут, поскольку преобразование страны затрагивает

и прогрессивные, и консервативные силы. Но принципиальная общность интересов, взятая в их многообразном единстве, не исключает противоречий между ними. Напротив, она предполагает их как имманентный импульс движения преобразований. Реформы должны стать выгодными всем социальным субъектам, действующим в рамках законов, содержать в себе реализацию общих интересов. Ведь смысл преобразований, в конечном счете, в учете многообразных интересов, в воздействии на них с помощью государственных и общественных институтов гражданского общества. Думается, что даже противоположные интересы базируются на единой социально-экономической, политической и духовной общности. Это дает возможность найти компромиссы, которые позволили бы превратить разнообразные интересы в противоречивое живое единство, направленное на достижение единых общественных целей. Задача научного управления общественными процессами в условиях демократизации страны заключается прежде всего в том, чтобы не допускать стихийности возникновения противоречий и конфликтов во взаимодействии социальных субъектов со своими интересами, а видеть имманентно заложенные в них тенденции и находить своевременные и оптимальные средства их разрешения.

Без гибкого политического механизма с использованием компромисса мы не сможем объединить разнообразные общественные силы. Возможность создания такого механизма заложена в особенностях, которые представляются в сфере политики и управления. Государство выражает и проводит в жизнь общий интерес своих граждан. Этот общий интерес заключается, на наш взгляд, в реальном утверждении правового государства и гражданского общества. Общий интерес состоит также в достижении высокого уровня жизни людей, в обеспечении защиты Отечества, в экологической и информационной безопасности и т. п. Общность интересов различных социальных субъектов заключается не только в единстве многообразного, но и в возможности нового типа жизнедеятельности, когда каждый гражданин попадает в такую зависимость, которая не отчуждает его от общества. То есть индивид включается в общественную жизнь не посредством других индивидов или организаций, а непосредственно. Взаимосвязь, выраженная общим интересом, в принципе совпадает с социальным целым и на этой основе включает все частные интересы. Именно

в таком типе взаимосвязи и происходит совпадение интересов различных классов, социальных слоев и общего интереса.

Таким образом, на основе общего интереса создается возможность проведения единой государственной политической линии. Именно позиция общего интереса способствует нахождению компромисса между прежде непримиримыми позициями частных и групповых интересов. Вне зависимости от специфических целей любой индивид, любая группа являются частью социального целого, позиции которого представлены общим интересом. В результате осознания конкретного содержания общего интереса предоставляется возможность ликвидировать в социально-политической жизни конфронтацию и насилие, и строить политическую практику на основе единства воли большинства. Изменяется и представление о социальном компромиссе. Это не временная уступка позиций одной из противоборствующих сторон другой стороне, пока не хватает сил для подчинения ее интересов собственным. В таком случае насилие как основное политическое средство только маскируется консенсусом в ожидании ослабления противника. Настоящий компромисс показывает, что обе взаимоисключающие позиции выражают разным образом одно целое, заслоненное от каждого из участников конфликта одной из его частей. Существенным подтверждением этой позиции служат следующие факты. Во-первых, практика функционирования и развития западных стран, особенно в последние годы, показывает успешное использование компромисса. С их помощью объединяются, казалось бы, непримиримые интересы различных классов, социальных слоев, этнических общностей людей на основе общего интереса – достижения стабильности общества, повышения благосостояния граждан, процветание страны, повышения ее безопасности. Во-вторых, компромисс становится существенным условием разрешения международных проблем. В современной обстановке конфронтация между общественными системами является тупиковым исходом, а достижение взаимного результата в сохранении мира, обуздании региональных войн, в разрешении экологических, демографических, информационных и иных проблем возможно лишь на пути единства действий всего человечества в направлении создания и осуществления общих интересов социального прогресса и выживания человечества. В противном случае под угрозу ставится само существование жизни на Земле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

- Грегоров М.* Деньги для чиновников и депутатов нашлись. Для пенсионеров – нет // Мир новостей. 10 октября 2017 г. С. 32.
- За территорией – огромная страна // Парламентская газета. 28 октября 2008 г. С. 12.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. М., 1961. С. 789.
- Тоценко Ж. Т.* Прекариат – новый социальный класс // СОЦИС. 2015. № 6. С. 78.
- Forbes.* 2017. № 5. С. 124.

УДК 141

М. Т. Рюмина

доктор философских наук, профессор,
профессор каф. философии, Российский национальный исследовательский
университет им. Н. И. Пирогова; e-mail: mt-rymina@yandex.ru

«ДУХОВНЫЙ ПОВОРОТ» В АБСТРАКТНОМ ИСКУССТВЕ В. В. КАНДИНСКОГО

В статье анализируется «духовный поворот» в модернизме и особенности этого революционного поворота в абстрактном искусстве В. В. Кандинского. На материале теоретической работы В. В. Кандинского «О духовном в искусстве» исследуется эстетическая модель эволюции искусства и культуры. Выделяются основные тенденции этого процесса. Ставится вопрос: можно ли сегодня говорить об «умирании искусства»? Выделяются основные тенденции в искусстве и в культуре, которые позволяли сделать вывод об «исчезновении искусства». Среди таких тенденций рассматриваются тенденции дегуманизации, нарастания бездуховности, нарушения художественного единства и целостности произведения искусства, а также тенденция к слиянию искусства и жизни, что выражается в тотальной эстетизации действительности, в тенденции к дереализации реальности, в процессах образования симулятивной реальности и др.

Ключевые слова: «умирание искусства»; модернизм; постмодернизм; симуляция; симулякр; дегуманизация; конструктивизм.

M. T. Ryumina

PhD, Full Professor, Professor at the Department of Philosophy,
Russian national research University named after N. I. Pirogov;
e-mail: mt-rymina@yandex.ru

THE “SPIRITUAL TURN” IN ABSTRACT ART OF V.V. KANDINSKY

The article examines the “spiritual turn” in modernism and the features of this revolutionary turn in the abstract art of V. Kandinsky. On the material of the theoretical works by V. V. Kandinsky “The Spiritual in Art” the article explores the aesthetic model of the evolution of art and culture. It highlights the main trends of this process. The question is: can we say today about the “dying art”? The article highlights the main trends in art and culture, which allowed to conclude about the “disappearance of art”. Among these trends it examines trends of dehumanization, the rise of spiritual impoverishment, violations of artistic unity and integrity of works of art, as well as a tendency to merge art and life, resulting in a total aesthetization of the reality, the trend towards the derealization of reality, the simulation of reality, etc.

Key words: “a dying art”; modernism; postmodernism; simulation; simulacrum; dehumanization; constructivism.

Революционный процесс XX в. начинается с эстетической революции, за которой последовала и социальная революция. Эстетическая революция начала века была связана с появлением авангардного искусства – от кубизма и фовизма до абстракционизма и экспрессионизма. Авангардное искусство отразило тот «духовный поворот», который предвещал социальные катаклизмы XX в. Кризисное и революционное сознание отчетливо проявилось и в творчестве В. В. Кандинского, родоначальника абстрактного искусства. В своей работе «О духовном в искусстве» (1911), которую можно рассматривать в качестве манифеста не только абстракционизма, но и всего авангарда, он высказал ряд интересных мыслей относительно природы происшедшего на его глазах «духовного поворота» и создал интересную абстрактную эстетическую модель эволюции духовной жизни искусства или даже духовной жизни культуры в целом, которая звучит очень злободневно. Он ощущал переломные настроения в духовной атмосфере Европы и России. «Духовный поворот» – это всегда время ломки традиций, норм и устоев, и одновременно вызревание элементов нового, еще неопределенного и непривычного. Это всегда весьма болезненный процесс для культуры и конкретных людей (уничтожение и созидание), который сопровождается невосполнимыми потерями и болью. Для модернизма традиция означала нечто старое, отжившее, которое должно было быть заменено новым, молодым, перманентно творческим искусством, открыто и непосредственно выражающим как чувства человека, так и существо мироздания. Разрыв с традицией осмыслялся Кандинским как момент величайшей свободы искусства и творчества. Однако свобода, как он подчеркивал, не могла быть абсолютной, «каждой эпохе дана своя мера свободы», определяемая «принципом внутренней необходимости» [Кандинский *royallib ...*, с. 33]. «И даже наигениальнейшая сила не в состоянии перескочить через границы *этой* свободы» [там же]. Однако революционный процесс в искусстве, который был запущен модернизмом, очень скоро привел к выходу за все возможные границы и прежде всего за пределы искусства. Можно вспомнить «Черный квадрат» Малевича, который прочитывался как знак Ничто и, соответственно, как символ смерти искусства.

Тенденция к выходу за границы искусства, возможно, определяется наметившимся в абстракционизме стремлением приписать

искусству несвойственный ему предмет и функции. Так, русский символизм, рассматривая искусство как теургию (как синтетическое художественно-религиозное действие) приписывает ему функции религиозного сознания. Еще Леонардо да Винчи в своем трактате «О живописи» говорил, что живопись – это и есть философия. И живопись для него даже выше философии, так как она в чувственно-образно-материальной форме выражает идеи, делает их зримыми, в то время как философия – это просто мышление в понятиях. Подобный подход к живописи в наибольшей мере в Новое время выразился в модернизме и, в частности, в абстрактном искусстве В. В. Кандинского и в его философии искусства. Именно в его творчестве искусство ставит себе задачи, которые, возможно, выходят за пределы собственно искусства. Ведь, по его мнению, живопись должна стремиться выразить чувственно невыразимое – невидимую внутреннюю духовную сущность мироздания, «Великую Духовность». В новом искусстве Кандинский видел провозвестие наступления «Эпохи Великой Духовности» [Кандинский goallib ... , с. 79].

Любая революция характеризуется всесмешением, отменой границ, например между сословиями или разными видами искусства. Характерная для модернизма идея *синтеза искусств* была именно такой идеей всеобщего взаимодействия и взаимооткрытости. Об этом много писал Кандинский, сравнивая разные виды искусства, – музыку, поэзию, живопись, считая, что все виды искусства должны учиться друг у друга, перенимая лучшее. Он полагал, что искусство имеет корни в своей духовной эпохе, оно является не только «отзвуком и зеркалом» последней, а обладает пробуждающей, пророческой силой» и оказывает сильнейшее направляющее воздействие на духовную жизнь своего времени. Он говорил о большом общественном значении искусства и не принимал позиции «искусства для искусства», которое есть только «сеяние в пустоту сил художника» [Кандинский, с. 5]. Но уже в самой идее «беспредметного искусства» как высшего этапа искусства живописи заключался зародыш тенденции непонимания и непризнания авангардного искусства обществом. Это хорошо подметил Х. Ортега-и-Гассет в своей работе «Дегуманизация искусства», которая вышла уже во втором десятилетии XX в. (в 1925 г.), поэтому философ имел возможность осмыслить ближайшее будущее авангардного искусства.

Х. Ортега-и-Гассет также рассматривал «духовный поворот» в искусстве начала века, в котором рождались новые художественные ценности и новое эстетическое чувство, но оно разделяет публику на понимающее меньшинство и непонимающее враждебное большинство [Ортега-и-Гассет 1991, с. 220]. «Все молодое искусство непопулярно – и не случайно, но в силу его внутренней судьбы» [там же, с. 219]. «Внутренняя судьба» этого искусства определяется его художественным принципом, который носит дегуманистический характер. Ортега-и-Гассет отмечает, что новое искусство не просто непопулярно, но и ненародно. «Оно (новое искусство. – М. Р.) не народно по самому своему существу, более того, оно антинародно» [Ортега-и-Гассет 1991, с. 220]. Новое искусство, по его мнению, аристократично, и по отношению к нему общество делится на два ордена – орден людей выдающихся и орден людей заурядных. Философ приветствовал это разделение и связывал с ним надежды на преодоление недугов Европы, считая принцип равенства ложным [Ортега-и-Гассет 1991, с. 222]. Но это стремление к элитарному обществу очень быстро реализовалось в 1930-е гг. в нацистской Германии и человечество дорого заплатило за это неравенство.

Перед искусством и художником, согласно Кандинскому, стоят высокие цели и задачи духовного порядка. Он полагал, что художник наделен даром особого «видения» духовной реальности. В этом он продолжает традицию романтизма [Батракова 1990, с. 122]. «В нашей душе имеется трещина», вызванная господством материалистического мировоззрения, которое сделало «из жизни вселенной злую бесцельную игру» [Кандинский, с. 9]. Эволюция искусства – это движение «вперед и ввысь» через «страдания, зло и муки». Это движение носит познавательный и художественный характер. В движении познания «вперед и ввысь» особая роль принадлежит гению-художнику, который «видит и указывает». «Сопровождаемый издевательствами и ненавистью, всегда вперед и ввысь тянет он застрявшую в камнях повозку человечества» [Кандинский, с. 12].

Кандинский в своей работе «О духовном в искусстве» очень предлагает схему развития искусства и духовной жизни в целом. Эта схема весьма утопична и абстрактна, но одновременно и по-живописному конкретна, так как, по-видимому, автор имел перед своим внутренним взором живописный образ эволюции искусства. Он сравнивает

эволюцию духовной жизни с постепенным движением треугольника вперед и вверх. Треугольник разбит на разные секции, но на самой вершине часто находится только один человек. Это – первопроходец. Даже те, кто к нему ближе всего, его не понимают. Они называют его «мошенником или кандидатом в сумасшедший дом» [Кандинский *goyallib ...*, с. 13]. Таким гением-первопроходцем был Бетховен. Во всех частях треугольника, в отдельных секциях, можно найти представителей искусства. Каждый из художников, кто может выйти в воображении за пределы своей секции, является пророком для окружающих его людей. Он дает им «духовный хлеб» и помогает движению треугольника вперед и вверх. Художник считал, что по мере движения треугольника вверх этого «духовного хлеба» будут добиваться люди из нижних секций. Он считал, что масса постепенно будет подтягиваться к авангарду. Но Ортега-и-Гассет показал нам, что этого не произошло. Наоборот, произошел разрыв между массой и художественной элитой. И для элиты императив «искусства для искусства» стал более приемлемым. Так К. Малевич, развивая в супрематизме идею абстрактного искусства до беспредметности как сущности искусства, приходит к «чистому искусству» как идеалу, которое не нуждается в признании, подобно утилитарному («харчевому») искусству [Очерки эстетики и теории искусства XX в. 2013, с. 120].

В. Кандинский в своей эволюционной модели дает замечательную картину периодов деградации и кризиса искусства и культуры («большого мертвого черного пятна») [Кандинский *goyallib ...*, с. 14]. Если к «духовному хлебу» нижерасположенных секций обращаются художники более высоких секций, то для них этот «хлеб» становится ядом, так как душа из высокой секции спускается в низшую, становится причиной падения души всё ниже и ниже. Эта картина очень напоминает иерархию миров и падения душ в неоплатонизме и в раннехристианском гностицизме. Это и немудрено, так как в теософии и в антропософии Р. Штейнера, под сильным влиянием которых находился Кандинский, присутствуют значительные гностические мотивы. По его мнению, этот «духовный хлеб» может стать ядом не только для художника, но и для окружающих его людей, на которых он оказывает влияние. В чем заключается это негативное влияние, которое действует отвращающе и растлевающе на сознание человека? «Художник пользуется своей силой для потворства низменным потребностям:

в якобы художественной форме он изображает нечистое содержание, он привлекает к себе слабые элементы, постоянно смешивает их с дурными, обманывает людей и помогает им обманывать себя, убеждая себя и других, что они жаждут духовно и удовлетворяют эту жажду из чистого источника» [Кандинский *royallib ...* , с. 14]. Такие произведения не помогают эволюции искусства, а наоборот, тормозят и «распространяют вокруг себя заразу». Эти произведения ориентированы на внешний успех и «грубо материальны». Когда подобных произведений становится много, и нет ни одного крупного представителя подлинно высокого искусства, когда отсутствует «преображенный хлеб» – эти периоды являются периодами упадка в духовном мире. «Души непрерывно падают из высших секций в низшие, и весь треугольник кажется стоящим неподвижно. Кажется, что он движется вниз и назад. Во время этих периодов немоты и слепоты люди придают значение только внешним успехам, они заботятся лишь о материальных благах и в качестве великого достижения приветствуют технический прогресс, который служит только телу» [там же, с. 14]. Приверженность материальным благам и чисто духовные силы или недооцениваются, или остаются незамеченными.

Одиноких художников, ставящих себе высокие цели, высмеивают или считают психически ненормальными. Этот период Кандинский называет «духовной ночью», когда искусство оказывается «обездушено», его примета заключается в том, что «Что» искусства (его содержание) становится неважным, на первый план выступает «Как» (форма) [там же, с. 14]. Искусство считает своей единственной целью зеркально отражать предметы, и эти предметы неизменно остаются теми же самими. Искусство становится понятным только самим художникам, зрители остаются к таким произведениям равнодушны. В такие времена художника замечают при наличии незначительного «иначе» – «новой манеры», за которую он получает материальные блага. Такие художники «без воодушевления. С холодным сердцем, спящей душой создают миллионы произведений искусства» [там же, с. 15]. Публика, не понимая такого искусства, поворачивается к нему спиной. И тогда приходит новый Моисей, который несет людям мудрость [там же]. Художник первый слышит «неслышную для масс речь» [там же, с. 16]. Он бессознательно и незаметно для себя следует зову, починаясь «мистической необходимости». Как отмечает Кандинский, уже в самом

«Как», как в индивидуализированной форме произведения искусства, заложена возможность преодоления кризиса. Для этого необходимо обрести новое «Что» – художественное содержание искусства, это как бы «душа искусства», без которой ее тело («Как») никогда не будет жить полной здоровой жизнью [Кандинский *royallib ...* , с. 16].

Это было написано в начале XX в., а такое ощущение, что это сейчас, в начале XXI в. И это написано о современном искусстве. Постмодерн воспроизводит модерн, но в сниженном, пародийном, варианте, осуществляется «вечное возвращение». Как Гегель говорил, история повторяется дважды – первый раз в виде трагедии, а второй – фарса. Однако сам Кандинский свято верил в прогресс культуры и искусства и считал, что несмотря ни на что, «духовный треугольник» эволюции продолжает двигаться «вперед и ввысь». Но куда же он движется? Какова цель духовной эволюции искусства и культуры? Возвращение к Духовности из сна материализма. Но что представляет собой эта Духовность?

Путь к будущему искусству прокладывает талант художника. Кандинский пишет в своей книге «О духовном в искусстве», что высшие секции треугольника напоминают «большой духовный город», прочно построенный, но внезапно потрясенный чудовищной силой. В этом «духовном городе» что-то уже рухнуло, на «смастеренном солнце» появляются пятна, и оно уже не годится для борьбы с мраком [там же, с. 19]. Но есть люди, «оглушенные чужой мудростью», которые ничего не видят и не слышат, но и у них когда-нибудь «отверзнутся очи и слух». На высоких этажах треугольника уже нет никакого страха, там идет «работа по расшатыванию устоев». Такой работой заняты и ученые, которые ставят под сомнение само существование материи. Потрясаются основы религии, науки и нравственности, в том числе и под влиянием Ницше. Открываются проблемы духа и начинается «большое духовное движение». Тут важное значение Кандинский придает «Теософскому обществу» Е. Блаватской. С точки зрения художника, наиболее восприимчивым к духовному перевороту является искусство, в котором этот поворот обретает зримые формы [там же, с. 19].

Искусство отражает «мрачную картину современности» и предугадывает то «Великое, которое как крошечная точка, замечается немногими, и для масс не существует» [там же, с. 22]. Это «Великое»

знаменует собой поворот от материального к духовному. И на этом пути большое значение имеют «чистые формы» слова, цвета или звука. Метерлинк в литературе, Дебюсси и Шенберг в музыке, Пикассо и Матисс в живописи («Матисс – краска, Пикассо – форма – два великих указателя на великую цель») – это искатели внутреннего содержания во внешних формах, духовного содержания в материальном, пионеры в преобразовании материального в духовное через выделение чистых форм [там же, с. 26]. Знамение современного духовного поворота – это взаимодействие и синтез всех искусств. Всех этих представителей нового искусства, по мнению Кандинского, объединяет единая тенденция стремления к нереалистическому, абстрактному и к выражению внутренней природы [там же, с. 27].

Путь к духовному как путь к внутренней природе вещей, т. е. к их сущности, лежит через снятие видимости их предметных форм. Поэтому в искусстве – это движение к абстракции и к абстрактному искусству, которое способно на соответствующие обобщения, в то время как реализм в искусстве слишком «привязан» к непосредственности конкретных единичных вещей. Но вопрос-то теперь в модернизме ставится о внутренней природе вещей, т. е. об их сущности, поэтому необходимо отвлечься, абстрагироваться от каждого конкретного единичного предмета и выделить в них общее. Но и традиционное классическое искусство претендовало в своей типизации реальности на познание существенного и его выражение. Но это было познание и отражение существенных черт реальности *опосредованное*, через изображение единичных вещей и явлений.

Но В. Кандинский, как думается, перед новым искусством ставит задачу *непосредственного* познания и выражения духовности как сущности вещей в искусстве. Но здесь более подходит «мышление в понятиях», т. е. философия, так как дух остается в философии в сфере духовного же, а искусство, тем более живопись, не может обойтись без чувственно-материальной формы выражения своего содержания. Тут же, действительно, как об этом писал Гегель, в романтическом искусстве содержание искусства перерастает свою форму, и искусство постепенно умирает. В этом стремлении непосредственного познания и выражения абстрактно духовного содержания реальности абстрактное искусство выходит за пределы искусства. Но в абстрактной живописи Кандинского присутствует только начало этой тенденции. Его

прекрасная живопись еще полна меры, неопределенности, полноты цвета и красок и производит неизгладимое впечатление подлинно высокого искусства.

Сложность задачи познания и выражения духовности как внутренней природы вещей связана еще и с тем, что нигде о духовном В. В. Кандинский не говорит ничего неопределенного. Мы только узнаем, что цель и содержание искусства – это «Великая Духовность», и что наступает «Эпоха Великой Духовности». Он упоминает о теософии, антропософии, об индусах, о египтянах, но опять же ничего определенного. Думается, эта неопределенность, смутность и интуитивность образа духовного в творчестве Кандинского и вызвала абстракцию как ядро теоретического осмысления духовного. Абстракция должна вызвать вибрацию души в нужном направлении. «Цвет – это клавиш; глаз – молоточек; душа – многострунный рояль. Художник есть рука, которая посредством того или иного клавиша *целесообразно* приводит в *вибрацию* человеческую душу. Таким образом, ясно, что гармония красок может основываться только на *принципе целесообразного затрагивания человеческой души*. Эту основу следует назвать *принципом внутренней необходимости*» [Кандинский *гоуаллиб ...*, с. 33].

Абстракция всегда прежде всего аналитична: чтобы выделить абстракцию как сущность, необходимо разложить предметы реальности на элементы, а затем провести синтез и вновь построить мир из полученных элементов. Разложение, деформация предметности свойственны многим направлениям авангардного искусства, но особенно наглядно это проявилось до абстракционизма в кубизме, в котором ясно выражается конструктивистское сознание, которое сначала «разлагает» мир на элементы, «атомы» геометрических фигур, а потом конструирует новую реальность. *Конструктивизм* становится и основной стратегией абстракционизма. Кандинский тоже хочет дойти до сущности вещей, до их первоэлементов (цвет, форма) и из них построить новую реальность, в которой проявится «Великая Духовность».

Кандинский указывал на связь кубизма с принципом конструктивизма. Он отмечает, что Пикассо стремится достичь конструктивности, применяя числовые отношения, он логическим путем приходит к уничтожению материального, причем не путем его растворения,

а путем чего-то вроде дробления отдельных частей и конструктивного разбрасывания этих частей по картине. Но при этом Пикассо хочет сохранить *видимость материального* [Кандинский goyallib ... , с. 26].

Форма есть выражение внутреннего содержания, по мнению Кандинского, и может быть или отграничением предмета на плоскости, или она может оставаться абстрактной формой. Во втором случае она является «абстрактным существом». Подобными чисто абстрактными существами являются квадрат, круг, треугольник, ромб, трапеция и большое количество других форм. «Все эти формы являются равноправными гражданами в царстве абстрактного» [там же, с. 37]. Удивительно, что В. Кандинский говорит о квадрате, круге, треугольнике и т. д. как о живых существах [там же]. Такой «органический» подход обычно применялся в эстетике к произведению искусства как органичной целостности, живущей своей жизнью. Но Кандинский ведет речь об элементах композиции как о живых существах. Он, по-видимому, хочет этим показать, что «абстрактные существа» – это субстанциональные первоэлементы духовного мира. Это напоминает пифагореизм, рассматривавший числа как сущности вещей.

Сочетание этих «абстрактных существ» в композиции, по мнению Кандинского, подчиняется закону внутренней необходимости. Художник считал, что она возникает по трем мистическим причинам. Во-первых, каждый художник как творец должен выразить то, что ему свойственно. Он называет этот элемент индивидуальным. Во-вторых, художник как дитя своей эпохи должен выразить то, что присуще этой эпохе. Это – стилевой элемент. И, в-третьих, каждый художник как служитель искусства должен давать то, что свойственно искусству вообще [Кандинский goyallib ... , с. 42–43]. Кандинский называет этот элемент – «элементом чисто и вечно художественного, который проходит через всех людей, через все национальности и через все времена» [там же, с. 43]. Он присутствует в художественном произведении каждого художника, каждого народа и каждой эпохи; как главный элемент искусства он не знает ни пространства, ни времени. Вечно живым остается только третий элемент, элемент «чисто и вечно художественного». Он не теряет с течением времени своей силы, наоборот, его сила постепенно возрастает.

Эти элементы по-разному соотносятся в произведении искусства: если превалируют первые два, то творчество этого художника более

понятно современникам. Если же преобладает третий элемент «чисто и вечно художественного», то этот художник наименее понятен современникам, но его искусство обращено к вечности. С точки зрения Кандинского, действие закона внутренней необходимости, а тем самым и развитие искусства, является прогрессивным выражением вечно объективного во временно-субъективном, но, с другой стороны, это есть подавление субъективного объективным. Это понятно, цель и смысл искусства для художника – выражение этого «чисто и вечно художественного», т. е. сути бытия. Для выражения «чисто и вечно художественного» все формы равноценны, полагает Кандинский. «Его отверстый глаз должен быть направлен на внутреннюю жизнь, и ухо его всегда должно быть обращено к голосу внутренней необходимости» [Кандинский *royallib ...* , с. 45].

Принцип внутренней необходимости как основной закон искусства указывает путь к подлинной живописи. Путь этот лежит меж двух областей: направо – абстрактное применение цвета в «геометрической» форме; налево – более реальное, но слишком ослабленное внешними формами использование цвета в предметных формах [там же, с. 70–71].

Однако только в этот переломный период существует возможность перейти как пределы абстракции и достичь до «чистой абстракции», так и перейти пределы реального и достичь до «чистого реализма». Чистая абстракция более совершенная, чем абстракция геометрических форм. А жизнеподобный реализм Кандинский называет фантастикой. А «чистый реализм» на самом деле – это еще более высокая фантастика – «фантастика простейшей материи» [там же, с. 71]. Как он считает, «между ними безграничная свобода, глубина, широта, богатство возможностей; за ними же лежит область чистейшей абстракции и чистейшего реализма» [там же, с. 71]. Однако «чистая абстракция» и «чистый реализм» на самом деле не только противоположны, они и совпадают друг с другом, они и тождественны. Тут проявляется своеобразный диалектизм, присущий мышлению художника. И тождественны они в конструктивистском подходе к реальности.

Для конструктивистского подхода к реальности характерно утверждение, что искусство стоит выше природы. Выражение принципа внутренней необходимости, т. е. объективного в искусстве, как полагает художник, в современную ему эпоху действительно требует

отмены границ природных форм, которые часто препятствуют проявлению объективной сущности искусства. Кандинский прямо пишет, что «эти границы устраняются и заменяются *объективным элементом формы – конструкцией* (выделено нами. – М. Р.) в целях композиции. Этим объясняется уже явное сегодня стремление открыть *конструктивные формы* (выделено нами. – М. Р.) эпохи. Так, например, кубизм, как одна из переходных форм, показывает, насколько часто природные формы приходится насильственно подчинять *конструктивным целям* (выделено нами. – М. Р.), и какие ненужные препятствия в таких случаях такими формами создаются. Сегодня, в общем, применяется *обнаженная конструкция* (выделено нами. – М. Р.), что является, по-видимому, единственной возможностью для выражения объективного в форме» [Кандинский goallib ... , с. 71–72]. Однако, по мнению живописца, дух времени и современная гармония искусства требует другого типа конструкции – не ясно очерченную и бросающуюся в глаза геометрическую конструкцию, а *«скрытую конструкцию»* [там же, с. 72]. Именно ей Кандинский отдает предпочтение. Он ее описывает следующим образом: «Эта *скрытая конструкция* может состоять, казалось бы, из случайно брошенных на полотно форм, которые также, казалось бы, никак друг с другом не связаны: внешнее отсутствие этой связи означает здесь ее внутреннее наличие. Внешне разделенное является здесь внутренне слитным. И это остается одинаковым для обоих элементов, как для рисуночной, так и для живописной формы» [там же].

Однако, *«последним абстрактным выражением в каждом искусстве является число»* [там же]. Действительно, пределом и основой конструктивизма является математическое выражение отношений между предметами в реальности, т. е. математическая модель реальности. Нашим современникам это хорошо известно.

Особенностью конструктивизма Кандинского является его «органический и мистический характер». Для него произведение искусства возникает как бы «из художника», таинственным и мистическим образом. «Отделившись от него, оно получает самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным, духовно дышащим субъектом, ведущим также и материально реальную жизнь; оно является *существом*» [Кандинский goallib ... , с. 73]. Кандинский отмечает, что современное ему искусство стоит на пороге «эры целесообразного

творчества» (читай – конструктивистского творчества), когда художник будет гордиться, что он может разумно проанализировать *конструкцию* своего произведения [там же]. По его мнению, конструктивистское искусство в наибольшей мере соответствует начавшейся эре нового духовного царства, эпохе «Великой Духовности».

Конструктивистский тип мышления сформировался в модернизме и был унаследован постмодернизмом. Это обстоятельство показывает, что постмодерн является следующим этапом развития модерна, и сохраняет все сущностные черты модерна, но в сниженном варианте. Конструктивизм в ХХI в. сформировался в последовательную методологическую программу, которая продуцирует определенный тип мышления. И этот конструктивистский стиль мышления сохраняет во многом утопизм и революционаризм ХХ в. Конструктивизм – это тип технического инженерного мышления, перенесенный во все сферы бытия. Он видит в любом объекте окружающей среды, природной, социальной, биологической нечто искусственно созданное. Эта конструкция имеет детали – элементы, из которых состоит эта конструкция (элементаризм). Поэтому главный императив конструктивизма – разобрать объект до деталей-элементов, а потом собрать его заново, но уже в заданном ключе. Этот императив можно назвать *революционаризмом*. Это значит *революционно* смотреть на всякий объект познания и бытия. «...до основания мир разрушим», а затем «мы свой, мы новый мир построим» – это интенция революционного сознания. Таким образом, через революционный императив модернизм связан с постмодернизмом и с постпостмодернизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батракова С. П.* Романтическая утопия у истоков абстрактного искусства // С. П. Батракова. Искусство и утопия. Из истории западной живописи и архитектуры ХХ века. М. : Наука, 1990. 304 с.
- Кандинский В. В.* О духовном в искусстве. URL : www.royallib.com/book/kandinskiy_vasily/o_duhovnom_v_iskusstve.html
- Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М. : Искусство, 1991. С. 218–259.
- Очерки эстетики и теории искусства ХХ века. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 448 с.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanitarian Sciences
Выпуск 11 (784)	Issue 11 (784)

Над выпуском 11 (784) работали:

доктор филологических наук, профессор Т. С. Сорокина;
доктор филологических наук, профессор А. П. Бондарев;
кандидат культурологии, доцент М. А. Полетаева;
доктор философских наук, профессор В. А. Васильев

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 25.12.2017
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 16,8
Заказ № 1563

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология
09.00.00 – Философские науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Филология и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна